

ОБ УШЕДШИХ-ОТОШЕДШИХ

Алексей Плужников, Ксения Волянская

Оглавление

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

Интервью с писателями

Алексей Плужников

[МАРИЯ КИКОТЬ: МНЕ ИСКРЕННО ЖАЛЬ ИГУМЕНЬЮ НИКОЛАЮ — ОНА ТОЖЕ ЖЕРТВА СИСТЕМЫ](#)

[ДМИТРИЙ САВВИН: РУССКОГО ПОПА МОЖНО ЗАСЛУЖЕННО ОБВИНИТЬ, НО МОЖНО И ПОЖАЛЕТЬ](#)

Ксения Волянская

[МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ: ПОСТУПКИ ВАЖНЕЕ ВЕРЫ](#)

Интервью с «альтернативными» епископами

Алексей Плужников

[МУЛЯЖ ЦЕРКОВНОГО КОРАБЛЯ](#)

[ГРИГОРИЙ МИХНОВ-ВАЙТЕНКО: ЦЕРКОВЬ — В ДУХЕ И ИСТИНЕ, А НЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ](#)

Исповедь захожанина/ухожанина

Алексей Плужников

[ПОЗВОНИ ОЛЕСЕНЬКЕ И СПРОСИ: «НУ КАК У ТЕБЯ ДЕЛА?..»](#)

Ксения Волянская

[ЛЮДИ ПРОСТО РАБОТАЮТ МОНАХАМИ И СВЯЩЕННИКАМИ](#)

[МОЖНО ОБЩАТЬСЯ С БОГОМ, НЕ ВСТУПАЯ В «КОЛХОЗ»](#)

[СПАСИБО АМЕРИКАНСКИМ МИССИОНЕРАМ](#)

[Я ВЗЯЛ ПАУЗУ: НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ИЗ МЕНЯ ДЕЛАЛИ СООБЩНИКА](#)

[ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ СЫНА С ДИАГНОЗОМ АУТИЗМ МОЮ ВЕРУ КАК ОТРЕЗАЛО](#)

[Я НЕ ПРАВОСЛАВНЫЙ — Я ХРИСТИАНИН](#)

[БОГ МЕНЯ НИ РАЗУ НЕ ПОДВОДИЛ. А ВОТ ЦЕРКОВЬ ПОДВОДИЛА](#)

[«НИКТО НЕ ВЫЖИЛ, НИКТО НЕ УМЕР»](#)

Алексей Плужников

[ВАЛЕРИЙ ОТСТАВНЫХ: Я ХОТЕЛ НАЙТИ В ЦЕРКВИ ХРИСТА В ЛИЦЕ ЛЮДЕЙ](#)

Ксения Волянская

«МЕНЯ ВЫДАЛИ ЗАМУЖ В 16 ЛЕТ»: ИСПОВЕДЬ БЫВШЕЙ МАТУШКИ

Интервью на разные темы

Ксения Волянская

ЦЕРКОВЬ ДОЛЖНА ПРИВОДИТЬ КО ХРИСТУ, А НЕ К УКРАИНЕ, РОССИИ ИЛИ АМЕРИКЕ
НАШЕГО БАТЮШКУ ПЕРЕВОДЯТ! ЧТО ДЕЛАТЬ?

КОГДА Я «ОТКРЫЛА ЛИЦО» — ЭТО БЫЛО ОСВОБОЖДЕНИЕ
300 ШЕКЕЛЕЙ ЗА ЧУДО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — сборник интервью редакторов «Ахиллы» за почти два года существования нашего проекта. Наши собеседники — разные люди, но многих из них объединяет слово *бывший*. Кто-то был прихожанином, а стал захожанином или «ухожанином». Кто-то был в РПЦ, а теперь ушел. Кто-то был алтарником, послушником, матушкой — а теперь уже нет. Поэтому мы объединили эти истории под общим названием «Об ушедших-отошедших».

Интервью с писателями

Алексей Плужников

МАРИЯ КИКОТЬ: МНЕ ИСКРЕННО ЖАЛЬ ИГУМЕНЬЮ НИКОЛАЮ — ОНА ТОЖЕ ЖЕРТВА
СИСТЕМЫ

Автор знаменитой «Исповеди бывшей послушницы» рассказала «Ахилле» о том, как выглядят для нее, спустя несколько месяцев после написания книги, те события из жизни Малоярославцевого женского монастыря, как реагируют читатели на ее «Исповедь» и что чувствует сама Мария сейчас (интервью опубликовано 20 февраля 2017 года).

О вере

— Впервые вы близко соприкоснулись с православием в Каменно-Бродском мужском монастыре Волгоградской области, когда вас пригласили стать временно поваром. Почему вы согласились? Не смогли отказать, любопытство или попытка начать духовный путь в православии?

— Сначала только любопытство, причем интересно было не само православие, а именно увидеть закрытую монастырскую жизнь изнутри. В

общем, это воспринималось как некое приключение, не более того. Хотя духовный поиск меня занимал давно, правда, не в православии, а в индийских и китайских духовных практиках и медитациях.

О православии я практически ничего тогда не знала. Помню, как на кухне Каменно-Бродского монастыря мы беседовали с пожилой монахиней, и она сказала мне: «Спасайся!» Мне это тогда показалось довольно нелепым и непонятным: от кого спастись, где и зачем. Но удобоваримого ответа на свой вопрос я так тогда и не получила.

— *Зарождение вашей веры: как это воспринималось тогда и как сейчас?*

— Зарождения веры не было, я и до этого с раннего детства верила в Бога, молилась, и даже, как мне казалось, получала помощь. Это не был Бог из какой-то религии, просто мне казалось естественным, что этот мир должен был кто-то создать и поддерживать, и к этому Богу всегда можно было обратиться за помощью. Но все это было каким-то неопределенным.

Когда же я начала после посещения Каменно-Бродского монастыря читать православную литературу, возникло ощущение, что православная вера действительно может дать ответы на вопросы бытия, приблизить к Богу и внести в жизнь осмысленность. На деле, правда, как потом выяснилось, верующему предлагается отрешиться в жизни практически от всего, поскольку идеалом нашего православия каким-то образом оказалось монашество. Мирянам также предлагается по возможности воздерживаться от почти всех радостей жизни, а в промежутках между воздержаниями — каяться в своих немощах и в том, что не имеют сил воздержаться, как это делают «подражатели ангелов» — монахи. Весь смысл существования перемещается куда-то в загробную жизнь, тогда как здесь остается только «спастись» самому и «спасать» заблудших окружающих всеми доступными средствами.

— *В книге вы упоминаете, что «проклятая» «Лествица» подтолкнула вас к монашеству: в чем «вина» книги?*

— Книга написана очень красивым поэтическим языком и действительно обладает большой силой внушения. Не зря она является настольной книгой во всех монастырях. Там нет, как ни странно, какого-то идеального образа монашества, в ней описано монашество, как оно было и есть, со всеми вытекающими. Описаны и трудности монашеского пути, и подвиги во имя

покаяния и смирения, и издевательства начальства над братией во имя смирения, даже до смерти, и много чего еще. Но все это преподносится как «средство для обретения спасения», не иначе. Если человек уже готов принести свою жизнь в жертву «спасения» и получения загробного воздаяния, то все это воспринимается совершенно нормально.

Весьма привлекательно в этой книге рисуется образ монаха-подвижника, терпящего скорби Царствия ради Небесного. Много внимания уделяется также «богоизбранности» и «богоугодности» монашеского пути, это внушает сразу чувство собственной исключительности и избранничества, что весьма приятно для людей неискушенных и гордых. Отсюда и возникает желание этому пути следовать. И при этом все трудности и страдания монашеского поприща воспринимаются также как богоданные и спасительные, какими бы они ни были, даже совсем странными и нелепыми. Человек начинает думать, что чем больше страданий и лишений он претерпит Христа ради, тем скорее обрящет милость и спасение (это, кстати, чуть ли не основная мысль книги), хотя этот тезис является просто извращением самой сути христианства. Христос нигде в Евангелии не призывал искать себе приключения и страдания намеренно — ни себе, ни другим.

И вот человек, начитавшись такой литературы, приходит в монастырь отнюдь не за спокойной жизнью в посте и молитве, он идет «пострадать за Христа до смерти». А там его уже поджидают мать Николая и ей подобные, готовые этим воспользоваться. Это, кстати, ответ на вопрос: «Почему же монахи терпят таких вот николай и не уходят из монастырей».

— Если вина книги в том, что она рисует идеальный образ, а реальность резко отличается, то вина ли это книги или это ошибка читающего? Евангелие тоже говорит об идеале, о Царстве Божьем, зовет туда — является ли Евангелие тоже «проклятой» книгой?

— А реальность не очень-то отличается. Глупо думать, что раньше монашество было каким-то другим, нежели сейчас, достаточно немного изучить историю. Просто эта монашеская реальность в книге очень уж поэтично и привлекательно подана, даже смерть от побоев наставника преподносится как великое благо для послушника. За это обещается Царствие Небесное не только послушнику, но и наставнику по молитвам замученного послушника.

Читающий подобные книги и доверяющий им, конечно, тоже виноват. Во-первых, виноват в своей доверчивости, а во-вторых — в гордости, что намечтал себе «великий монашеский подвиг», возомнил, что имеет «призвание к монашеству» и т. д.

Но в данном случае, я считаю, что больше виноваты люди, распространяющие подобную литературу в храмах, где люди склонны проявлять доверие и открытость, особенно поначалу. Помимо Лествицы в церковной лавке можно найти немало книг, призывающих к монашеству. РПЦ тут ничем не лучше Свидетелей Иеговы, которые тоже распространяют везде свои красочные брошюры о богоизбранности и спасительности своих адептов, и у них тоже немало последователей. Там так же все ориентировано на доверчивость и гордость — «почувствуй себя богоизбранным, особенным и слушайся наставника».

А в Евангелии разве хоть где-то говорится о монашестве? Многие приводят в пример эпизод, где Христос предлагает оставить все имущество юноше, пожелавшему быть Его учеником, чтобы следовать за Ним. Но иначе этот юноша и не смог бы заниматься миссионерской деятельностью и следовать везде за Христом, как остальные апостолы. Это был совет не для всех, и вообще не про то.

Там нигде нет такого тезиса, как «отсечение своей воли» в пользу наставника (не Бога, а именно наставника, как это принято в монастырях). Христос не призывает мучить себя или других нарочно ради «смирения» и «покаяния». Разве Он смирял кого-то из своих учеников, морил голодом или бил? Откуда тогда это взялось: «чем больше скорбей, тем спасительнее?»

В Лествице и ей подобных книгах какая добродетель для монаха считается наивысшей? Послушание. Послушник, говорится, исполнил все заповеди. Абсолютно все. Просто потому, что подчинялся во всем своему наставнику. Послушнику и молиться необязательно, все у него будет по молитвам начальства. Где такое в Евангелии? Откуда вообще это взялось? И получается, что никакие добродетели послушнику стяжевать уже не нужно, просто подчиняйся, как в армии, ни о чем не задумываясь, и попадешь в рай.

Вот и получается, что после нескольких лет жизни в монастыре такие послушные чада уже и думать разучиваются, ни одного решения самостоятельно принять не могут, становятся как дети, даже перестают

отличать хорошее от плохого, нравственное от безнравственного. Начальству, разумеется, все это очень удобно: чем послушнее и нерассудительнее работник, тем лучше. Про все это я много писала в книге, не буду повторяться.

— *Есть ли что-то в христианстве, что осталось для вас ценным, или всё на «свалку истории»?*

— А разве можно что-то такое выбрать из христианства, оставить, как полезное, а остальное выкинуть? Тут или все, или ничего, по-другому невозможно. Или ты веришь, что Христос — Спаситель и Бог, следуешь Его заповедям и чаешь вечной жизни, или нет, все это выкидываешь, как ненужное. У меня получился второй вариант, я в это все больше не верю.

— *Как вы думаете, вернетесь ли вы в Церковь когда-нибудь?*

— Я не знаю, зачем мне туда возвращаться. Я не чувствую ни желания, ни какой-то потребности, не скучаю по службам, вообще сейчас уже не понимаю, что это может мне дать и чем помочь.

— *Вы делаете мозаичные иконы — молитесь ли? Или просто ремесло?*

— Я начала заниматься мозаикой еще в Свято-Никольском монастыре, продолжила в Шаровкином монастыре. Раньше да, молилась, теперь это просто творческий процесс, интересный для меня только с художественной точки зрения.

— Осталась ли вера в Бога? В конце книги, в послесловии, вы упоминаете Господа — это риторически или Он для вас конкретен?

— Когда я писала книгу, я еще верила в Бога, и даже посещала православный греческий храм в Бразилии, хотя уже начала анализировать многие религиозные темы, задавать себе самой вопросы, искать ответы. Поэтому книга получилась как бы на грани веры и неверия. Может быть, именно поэтому ее и интересно читать. Сейчас уже я бы не смогла написать так, получилось бы уже совсем по-другому, и думаю, не так интересно.

— *Вы стали совершенно индифферентны к вопросам веры, ада, рая, спасения души или просто отложили этот вопрос на полочку, решив передохнуть?*

— Сейчас я думаю, что за этими терминами, которые вы перечислили, попросту ничего не стоит, кроме фантазии. Лично мне все это совсем не нужно. Не хочется больше жить в этом вечном неврозе и страхе где-то согрешить и недокаяться, пугать себя адом или утешаться предвкушением райского блаженства. Разве эти пугалки кому-то когда-то помогли вести себя нравственно? Я наблюдала скорее обратное в церковной жизни.

Даже если Бог есть, и есть страшный суд в итоге — что с того? Судя по Евангелию, нравственное поведение по отношению к окружающим — это все, что с нас спросят на том же страшном суде, если он все-таки состоится. Остальные опции, необходимые верующим, вроде непоколебимой веры и покаяния чуть ли не до смерти, досочинили уже святые отцы церкви намного позже Христа, чтобы было чем шантажировать верующих и отличать их от остальных людей.

О монастыре

— *Как вы сейчас относитесь к людям, о которых ваша книга? К игуменье Николае?*

— Сестер тех монастырей, где я жила, мне очень жаль. На самом деле они находятся в психологической тюрьме. Вроде бы ты можешь уйти физически, никто не держит насильно. У некоторых есть родственники и жилье, но все равно, уйти они не могут, даже не представляют себе такой возможности. Кажется, что просто вся жизнь закончится, если уйдешь. Единственная возможность вырваться — это если происходит нечто такое, что просто выталкивает человека в мир помимо его воли. Как правило, это болезнь или конфликт с начальством. Но часто такие люди не выдерживают и возвращаются обратно или поступают в другой монастырь, потому что бывает очень тяжело адаптироваться в миру, преодолеть десоциализацию, страх, чувство вины и одиночества.

К иг. Николае я сейчас никак не отношусь. Первые месяцы после ухода из Малоярославца я только и думала о монастыре, о ней. Это была какая-то навязчивая идея, даже состояние, и днем, и ночью. Просто голова уже была приучена думать об этом все эти годы. Я постоянно анализировала свой уход из монастыря, чувствовала себя виновной в том, что оставила монашеский подвиг, искала себе оправдания, постоянно нервничала, даже до истерик,

окружающим было тяжело со мной общаться. К тому же в монастыре как-то утрачиваешь постепенно способность нормально думать и связно говорить.

Постепенно все это прошло, и сейчас м. Николая для меня — просто часть всей этой РПЦшной системы, ничуть не более страшная, чем тот же митрополит Климент (Капалин), тоже герой моей книги. Они, кстати, с ним очень похожи: тоже эта страсть к показухе, роскоши, такое же невероятное превозношение над простыми смертными. Может быть, поэтому он ее так поддерживает во всем, особенно сейчас, после выхода книги и интервью бывшей послушницы Черноостровского монастыря Регины Шамс в МК, где она рассказала о монастырском приюте «Отрада».

В общем, м. Николая просто слилась в моем сознании со множеством таких же церковных «цариц» и «царьков», коих в изобилии расплодила сейчас система, которой они служат. А как я отношусь к этой системе в целом? Резко отрицательно. На мой взгляд, нет ничего более отвратительного и страшного в современном мире, чем эта легитимизированная форма рабства, так буйно процветшая сейчас у нас в стране.

— *Как сейчас вы относитесь к заповеди о любви к врагам?*

— Сейчас я не понимаю уже, что конкретно тут имеется в виду. Каким образом нужно любить людей, творящих зло, и причем в особо крупных размерах? Не нужно с ними бороться и просто подставить другую щеку? Или класть за них земные поклоны и молиться? Я этого больше не делаю. Тогда что?

Любовь для меня — это вполне конкретное чувство, которое невозможно просто так сгенерировать на пустом месте. Если любить в этом контексте — это перестать ненавидеть, то да, с точки зрения даже психологии заповедь полезна.

Я не могу сказать, что ту же м. Николаю я ненавижу, мне ее искренне жаль, как человека, тоже пострадавшего в этой жестокой системе. Только несведущий человек может подумать, что ей живется хорошо и спокойно на этом месте. Я наблюдала совсем обратное в монастыре. Уже одно то, что она постоянно принимает успокаивающие лекарства и серьезные антидепрессанты, говорит о многом. Очень непросто постоянно лгать и притворяться. Она так же попала в зависимость от системы, как и подвластные ей монахини. Практически все лидеры подобных

деструктивных сект и организаций страдают в итоге различными психическими и психосоматическими заболеваниями, и она не исключение.

— Угрожали ли вам «большие люди»? Сама игуменья Николая или ее подчиненные?

— Лично мне нет, никто не угрожал. Может быть еще потому, что я написала и издала книгу, находясь в Бразилии. У м. Николаи длинные руки, но, видимо, не настолько. На издательство и на людей, находящихся внутри церковной системы, наезды были, и очень серьезные, это я знаю точно. Очень было непросто издать эту книгу, до самого выхода тиража было непонятно, получится ли это сделать. Сейчас так же непонятна судьба второго тиража, все очень непросто.

— Следует ли ситуацию в том монастыре и детском приюте решать с привлечением органов власти: прокуратуры, детской омбудсвумен, соцзащиты или только взывать к вмешательству Патриархии и епархии? Или к совести начальствующих монастыря? Или надежда только на огласку?

— В приют «Отрада» приезжают плановые проверки, все делается вполне законно. Неделю к этим проверкам готовится весь монастырь, целый день этих проверяющих развлекают и вкусно кормят, дети показывают концерты с песнями-плясками. Все остаются довольны, сестры и дети только после таких проверок устают ужасно, а так — все там замечательно. Поэтому лично я никаких надежд не питаю. Думаю, просто надо обо всем этом хотя бы больше писать, чтобы люди сами понимали, в какую ловушку они попадут вместе со своими детьми, если поступят в монастырь (и неважно в какой, везде примерно одинаково). На какие-то активные действия со стороны РПЦ или государства надежды мало.

— «Что нас не убивает, то делает сильнее» — ваш опыт сделал вас сильнее? Если да, то кто-то может сказать, что и не стоит никого предостерегать от монастыря, пусть каждый пройдет свой путь и станет сильнее?

— Кто так скажет, тот просто не понимает, о чем говорит. Так можно и в тюрьму, и в лагерь людей ссылать — пусть себе закаляются телесно и духовно. Мне повезло еще с нервами и крепким здоровьем, но это скорее исключение. Чаше уже после трех лет такой жизни человек начинает терять

здоровье — и душевное, и телесное, причем безвозвратно. А сколько людей попросту сошло с ума на этом поприще! Кто это отслеживает? Кто контролирует? Из человека в первые годы поступления в монастырь выжимают все силы, пока он еще может трудиться, а потом зачастую выкидывают на улицу больным. Я уже не говорю о том, что после нескольких лет «подвига» теряются профессиональные навыки, в мир возвращаешься уже ни к чему не годным и десоциализированным.

А этот навык послушания и отсечения своей воли, который делает из тебя безвольный овощ? Очень тяжело потом снова научиться думать самостоятельно, принимать решения и просто не бояться людей. Нет, сильнее тут точно не станешь. Изначально сильный человек сможет восстановиться после монастыря, но людей с более слабой организацией система просто ломает.

— Проблемы, описанные в книге, — злодеяния, унижения, манипулирование — это проблемы конкретных людей, конкретного монастыря, или это системная проблема РПЦ? Или в целом всего христианства? Вы же описывали добрые отношения в Горненском монастыре — что правило, а что исключение?

— В Горненском монастыре тоже хватало своих проблем, о которых я просто не стала писать в книге, но в целом ситуация там лучше, пока там довольно адекватная игуменья Георгия. Когда ее не станет, неизвестно еще, как там все будет. И к тому же этот монастырь в силу своей специфической деятельности и устройства очень отличается от российских монастырей, устроенных по одному принципу общежития. В Горненском монастыре сестрам платят зарплату и отпускают в отпуск, живут они отдельно в домиках, за ними нет такого тотального контроля, как в наших монастырях. Где вы в России такое встречали?

Если говорить о проблемах нашего монашества, то это очевидно, что дело не в конкретных людях, они просто являются частью этого механизма.

Монастырь в Малоярославце не является каким-то исключением из общего правила и не сильно отличается от других монастырей, разве что некоторые порядки там жестче.

В 36 главе своей книги я выписала признаки, по которым можно отличить обычное сообщество людей от деструктивной секты. И все эти признаки до

единого подходят к любому современному, да и к древнему, общежительному монастырю. Получается, что монастыри, как закрытые системы, устроены по принципу секты. Человек при поступлении в монастырь отказывается не только от своего имущества и профессиональных навыков, но и от своей воли, он полностью подчиняется наставнику, поэтому и называется «послушником». Он попадает в полную зависимость от этой системы материально и к тому же подвергается постоянной психологической обработке. И здесь начинаются всевозможные манипуляции и злоупотребления. По сути, это просто узаконенное рабство, как бы кто это ни называл.

О книге

— *Вы вели дневники? Как удалось так подробно воспроизвести все события?*

— Нет, я ничего не записывала. Если бы я вела дневники, думаю, книга получилась бы гораздо объемней. Удалось вспомнить только самые яркие моменты монашеской жизни, но это то, что не забывается.

— *Вы писали свою книгу для себя, в терапевтических целях? Тот эффект, который она оказала, изменил вас или ваше отношение к теме? Вы ощущаете себя борцом за права униженных и обманутых, героем? Вы рады, что книга оказалась востребованной?*

— Скорее, терапевтический эффект предполагался не для меня, а для некоторых моих знакомых, прошедших тот же путь, но так и не осознавших, что, собственно, с ними произошло. Для них я и писала эту книгу, хотя мне она тоже помогла систематизировать все в голове и еще лучше все понять.

Как ни странно, многие бывшие монахи и монахини по много лет после ухода из монастыря не могут преодолеть страх и чувство вины, что ушли. Ведь уход из монастыря приравнивается к предательству Бога. И человек мечется, не может найти себе место в обычной человеческой жизни, постоянно пребывает в этом унижительном и невротически-изматывающем состоянии, навязанном ему еще в монастыре, ходит на службы, бесконечно исповедуется, кается. Кто-то не выдерживает и возвращается обратно, опять уходит, и так может продолжаться несколько раз. Плюс это вечное чувство собственного недостойнства и ущербности, наивно принимаемое за смирение, которое тоже культивируется в монастырях, да и на приходах.

Я сама все это пережила, поэтому мне и хотелось описать этот опыт и поддержать таким образом тех, кто в этом нуждается. Очень многие люди писали мне отзывы, благодарили за книгу, для меня это самое главное. А такой резонанс, мне кажется, книга получила потому, что очень у многих уже наболело, так сказать, такая книга назревала давно.

— *Надеетесь ли вы, что книга что-то изменит в системе монастырской жизни РПЦ или в самой РПЦ? Или только в умах читателей? Что показала жизнь за прошедшие несколько месяцев после написания книги?*

— Я не думаю, что изменения в системе РПЦ произойдут стремительно и благодаря книге, думаю, все будет идти постепенно, благодаря интернету и огласке. Об этом рабстве под видом монашества только недавно стали говорить и писать, и уже многие не боятся называть вещи своими именами, это самое главное.

Скандальность, как вы выразились, книги ничуть не мешает мне нормально жить сейчас, наоборот, благодаря книге я познакомилась со многими интересными людьми. Поэтому нет, я ни о чем не жалею, я рада, что книга оказалось востребованной и принесла пользу.

— *Не кажется ли вам, что книга сыграла на руку тем, кто занимает крайнюю антирелигиозную позицию, условному «союзу воинствующих безбожников»? Чье мнение и поддержка для вас важнее: этих «безбожников», разумных и осторожных верующих, церковных людей или просто светских, любопытствующих, читателей?*

— Я сейчас не делю людей на верующих и безбожников, у каждого могут быть свои убеждения, если они его радуют и помогают в жизни.

А по поводу вашего вопроса, по-моему, сейчас больше всего на руку «безбожникам», как вы выразились, сама политика РПЦ и патриарха Кирилла сотоварищи. Сколько эти самые «безбожники» раньше ни писали, все это не имело никакого резонанса, пока не стали писать люди изнутри самой системы и пострадавшие от нее.

— *Легко ли быть автором скандальной книги в России? Ваша жизнь как-то изменилась после публикации «Исповеди» в интернете и выхода книги?*

— Вот и вы говорите об «Исповеди» как о скандальной книге. Но задумайтесь хорошо: а что в ней такого скандального? Рассказываю ли я о

чем-то, что не известно монахам или давно воцерковленным мирянам, не носящим розовые очки? Вся сенсационность в глазах тех, кто ничего не знал о быте и нравах современных российских монастырей или знал только из приторных благочестивых сказок.

После публикации меня обвиняют в поиске дешевой славы и даже вспоминают историю библейского Хама, рассказавшего братьям о наготы отца. Кстати, я узнала за это время, что аргумент с историей Хама — один из самых любимых у наших батюшек: мол, не надо выносить грязь на публику.

Но перечитайте эту библейскую историю, задумайтесь о ее содержании: Хам случайно нарушил представления о чистоте, увидев наготу отца, после чего пошел к братьям и рассказал им. Что сделали братья? Они вошли к отцу и, не глядя, прикрыли наготу, чтобы нечистота не повторилась. Хам осквернился и рассказал братьям. Братья устранили источник нечистоты благодаря Хамовой огласке. Если бы он молчал, то случившееся с ним произошло бы и с непредупрежденными братьями, они тоже осквернились бы.

Вот вам и скандальность, вот и хамство. Гласности боятся там, где полно нечистот. И очень хорошо, что мою книгу многие читатели восприняли именно как предупреждение. Может быть, я отвечаю не совсем на тот вопрос, который вы задали, но для меня это важно: раскрыть тему скандальности. Что касается авторства скандальной книги в России, то тут вам лучше издателей спросить. Поверьте, у них есть, что рассказать, но они не говорят — как люди, у которых есть, о чем молчать.

— Как вы считаете, почему критики вашей книги сразу переходят на личности?

— Насколько я могу судить, это касается не только моей книги. Явление гораздо шире. Похоже, что так относятся ко всем бывшим. Может быть, желая заглушить сказанное ими, может быть, переключить внимание...

Одно дело обсуждать — нормально ли, если послушницы питаются просроченными продуктами, пожертвованными на корм скоту, другое — ехидничать по поводу того, что я фотографирую обнаженную натуру. Почувствуйте разницу, как говорится, и задумайтесь о нравственном облике таких людей. Как хорошо известно, такими обвинениями можно доказывать правоту тех, на кого набрасываются так называемые критики. Критика — это

хорошо, она помогает исправлять ошибки и делаться совершеннее, но ярость и подлость обиженных людей — это месть, а не критика.

Есть и те, кому искренне больно читать мою книгу и думать о темах, которые я затронула. Им больно и трудно. Приходится делать переоценку своих ценностей. Это порождает внутренний протест. Такая реакция мне понятна. Самое главное, что она искренняя, и мы, как правило, находим общий язык, обсуждая книгу у меня на странице в фейсбуке. Такой протест я не считаю критикой. Это, если угодно, и духовная жизнь: сокрушение идолов и стремление к называнию вещей своими именами, а не благолепными эвфемизмами.

— Вы научились чему-нибудь у отрицательных персонажей вашей истории?

— Верующие любят говорить, что неслучайных людей в нашей жизни не бывает, встречи промыслительны, любой человек в нашей жизни нас чему-то учит. Наверное, задавая этот вопрос, вы имеете в виду конкретных лиц, а я, выслушивая его, тоже сразу представляю себе тех, кого вы могли бы иметь в виду.

Скажу так. Знаете, когда происходит какое-нибудь страшное преступление, то, пока не знаешь, кто это натворил, думаешь о преступнике как об исчадии ада, зловещей демонической фигуре, но вот нам показывают задержанного: это всего лишь человек, такой же, как и все. Если бы мы не знали, что он натворил, то, может быть, даже проявили симпатию к нему или нашли повод уважать за что-то, или даже подражать ему. А могли бы и совсем не заметить, как одного из тысяч, а если он забулдыга, то даже осудить или пожалеть. Если вы отнесетесь к моей истории как к описанию увиденной жуткой картины, то вы начнете демонизировать героев этой истории, не зная их, а если вы знали этих героев, то вы не поверите нарисованной картине.

Поэтому я скорее научилась не у героев моей книги, а получила драгоценный экзистенциальный опыт двойственности личности и двойственности бытия, так сказать. Из этого опыта можно извлечь очень ценные уроки, при этом никого не обвиняя.

— Какой отзыв на книгу запомнился вам больше всего?

— «„Исповедь бывшей послушницы“ — паспорт совестливого человека, который нужно всегда иметь при себе». Я бы не была такой категоричной,

как его автор, но именно эти слова запомнились мне больше всего. Также я не могла не обратить внимания на многочисленные признания в том, что книга дает радость и надежду, вдохновляет быть духовно зрелыми людьми.

О жизни сейчас

— Появились ли у вас друзья после публикации из таких же бывших? Поддерживаете ли связь с бывшими монахинями и послушницами того монастыря?

— После публикации книги у меня появилось много друзей, и не только из бывших. С бывшими сестрами малоярославецкой обители я общаюсь, с некоторыми довольно близко дружим.

— Наверно, много душевных сил и нервов уходит на переписку и ответы на комментарии — не устали от своей известности?

— Сначала, когда только книга была опубликована в Живом журнале, приходило больше 100 писем и комментариев в день, я старалась читать, всем ответить. Сейчас количество отзывов стало гораздо меньше, я успеваю все прочитать и ответить, мне это интересно и не отнимает много времени. Я очень благодарна всем тем, кто мне пишет, поддерживает, делится своими впечатлениями от прочтения книги — таких писем я получила много, и для меня это очень важно.

— За прошедшие месяцы давали ли вы интервью? Обращались ли к вам православные СМИ? Почему решили согласиться побеседовать с «Ахиллой»?

— Было несколько предложений дать интервью. Согласно нашей договоренности с издателем, я консультировалась с ним при принятии решения. После не очень приятной истории с одним из крупных православных СМИ мне действительно нужна была помощь в выборе. В какой-то момент я решила вообще не давать интервью. Не то, чтобы я была совсем не готова к неэтичному и нечестному поведению журналистов, но зачем все эти склоки?

Недавно я услышала несколько хороших отзывов об «Ахилле», и мне ваш проект показался очень интересным. То, что вы делаете сейчас, достойно внимания. Издатель, соглашаясь с моим решением, поделился похожим мнением, а единомыслие всегда радует.

— В послесловии к книге вы пишете, что внутренняя реабилитация у вас шла с января 2016, а к октябрю того же года, ко времени написания книги, вы полностью восстановились. Сейчас февраль 2017 — вы по-прежнему считаете, что восстановление произошло?

— Восстанавливаться я начала уже во время пребывания в Шаровкином монастыре. Там я была около года. Мы жили при храме небольшой общиной, как я писала в книге, была возможность пользоваться интернетом, читать книги, ездить домой. А потом уже мне сильно помогла Бразилия: океан, солнце, общение, отличная еда и отдых. Собственно, если бы не это, книги бы не было. Произошло ли восстановление душевных и физических сил до конца? Мне кажется, что да.

Алексей Плужников

[ДМИТРИЙ САВВИН: РУССКОГО ПОПА МОЖНО ЗАСЛУЖЕННО ОБВИНИТЬ, НО МОЖНО И ПОЖАЛЕТЬ](#)

«Ахилла» побеседовал с Дмитрием Саввиным, автором романа «Превыше всего», который только что вышел из печати (интервью записывалось в апреле 2017 года).

Почему благими намерениями вымощена дорога в ад?

— В чем цель написания романа?

Дмитрий Саввин:

— Ну, наверно, цель состояла в том, чтобы дискредитировать Русскую Православную Церковь Московского Патриархата и непосредственно нашего Великого Господина и Отца Святейшего Патриарха Кирилла, отторгнуть малых сих от пути спасения, разрушить семьи, привить навыки педофилии, проституции и каннибальского инцеста и, в конечном итоге, продать нашу советскую родину, святой СССР агентам Госдепа.

А если всерьез, то, как и многие другие люди, я в свое время пришел в РПЦ МП и проделал там определенный путь: что-то видел, о чем-то задумывался, в чем-то участвовал активно и непосредственно. Со временем возникли вопросы, которые стали поводом для серьезных, даже мучительных размышлений. И где-то году к 2011-2012 стали появляться мысли, что мой опыт, достаточно редкий для современного российского общества,

церковной жизни как в провинции, так и в столице (Санкт-Петербурге) можно литературно обобщить. Появилась идея книги, которая, как сказано в предисловии к ней, могла бы стать «окном в церковную жизнь», адекватно изображала церковную реальность. С одной стороны, не была бы тупой пропагандистской антихристианской чернухой, а с другой — псевдоблагочестивым елейно-сусальным присюсюкиванием и причмокиванием.

Одним из вопросов, над которым я задумывался, и, возможно, ответом на который может быть мой роман, стал банальный, классический вопрос: почему благими намерениями бывает вымощена дорога в ад? Почему так получается, что люди искренние, верующие, стремящиеся к воплощению христианских идеалов и в своей личной, и в общественной жизни, превращают в ад жизнь своих близких и тех людей, которые им подчинены?

Я родился и вырос в Чите, там же начал и воцерковляться. Много позже я понял, что мое положение было уникальным в том смысле, что в начале XXI века в Чите, в Забайкалье, я мог наблюдать те процессы, которые проходили в Центральной России где-то на рубеже 80-90 годов прошлого века. Придя в Церковь и начав заниматься церковной работой с 2001 года, я успел захватить краешек той уходящей эпохи, которую можно было бы назвать «церковно-перестроечной». Если в Москве и Петербурге это время уже давно закончилось, то в моем родном городе сия эпоха дотянула до начала нулевых годов.

Я видел совершенно другие, непохожие на нынешние патриархийные, отношения среди людей, среди духовенства, в епархиальной среде. А потом буквально на моих глазах все это начало меняться в течение считанных месяцев. Когда вся эта простота и искренность стали уходить, рассасываться в пространстве, а на смену им пришли уже отношения качественно иные: вместо искренности появлялась закрытость, вместо простоты и, без преувеличения, христианских норм общения началось доносительство, лесть, лизоблюдство. Причем материальное положение улучшалось, равно как и влияние в обществе становилось все бóльшим. Правда, и то, и другое можно сказать про епархию в целом — про юрлицо, а не про отдельных священников и церковных работников, жизнь которых, наоборот, часто становилась невыносимой.

До какого-то момента — и довольно долго — я пытался не замечать эти проблемы, а сомнения старался гасить. Но в 2006 году я уже не видел для себя возможности продолжать церковную карьеру в РПЦ МП — по крайней мере, в чистом виде. И в первую очередь потому, что в Церкви я, при всех своих недостатках, искал, все-таки, отнюдь не карьеры. Потому в 2006-м я уволился из Епархиального управления, а через год с небольшим, в январе 2008-го, переехал в Санкт-Петербург. И уже в Питере, спустя несколько лет, пришел к мысли о том, что мой церковный опыт можно и даже нужно литературно описать.

Кстати, сразу хочу предупредить: мой роман — это художественное произведение, а не мои мемуары. И не стоит судить по героям книги о реальных людях — можно сильно ошибиться. В обе стороны.

У меня не было задачи кого-либо клеймить

— Те герои, которых вы описываете в романе, очень напоминают конкретных прототипов. По крайней мере, вымышленный епископ Евсевий (Никодимов) сильно напоминает бывшего Читинского, а ныне Александровского (на момент 2017 г., ныне, в 2019 г. Евстафий уже находится на покое — прим. А.П.) архиерея — Евстафия (Евдокимова), о котором уже упоминалось в паре материалов на «Ахилле»: строгий молитвенник, активный строитель, постоянно с двумя приближенными келейницами-монахинями, с холодностью к людям. Насколько прочие характеры и поступки героев романа соответствуют характерам и поступкам прототипов — конкретных клириков и мирян Забайкальской епархии начала нулевых? Например, насколько священник Филимон Тихиков из романа соответствует конкретному священнику, которого очень хорошо знают пользователи ортосегмента Живого журнала и фейсбука?

— Несмотря на наличие реальных прототипов, герои романа — это вымышленные персонажи. Некоторые из них в книге совершают как хорошие, так и дурные поступки, которых в реальной жизни реальные люди не совершали. Какие-то факты, имевшие место в действительности, я сознательно не стал затрагивать. Есть, например, среди героев один, прототипом которого являюсь я — это Артем Дмитриев. Но если вы будете судить о Дмитрие Саввине по Артему Дмитриеву, то у вас сложится не только превратное, но и крайне для меня невыгодное представление о Дмитрие Саввине. То же касается и других священнослужителей и мирян. Про кого-то

я написал лучше, чем они были на самом деле, про кого-то, наверное, хуже. Нужно понимать, что мой взгляд – это, естественно, взгляд субъективный, чего-то я не знал, чего-то не видел. По этой причине и местом действия стал вымышленный город Мангазейск, а не Чита или Улан-Удэ.

Понятно, что те люди, которые лично знали забайкальского архиерея и некоторых забайкальских клириков, — один из которых тоже, кстати, недавно стал архиереем, — будут пытаться отыскать, кто под каким именем выведен в романе. Но все же я тешу себя надеждой, что мне удалось показать типичные образы и типичные проблемы. Пожалуй, церковная жизнь в Москве и в Петербурге во многом другая – не будем пока говорить, в какую сторону она другая. Но вот тем, кто живет в провинции, и особенно в Сибири, описанное должно показаться знакомым.

У меня не было задачи обличать или клеймить каких-то конкретных людей. «Превыше всего» можно даже рассматривать как призыв к светскому обществу, незнакомому с церковной жизнью, посмотреть на священнослужителя именно как на человека. Ведь в большинстве случаев люди видят в священнике, так сказать, лишь некую социальную функцию, предъявляют определенные требования к священнослужителям, но редко задумываются над тем, что поп такой же человек, как и они, с такими же бедами и нуждами, житейскими радостями, горестями и бытовой суетой. В частности, в моей книге есть истории, связанные с семейно-брачными отношениями. То, что не является проблемой для мирянина, может не быть проблемой для неверующего священнослужителя, который умеет «порешать вопросы» и которого по этому поводу совесть не мучит, для священника верующего, религиозного становится трагедией. И такие трагедии часто внешнему миру незаметны. Люди этого не понимают, не хотят знать, и в итоге человек, который сам по себе, может быть, ничем не хуже других, особо ничем не провинившийся, вдруг оказывается изгоем не только для церковной среды, но и для светского общества.

Я коснулся (может быть, походя) и других житейских, бытовых реалий церковной жизни как раз с целью показать, что, с одной стороны, да, — тут можно предъявлять претензии и обвинять заслуженно, а с другой — что этого русского попа, который часто в нищете живет и свою лямку, как может, тянет, стоит и пожалеть.

Это книга не о том, кто кому конкретно в суп плюнул

— Есть вероятность, что те священнослужители Забайкалья, которые узнают себя в героях романа, будут вас обвинять в том, что вы их опорочили, придумали им те поступки, которые они на самом деле не совершали? Готовы к таким обвинениям?

— Придется мне как-то с этим жить. *(Дмитрий смеется)* Думаю, что среди тех, кто в романе прикровенно описаны, далеко не все будут недовольны. Эта книга не является супервыдающимся произведением, но, в сущности, любому адекватному человеку должно быть лестно, что он так или иначе становится прообразом книжного героя — не про каждого романы пишут, особенно если речь идет о мало кому известном попе из райцентра. Поэтому особых поводов для обид, мне кажется, здесь быть не должно. Ну, если обидятся — что ж, переживу.

Понятно, что это увлекательная игра: найди в книге реального епископа, благочинного, секретаря епархии. И на каком-то этапе я задумывался, насколько это будет хорошо, с точки зрения тех задач, которые я ставил перед собой при написании книги. Но потом пришел к выводу, что абсолютное большинство потенциальных читателей тех людей, которые послужили прототипами книжных героев, не знает. Даже когда мои первые рецензенты знакомились с книгой, выяснилось, что у многих ассоциации возникали самые разные: кто меня знает, тот подумал про Забайкалье, а у других возникли параллели с положением дел в других епархиях, даже не сибирских.

Проблемы-то типичны, и истории повторяются из раза в раз, к сожалению, во многих местах. Это книга не о конкретных людях, их грехах и добродетелях. Я хотел написать книгу о проблемах современной церковной жизни, а не о том, кто конкретно кому в суп плюнул.

И в этом смысле мои и ваши цели оказались весьма близки. «Ахилла» дает трибуну людям, у которых раньше этой трибуны не было, которых раньше никто не видел, не слышал и не знал, которые жили в информационном вакууме. А «Превыше всего» создавался для того, чтобы дать возможность людям посмотреть на реалии и проблемы церковной жизни.

— *Насколько реальна, например, история про священника — осведомителя ФСБ, или вы ее придумали?*

— Естественно, ФСБ не сообщала мне, кто у них является осведомителем в церковной среде, поэтому историю можно рассматривать как литературную выдумку. Но ни для кого не секрет, что эта контора весьма активно работает с Патриархией — эти две структуры тесно между собой связаны.

Я рад, что сумел из этого выскочить

— *Кем вы работали в Читинской епархии?*

— Там нравы были простые, а потом эта простота превратилась в запутанность. В 2001 году я пришел на приход кафедрального храма и стал алтарником, а потом меня стали привлекать к разным делам: выполнял обязанности секретаря при правящем архиерее, потом редактировал епархиальную газету. Поскольку я был студентом исторического факультета и активно занимался изучением церковной истории, то предложил создать церковно-историческую комиссию. Архиерей это начинание поддержал и назначил меня в этой комиссии ученым секретарем.

Система управления вообще часто строилась по такому принципу: появляется какое-то дело, и кто первый на глаза попался — тот и будет его делать. Поэтому с одной стороны можно сказать, что я был и секретарем, и референтом, и иподьяконом, а если посмотреть по документам, то почти нигде и не фигурирую.

— *Почему вы ушли оттуда?*

— Сложение нескольких факторов — и лично-семейных, и идеологических. В частности, в то время, на начальном этапе, я поддерживал обращение владыки Диомиды Чукотского (*епископ Анадырский и Чукотский Диомид (Дзюбан) выступил в феврале 2007 года с «Обращением», в котором критиковал руководство РПЦ за «отступление от чистоты православного вероучения». Осенью 2008 года был извергнут из сана — прим. ред.*).

В принципе, это было расставание на идеологической почве, хотя сплетники в Чите рассказывают про меня всякие жуткие истории. Но могу сказать определенно, что с работы в епархиальном управлении меня никто не гнал, как никто не гнал и из педуниверситета, где я читал курс лекций по истории Русской Церкви.

И я благодарен Богу, что сумел достаточно рано из всего этого выскочить — не без потерь, но выскочил. Потому что дальнейшая карьера в патриархийных структурах могла бы меня поставить в очень тяжелое положение: пришлось бы или идти на сделку с совестью, или впоследствии с кровью и мясом вырываться из системы.

Московская Патриархия — это госкорпорация с богословской дырой

— Какие у вас сейчас взаимоотношения с Церковью, с РПЦ? Мне попадалась информация, что вы интересуетесь старообрядчеством?

— Интересуюсь, да. В 2008-2015 года в Санкт-Петербурге я был прихожанином на единоверческом приходе (на каком — неважно). Да и сейчас пользуюсь дораскольными богослужебными текстами.

Сами понятия «отношения с Церковью» и «отношения с Патриархией» я, с определенного момента, стал жестко разделять. Если одно время мне казалось, что Московская Патриархия одолевается ересями, какими-то внутренними болезнями, но все же является некой церковной общностью, то в последние пару лет я вынужден был утвердиться в мысли, что, по сути, Патриархия не является ни Церковью в христианском смысле, ни даже религиозной организацией как таковой. Сегодня это некая корпорация, устроенная по типу франшизы, которая очень старается стать госкорпорацией, и занимается оказанием ритуальных услуг и кустарной психотерапевтической помощью.

Церковь, как и вообще любая религиозная общность, подразумевает единство исповедания веры. Но этого, самого главного, в Московской Патриархии-то и нет.

Длительное время я, как и многие другие, возросшие в условной национал-патриотической среде, очень сильно беспокоился на тему экуменизма, либерального влияния и тому подобного. Сейчас уже не беспокоюсь, ибо считаю, что нет никакого экуменического исповедания в Московской Патриархии, нет никакого еретического исповедания веры. Его вообще нет, на этом месте — дыра. Если посмотреть на современные патриархийные реалии, то можно увидеть удивительные вещи: с одной стороны, под крышей Патриархии существуют единоверческие приходы, прихожане коих вряд ли отдадут себе отчет (я не про все единоверческие приходы говорю, а про некоторые), что они находятся в Патриархии и у никониан, они себя там

считают истинными староверами. И сильно обидятся, и удивятся, если вы им скажете, что это не так. С другой стороны, мы можем видеть приходы кочетковского типа. Как это, с точки зрения богословской логики, можно объединить под одной церковной крышей? — Никак. Поэтому в данной ситуации о церковности говорить трудно.

Если смотреть на Константинополь, то там экуменизм — это мейнстрим, официальная богословская концепция, но там хотя бы есть экуменизм. А в Московской Патриархии, по Мельникову, «блуждающее богословие», огромная дыра (*Ф.Е. Мельников — старообрядческий писатель, автор книги «Блуждающее богословие» — «обзора вероучения господствующей церкви», касающейся Синодального периода — прим. ред.*). И в эту дыру ты можешь подставить все, что тебе хочется, лишь бы Великим Господином и Отцом нашим был Святейший Патриарх Кирилл и, соответственно, вся собственность была бы записана на Московскую Патриархию. Все остальные вопросы мало кого волнуют.

Это и предполагает тщетность всех усилий по оздоровлению церковной жизни в Московской Патриархии — за отсутствием церковной жизни. По крайней мере, как целостного явления. Да, мы можем говорить о некоторых достойных священниках, монахах, но все это отдельные искры. Где этих искр чуть больше, мы можем видеть нечто, напоминающее очаг церковной жизни, но огни эти вспыхивают не благодаря, а вопреки системе. Да и почему, собственно, должно быть иначе? Чего нам ждать от товарища Сталина и иже с ним, который в 1943 году все это нагородил, в том числе из бывших обновленцев...

Для меня это весьма печально, но приходится однажды задаться вопросом: что ты называешь Церковью и чего ты здесь ищешь, к чему стремишься? На мой взгляд, для человека, который ищет ответы на духовные, религиозные вопросы, в Московской Патриархии рано или поздно не остается места, потому что духовными и религиозными вопросами МП не занимается.

Простой пример: любой человек, который пребывал в МП, знает, что как только ты подходишь к священнику с каким-то богословским вопросом по поводу экуменизма, римо-католиков, евхаристического общения, Баламандского соглашения и прочего — какой будет стандартный ответ от 90 процентов попов, если не от 99?..

— «Не твоего ума дело».

— Вот! «Это все неважно, не занимайтесь ерундой, молитесь, ходите в храм, соблюдайте заповеди, переводите бабушек через дорогу!» Возникает вопрос: если это все такая фигня: догматы, каноны, то зачем, собственно, нужно оставаться в МП? Почему бы не пойти к баптистам, где тебе, по крайней мере, не будут хамить, будут помогать, где нет многодневных постов и где ты так же успешно можешь верить в Бога и переводить бабушек через дорогу?

Почему бы не пойти к римо-католикам, потому что опять-таки хамства и свинства меньше, постов меньше, на службе сидеть можно, бабушек через дорогу переводить не только не запрещают, но и помогают, в Бога верить тоже не запрещают, а с точки зрения интеллектуального, научного, образовательного уровня за Ватиканом вообще никто не угонится?

А если мы говорим, что православие — это истинная вера, то что же у нас с ней творится, и не только с 1927 года? Кто у нас римо-католиков причащал, что у нас с Баламандскими соглашениями, когда прикровенно устанавливается евхаристическое общение с латинами, и прочее?

Идеальный поп кирилловой эпохи — это поп-безбожник

Если ты экуменист, то нет смысла оставаться в МП, и если ты консерватор, то тоже смысла нет. Либо в одну, либо в другую сторону система тебя выталкивает, и, если вернуться к роману, это то, что я пытался в нем показать, и о чем писал задолго до того в некоторых своих статьях. МП превратилась в структуру, где профессиональная деятельность более всего подходит для атеистов: в современной Московской Патриархии очень хорошо себя может чувствовать именно атеист, безбожник. Идеальный поп гундяевского времени, кирилловой эпохи — это поп-безбожник. У него не возникает вопросов, связанных с религиозной совестью, потому что он не верует, он не удерживается никакими каноническими, догматическими и прочими ограничениями, ему в этом смысле всегда легче договориться с архиереем. Его не будут мучить ни долгие посты, ни молитвы, потому что он просто-напросто этим не занимается, его будут любить прихожане, потому что он позволит прихожанам все, и такому человеку проще зарабатывать деньги и делать отчисления в епархию.

Это очень интересный феномен, касающийся многих ведущих епархий МП: трудно придумать более подходящего работника, чем атеист. Верующим хотя бы во что-то людям уживаться в МП достаточно сложно, и этих людей очень жалко.

— *Вы сейчас перешли в какую-то другую юрисдикцию?*

— У меня были довольно непростые последние два года, в силу того, что я был вынужден покинуть Россию. И многое, в том числе и в сфере церковной жизни, стало сложнее. Но «Часовник» — а значит, практически весь суточный круг богослужения — у меня еще не отобрали. Далее встает вопрос о поиске епископа, исповедание веры коего можно считать целостным и православным без кавычек и оговорок. Но это дело личное, и пока я не готов на эту тему рассуждать.

— *В книге везде употребляется приставка «без-» вместо «бес-» — почему?*

— Считайте, что это нежелание писать приставку «бес-» по известной аналогии и мой личный протест против большевистской реформы русского языка.

Мой роман — христианский

— *Какой эффект от книги вы ждете?*

— Мне трудно что-то здесь спрогнозировать. Я писал роман больше двух лет, на протяжении этого времени меня не раз посещали мысли: а нужно ли это вообще, правильно ли я делаю. Взвешивая все за и против, я пришел к выводу, что такая книга должна быть, кто-то должен написать о церковных реалиях начала нулевых. Тем более, что во время работы над романом я остро ощутил, что это уже ушедшая эпоха, которую необходимо пусть криво-косо, но все-таки отобразить в нашей литературе.

Как книга будет воспринята обществом в целом и конкретными людьми — это, строго говоря, уже не мое дело. Если люди найдут там что-то важное, полезное для себя — слава Богу, если нет — что ж. Я стараюсь больше делать то, что считаю правильным, и гораздо реже то, что считаю выгодным. Когда я писал книгу и пытался ее издать, я делал то, что считал правильным. Будет ли это выгодным, произведет ли это фурор — не знаю.

Предполагаю, что судьба «Превыше всего» будет во многом аналогична судьбе портала Кредо.ру, который публично все поносят и клеймят, — представители духовенства, профработники Патриархии, — а дома у себя все с планшета или смартфона почитывают, потому что читать больше нечего. Так и с книгой: думаю, читать будут многие, может, не без интереса и не без удовольствия, но публично все начнут метать громы и молнии, найдут какой-нибудь монастырь Шаолинь, откуда я приехал, уже «зазомбированный», получив там огромные суммы денег для того, чтобы дискредитировать наше все, и прочее в этом роде.

Но все же я считаю, что этот роман должен был появиться. Моей целью было написать христианскую книгу. Если бы я считал, что выйдет иное, я бы ее не написал, а если бы написал, то уничтожил бы.

Ксения Волянская

[МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ: ПОСТУПКИ ВАЖНЕЕ ВЕРЫ](#)

Автор «Бога дождя», книги, которая десять лет назад стала для меня откровением и потрясением, побывала в Екатеринбурге. Конечно, я не могла пропустить творческую встречу с Майей Кучерской, и вечером 19 января 2018 года в Ельцин центре мне удалось задать пару вопросов из заготовленных в блокноте.

Pussy Riot и чувства верующих

— В 2012 году вы подписали обращение православной интеллигенции патриарху с просьбой проявить милосердие и обратиться к светским властям с ходатайством о помиловании участниц Pussy Riot. Как бы вы сейчас прокомментировали отношение патриарха к этому делу?

— Как давно это было! Патриархия — часть государственной машины. Что в этой ситуации мог сделать патриарх? Сказать «нет, давайте их простим»? Да, это было бы и благородно, и красиво. Но тогда у нас тут же отменили бы патриаршество или его самого. Вероятно, к этому он был не готов.

— А к закону о защите чувств верующих как вы относитесь?

— Не понимаю, зачем он? Верующий не нуждается в защите, тем более его чувства. Они хранятся в сердце — зачем их защищать, от чего? Если только от самого верующего.

На следующий день, после мастер-класса Майи по литературному мастерству, мне удалось задать ей и остальные вопросы — не только мои, но и присланные читателями «Ахиллы».

Церковь девяностых и Церковь сегодняшняя

— В интервью 2013 года вы сказали: «Когда мне приходится снова соприкоснуться и с „Патериком“, и с „Богом дождя“, я испытываю довольно острую ностальгию. По той светлой, романтической церковной эпохе 1990-х... По той чистоте, ясности взгляда... Мне жаль, что сегодня и церковь другая, и страна, и я». В чем изменилась Церковь, и как изменились вы?

— Тогда церковь для многих стала средоточием надежд. В 1990-е в нее хлынули молодые люди, интеллигенция, припали как к источнику воды живой. Я в их числе. Все тогда верили, что эпоха церковного подполья кончилась, церковь действительно станет независимой от государства, что времена искусственной изоляции церкви от общества позади, а значит, новообращенные христиане своей верой и любовью изменят мир.

Но выяснилось что? Что это иллюзии. Церковь земная от государства оторваться не смогла. Любои иерей, который дерзал говорить что-то, противоречащее официальной политике, например, выступать за смягчение наказания тем же «пусям», подвергался гонениям. Однако не поэтому неофиты не изменили мир. Обнаружилось: чтобы изменить что-то вокруг к лучшему, сначала надо самому стать другим, сделаться бескорыстным, сильным и мудрым. А это требует огромных усилий, постоянной духовной работы, многолетней борьбы с собой. Постепенно мне открылся смысл слов апостола Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». Это было про меня. Я даже выписала эти слова на листок и повесила над столом — но даже после этого все не слишком изменилось.

«Исповедь послушницы»

— Как вы объясняете феномен успеха «Исповеди послушницы» Марии Кикоть? Книга получилась больше сострадательной или обличительной?

— Успех есть, но, насколько я понимаю, особенно широкий в кругу посвященных. Больше других Марии были благодарны те, кто прожил похожий опыт. Это очень важно — заговорить, наконец, о том, с чем сталкиваются послушницы в монастырях. Доносительство, дедовщина

и социальное — хм — неравенство, постоянные унижения, давление, перегрузки физические... Мне бесконечно жаль каждую такую девочку, которая приходит в монастырь, полная надежд, веры в идеальную игуменью и в идеальную себя, которая все снесет и стерпит, а потом станет святой. И вот эти ожидания расплющивают человеческие слабости, и чужие, и свои, российская бедность, то обстоятельство, что монастырю нужны вовсе не молитвенницы, а рабочие мозолистые руки, которые будут делать свою работу даже до смерти. Тяжко? Невыносимо! Выговорить это нужно. Хорошо, что это случилось. Теперь осталось понять, почему так.

Ведь нового в этой книге сказано не много. Человек грешен, власть развращает, деньги тем более, неучтенные денежные потоки — еще того больше, а любить другого по-настоящему, по-христиански — сложно. Что тут нового? Я была в замечательном екатеринбургском музее писателя Федора Решетникова, и сотрудница музея процитировала впечатления Решетникова о мужском монастыре в Соликамске, где он прожил около двух лет. Решетников пишет, что монахи и мясо едят, и ворота ломают — и так было всегда. Единицам удавалось жить праведно, но всегда были и те, кто правила нарушал. А большинство, как и в любом сообществе, составляли середнячки, которые умели приспособиться.

Чему же мы удивляемся? Хорошо, конечно, что слова эти сказаны, но дальше надо пытаться понять, что делать. Сами по себе эти признания ничего не изменят. Что-то я не помню, чтобы патриарх как-нибудь среагировал на эту книгу. Очевидно, патриархии не нужны перемены. Можно предположить, что не последнюю роль здесь играет бизнес. Крупные монастыри для патриархии — источник обильных доходов.

Церкви действительно необходимы деньги: храмы должны строиться, ремонтироваться, потом отапливаться и освещаться, монахинь надо кормить, одевать, лечить, батюшкам кормить их огромные семьи. Как все это осуществить? Пожертвований не хватает. Значит, надо заниматься бизнесом — это нормально. Ненормальна только ложь. Почему бы не разрешить церкви официально заниматься «непрофильным» бизнесом? С уплатой налогов, как и всем. И давайте сделаем бюджет церкви прозрачным, давайте допустим туда гласность. Тогда многие болезни церкви, связанные с финансами, будут исцелены. Как ни удивительно,

тяжкая жизнь послушниц с экономикой, как в общем и любая политика, связана напрямую.

— *Повлияло ли на ваше отношение к книге то, что Мария впоследствии отошла от Церкви?*

— Мария Кикоть призналась, что больше не верит в Бога. Очень жаль. Хотя и понятно: видимо, все, что с ней случилось в монастыре, к этому привело. Это существенное уточнение: исповедь верующей послушницы и исповедь неверующей послушницы — разные вселенные. Как и вселенные атеиста и верующего — разные, подчиняющиеся разным законам.

Хотя чем дальше живу, тем больше думаю: поступки важнее веры. Слишком много я видела тех, кому их декларируемая вера ничуть не мешала совершать кошмарные поступки. Батюшки, которые бросают своих матушек с шестью или восьмью детьми, тайные разводы, романы... Все это покрыто тайной, понятно, почему, но эти истории каждый знает. Слаб человек, что тут поделаешь, по-настоящему плохо тут только то, что в такие истории обычно пробирается ложь, лицемерие, когда женатый монах проповедует аскезу и воздержание. По мне, так уж лучше атеист, живущий по-христиански.

— *Это похоже на идею отца Сергия Желудкова об «анонимных христианах»...*

— Но это не отрицает и того, что вера может и часто делает человека лучше, искренних христиан тоже, к счастью, немало.

Церковные болезни: замалчивать или обсуждать?

— *«Исповедь послушницы», «Ахилла» — множество исповедей о травмирующем опыте в церкви. Истории разные, но их роднит травма, полученная от братьев, от Системы. У многих же верующих реакция отторжения: мы не хотим этого знать, они сами виноваты, они были неверующими. Что делать церковному обществу с этим опытом, с этой правдой?*

— Не заматывать ее под ковер. Конечно, грань между публично рассказанной горькой правдой и хамовым грехом тонка. У наших близких — мам, пап — есть недостатки, но мы не рассказываем про них всем, мы покрываем их любовью. Да. И все же существуют системные болезни, которые шире наших семейных отношений и которые необходимо лечить. Например, мой

папа алкоголик, а у нас в стране не лечат алкоголиков. Я должна говорить о необходимости создавать больницы, менять систему здравоохранения, чтобы вылечить своего папу. И тут никакого хамства. Вот почему об этих проблемах важно говорить. Вот почему из этих двух путей — замалчивать и обсуждать — второй лучше. Он болезненный, но нарывы лучше вскрывать. Неприятно смотреть, как течет кровь и гной, но только так рана очищается, только так появляется надежда на исцеление.

Лесков и «Современный патерик»

— *Вы пишете книгу о Лескове. А кто из современных священников или церковных людей сейчас мог бы стать персонажем Лескова?*

— Все могли бы. Мало что изменилось, церковный мир ведь очень консервативен. Гениальность Лескова в том, что он увидел церковные типажи, запечатлел их в слове. И «сила есть, ума не надо» дьякон Ахилла, и правдолюбец Савелий Туберозов, которого обламывает жизнь и бездушная консистория, и тихий праведник отец Захария.

— *В «Патерике» тоже немало типажей.*

— Да, и типичных, и вполне конкретных батюшек, названных по имени. Отец Артемий Владимиров, например. Всегда буду ему благодарна за то, что он не обиделся на мою пародию на него, увидел в ней любовь, и «улыбнулся». В этом столько доброты.

Протоиерей Дмитрий Смирнов: благодарить или негодовать?

— *В «Евангельской истории» у вас есть благодарность отцу Дмитрию Смирнову — продолжаете ли вы быть благодарной ему? Как относиться к его порой шокирующим, эпатажным высказываниям: это юродство или что?*

— В той книге я благодарю его за то, что он читал ее, думал, как сделать ее совершеннее, и после его подсказок книга действительно стала намного лучше.

Я не готова войти в круг экспертов по высказываниям отца Дмитрия. Я знаю лишь то, о чем обычно молчат: он далеко не молод, не слишком здоров, но у него два детских дома, и он по-прежнему находит средства на их содержание, спасая этих брошенных мальчиков от суммы и тюрьмы. Он создал целую империю и сотни рабочих мест. Да, он немножко батюшка-

бизнесмен, но его главный бизнес — помощь людям. Рядом с Благовещенским храмом разбит чудесный сад. Все, к чему он прикасается, становится красивым. У него тонкий художественный вкус.

Я не разделяю его взгляды на роль церкви в сегодняшнем мире, вот совсем. Я стараюсь не слушать и не читать его публичные комментарии, чтобы не расстраиваться зря. Потому что опять же: есть слова, а есть дела.

Из спасенных им можно составить город. Кто из нас с вами уберег хотя бы одного человека от самоубийства? От черного отчаяния? От наркомании, алкоголизма, от голодной смерти? Мы сделали хотя бы тысячную часть того, что сделал он? Я — точно нет. Вы предлагаете мне его судить?

Мы ничего не знаем. Момент нашей смерти будет моментом нашего бесконечного изумления перед тем, что мы увидим. Мы всех меряем своими мерками, все знаем лучше Бога и решаем за Него чужие судьбы и участи. Но, может быть, нужно проявить смирение, к которому нас призывает христианство?

Дети и Церковь

— *Все мы в неофитский период мечтали вырастить наших детей верующими, церковными людьми. Удалось ли вам это?*

— Оба моих старших ребенка (девочке 19, мальчику 17) постепенно перестали ходить в церковь. Иногда они ходят — на Пасху, на Рождество, не скрывая, что это ради меня, ну, и к тому же им приятно вспомнить юные годы. Они прекрасные дети, любящие, чистые, нежные, но церковь перестала быть им интересна. Видимо, потому что они не находят в ней ответы на мучающие их вопросы. Не понимают, как соединить законы, которым подчиняется современный мир, и христианство. И ищут другие пути. Не думаю, что тут нужно кого-то винить. Церковь такая, какая она есть, и если нашим детям она перестала быть домом, ну, не заталкивать же их туда насильно! Остается им просто доверять. Младшая дочка еще в светлом возрасте любви к маме, поэтому она охотно ходит со мной в храм, и в воскресную школу, ей там интересно. Но я готова к тому, что в одно солнечное воскресное утро и она скажет: мам, я лучше посплю.

— *Вы этого боитесь?*

— Блажен, кто верует, тепло ему на свете. Хорошо, если есть, куда прийти и согреться, если тебе есть к кому обратиться за помощью — бывают

невыносимо тяжкие ситуации в жизни, в которых никто, кроме Бога, тебе помочь не сможет. И если ты лишаешься этой точки опоры, становится тяжелее и холоднее. Мне хотелось бы, чтобы у моих детей эта точка опоры была — и вера, и церковь. Но я также знаю, что невозможно никого заставить делать то, что он не хочет, взрослых людей тем более. Они сами должны захотеть прийти, пожелать именно этого тепла. Объятия Отчи распахнуты, дверь церкви всегда открыта, и когда они заново созреют, они придут. Или нет. Но это будет их свободный выбор. Каким бы он ни был, это не помешает им быть добрыми, честными, хорошими в общем.

Господь близко

— Почему после всего, что вы увидели в церкви, вы остались верующим человеком?

— Не знаю. Во мне по-прежнему живет потребность бывать каждое воскресенье в церкви — вот и все. Кому-то негативный опыт, полученный в церкви, мешает в нее приходить — мне нет, я люблю наши храмы, праздники, святых, песнопения, я рада, что существует исповедь, причастие, и что Господь близко. Я могла остаться в 90-х в Америке и там процветать, но я вернулась в нищую Россию, потому что просто физически не могла находиться в чужой стране.

И в церковь ходить — физическая потребность. Вот и хожу.

Интервью с «альтернативными» епископами

Алексей Плужников

[МУЛЯЖ ЦЕРКОВНОГО КОРАБЛЯ](#)

В рамках нашего проекта «Кто вы, альтернативные?» мы беседуем с бывшим клириком РПЦ (МП), а ныне епископом Архиерейского Собрания Российской Православной Автономной Церкви (АС РПАЦ) Игнатием (Душеиным).

Путь к вере

Родился Константин Душеин в 1968 году, в Перми, вырос на Урале, потом семья переехала в Калужскую область. Семья нерелигиозная, из «советской

интеллигенции» — врачей и фармацевтов. В детстве Константина не крестили.

— В семье о религии никогда никто не говорил. Бабушка стала упоминать о Боге только после перестройки, когда это стало безопасно, хотя она была крещена еще до революции.

В армии Константин начал задумываться, «один ли он в этом мире, есть ли в нем что-то сверхъестественное»:

— Возник опыт спонтанной молитвы, непонятно еще, к кому обращенной. И когда оказалось, что это «работает», Кто-то слышит и отвечает, то возник интерес.

В 1990 году стала появляться литература, которую он начал изучать, Евангелие было не достать, зато много было оккультной литературы. В Церковь — «в РПЦ (МП)» — пришел в 1991 году.

— Для большинства тех, кто хотел тогда быть православным, не было никаких альтернатив. Я не знал, что существует «разное» православие. Если бы я встретился с зарубежниками, то, возможно, мой опыт был бы иной.

В Обнинске открылся храм Бориса и Глеба, и Константин стал туда «захаживать».

— Стал ездить за литературой в Москву и Сергиев Посад, прочитал кое-что из святых отцов, конечно, огромное влияние оказал Игнатий (Брянчанинов) в те первые годы. В то время все только-только начиналось, первые брошюры вышли: «Судьбы Божьи», «В помощь кающемуся». Потом «Приношение современному монашеству» — пятый том его сочинений. Возникли первые издательства. Евангелие тоже стало доступно. Этого, в общем, хватило, чтобы понять — это то, что я искал.

Духовное училище

После этого последовало поступление в Калужское духовное училище, в 1992 году.

— Мы оказались в специфической среде: училище только что открылось, мы — первый поток. А это всегда хорошо — нет еще сложившихся отрицательных традиций. В обычных семинариях, как я слышал, в то время уже имели место гомосексуализм, стукачество, а здесь все это только

зарождалось на наших глазах. Преподаватели, местные попы — «никакие», ничего толком не знали, но хватало книжек. Учащиеся были в возрасте от 16 до 40, кто-то после армии и женитьбы, а кто-то — еще после школы. Среди учащихся была группа «интересующихся», и таких было большинство, но были и те, кто интересовался совсем другим — вечером через окно гулять. Нам было все интересно, ново, почти все были из неверующих семей — очень неплохая атмосфера была первые год-два. С радостью вспоминаю тот период.

Потом все стало меняться в худшую сторону, появился инспектор, выписанный из Троице-Сергиевой Лавры, который стал вводить свои порядки. Возникло доносительство, появились любимчики. Еще раньше возникла гей-тусовка. Склонные к такого рода «досугу» стали кучковаться вокруг определенных епархиальных священнослужителей, и это, возможно, ускоряло их карьерный рост. Хотя в то время церковную карьеру было сделать легко — был вакуум, любой кандидат в священники был востребован.

Это была компания, о которой все знали, и кто туда попадал — тоже понимал, куда попадает. Остальные учащиеся — почти все ребята после армии, поэтому у нас настроения были, как сейчас говорят, гомофобные. Над «этими» мы посмеивались, шутили и старались не пересекаться. Хотя приходилось быть в одном коллективе, но тогда у меня не было канонического сознания, что просто близко подходить не надо, как я сейчас это понимаю. Тогда было так: ты делай, что хочешь, это твои личные проблемы, от меня только подальше держись. Вечерами можно было услышать развеселые песни из «келий», где жили заводилы этих тусовок. Хотя в плане алкоголя, чего там говорить, благочестие у всех хромало.

Но воспоминания об этом периоде все равно хорошие — молодость, мы на пороге чего-то нового, неизвестного, как казалось, хорошего и замечательного.

Постриг и священство

Учеба в училище продолжалась с осени 1992 до начала 1994 — 4 января 1994 года Константина постригают в монашество.

— Когда я выбирал путь, то вообще не рассматривал брак как вариант, не знаю почему. Тем более это был такой период — начало девяностых — люди

все свое время и силы тратили на прокорм семьи, а мне не хотелось посвящать этому свою жизнь. Так бывает: когда человек обретает смысл, главное, ему не хочется отвлекаться. Особенно это бывает в начале.

У меня не было монастырского устроения — просто интересовало монашество как род жития. Имя Игнатий мне выбрал тот, кто меня постригал — митрополит Климент (Капалин). Очевидно, было известно, что я люблю Игнатия (Брянчанинова), хотя имя мне дали в честь Игнатия Богоносца (но это был и его, Брянчанинова, святой). Имя было выбрано по моей вере и любви к святителю — это не изменилось и до сих пор, я так же люблю его и сейчас.

После пострига некоторое время я был экономом епархиального управления, в феврале меня рукоположили в иеромонахи и послали возвращать утраченный приход в селе Износки. Как сообщали тогда СМИ, местная община перешла под омофор Зарубежной Церкви. На самом деле, там было не так все страшно, просто местный поп РПЦ (МП), посланный туда как в ссылку, спился окончательно и сбежал, и активисты общины обратились в Суздаль, к Валентину (Русанцову) (митрополиту РПАЦ), а он прислал священника.

И вот Климент командировал меня туда с заданием вернуть заблудших овец в родной загон. Говорил, что на небольшой срок, только вернуть приход, но пробыл я там два года. Вернуть приход было несложно — новый батюшка уже понял, что за жизнь в Износках, и рад был сбежать. Я пришел в оставленное место, собрал людей — им совершенно все равно было куда ходить, лишь бы был священник и была служба. И в заброшенной избе, шесть на шесть, мы оборудовали алтарь и начали потихонечку служить.

Через пару месяцев, 11 мая 1994 года, я открыл приход в Мятлево — это где-то 40 км от Износок, более оживленный населенный пункт. Еще живы некоторые прихожане, помнящие этот день. Вот с того времени, с небольшими отлучками, я в Мятлево — сначала в формате РПЦ (МП), теперь — в формате Архиерейского Собрания РПАЦ.

Пафнютьев-Боровский монастырь

Но у меня была мечта — быть монахом, и поскольку в Мятлево храм уже был построен, я выпросился в Пафнютьев-Боровский монастырь — в ноябре 1996 года. Там я прожил почти два года.

В то время мне казалось, что в монастыре меня ждет какое-то братство, духовные наставники, которые смогут руководить в монашеской жизни, но ничего этого не было.

Наместник, как я сейчас понимаю, был сильно поврежден в плане психики. Если бы я тогда это понимал, я бы по-другому себя вел, но я все это воспринимал всерьез — хорошо, что у меня хватило ума не слушаться его. Если бы я его слушался, я закончил бы как Амвросий или Пахомий — герои моих рассказов.

Знаменитый отец Власий, который и тогда там жил, и сейчас живет, был ориентирован на поток мирских людей, от которых ему не было отбоя. Сейчас даже передать сложно, каких только персонажей не заносило в те годы в монастырь.

Полгода я прожил там спокойно, служащим священником, меня все устраивало. Но потом меня назначили казначеем — на свою беду я даже обрадовался этому, хотелось деятельности, а надо было, наверно, бежать от этого с самого начала, если хотел быть монахом. Почти год я был казначеем, лавку новую открыл, пытался издательство создать, но очень скоро вошел в конфликт с наместником, который странно руководил монастырем. От меня он требовал, чтобы деньги, потраченные по его благословению на одно, я давал потом еще раз на что-то другое, хотя их уже не было. «Ах, нет? Значит, украл!»

В итоге я написал прошение о снятии с должности, отдал кассу, ключи и печати, и попытался вернуться к жизни обычного насельника, но у наместника развилась паранойя относительно меня. Он видел везде интриги и заговоры. В итоге меня вернули в епархиальное управление в Калугу, в 1998 году, сразу после дефолта. Год прожил, восстанавливая еще один калужский храм. Но там скоро стали собираться мои друзья-священники, возникла компания единомышленников, и архиерей испугался, что зреет какая-то фронда. В итоге я был снова направлен в Мятлево в 1999 году, как раз получил указ 6 ноября, в день престольного праздника нашего храма — иконы «Всех скорбящих Радость». Таким образом, промыслительно я вновь оказался в Мятлево.

Мятлево. Благочинный

Десять лет я был благочинным. Наше благочиние бедное, маленькое и захолустное, настоящая глубинка. Священников было человек пять, потом стало девять, храмов — пять-шесть. За эти годы открылись, конечно, несколько новых приходов.

Жизнь нашего священства требует отдельного рассказа. Вытаскивать все наружу было бы с моей стороны не совсем красиво, но скажу так: семинарии — это зло. Священников нужно воспитывать в общинах: если община воспитает нормального человека, то его и рукополагать. А если выращивать попов в семинариях, где их только портят, и присылать в общины, для которых они чужие, то никогда ничего хорошего не будет. У нас в ИПЦ совершенно четкий принцип — мы священников без общин вообще не принимаем. Только мирянами. Общины — вот главная ценность. Если община жизнеспособная, то она будет молиться сначала сама, без священника, сама будет заниматься помещением для молитвы. Хотят два-три человека молиться — они уже община. Потом им можно дать запасные Дары, если они люди надежные, и они сами будут причащаться. Тогда это будет церковь, в которой не будет такого разброда и шатания, когда пьяный священник звонит спонсору, требуя бутылку, угрожая бомбу заложить, или когда священник появляется только по большим праздникам послужить, снимает сливки и уезжает. Или говорит, что ни на что денег нет, но новый гараж для своей машины около храма строит, или, например, celibат, вступает в брак через несколько лет служения, продолжает служить, заводит детей, а потом еще венчается (!!!) старейшим клириком епархии — это все я говорю только на примере нашего благочиния.

Я тогда еще не понимал причин, мне казалось, что просто такие люди, такие священники, все мы — жертвы «совка», у нас нет базы, воспитания, преемственности. Но потом я понял, что это системный сбой. И я стал искать корни — это уже история моего перехода.

Миссионерская деятельность

Еще в 1998 году мне надоело объяснять людям, которые приходили креститься, что это такое и для чего. И я решил все эти ответы записать — так появились брошюры, объясняющие, как готовиться к крещению и причащению. Епархия не давала благословения на их издание в течении 14 лет, до 2012 года, поэтому я сам издавал их нелегально и распространял по храмам. Позже они выходили в Даниловом монастыре. Но, очевидно, в

епархии об этом знали, меня сделали членом епархиального совета, председателем миссионерской комиссии епархии — к моменту ухода я был на таких должностях.

Также с моим участием была составлена книга «Носители Духа святителя Игнатия. Духовные советы современным христианам», с цитатами игумена Никона (Воробьева) и других подвижников. Она и до сих пор переиздается, правда, под другим названием и в несколько измененном формате. Еще были какие-то брошюры, но это было до тех пор, пока я вдохновлялся, что это кому-то надо, кому-то полезно. Когда же убедился, что никому из священства и епископата это всерьез не нужно, то расхотелось этим заниматься.

Помню, как на епархиальном собрании, кажется, в 2010 году, мы (миссионерская комиссия) пытались официально установить, чтобы крещение в епархии было «за пожертвования», а не за плату — и был просто бунт духовенства. Я настаивал, официально это даже приняли, но никто не стал исполнять. Священники прямо говорили: «А что мы будем тогда в епархию платить? Пускай и епархия с нас берет пожертвования!» И это еще до того, как новый «понтифик» РПЦ ввел нынешнюю систему поборов — сейчас все это выросло в разы.

С игуменом Игнатием мы пересеклись в 2008 году, когда оба писали про культ Славика Чебаркульского и Алексия Пензенского. Тогда и был создан совместный проект — сайт Psevdo.net, владельцем и администратором (до своего ухода из РПЦ) которого стал отец Игнатий.

— У меня еще был такой антисектантский, антилжестарческий задор. Тогда мы на издательской комиссии епархии обсудили книгу о Славице «Ах, мама-маменька!» и даже выпустили официальное решение о ее «нерекомендации».

Хочется верить, что толк от сайта был, тем более редактор Алла Добросоцких стала включать наши статьи в книги, выпускаемые издательством «Даниловский благовестник». Главное, что у людей была возможность получить пользу от статей, публикуемых на сайте.

Новый патриарх

Многие годы я считал себя учеником Алексея Ильича Осипова, хотя очно у него не учился, но общался, слушал его лекции. Он привил мне много

ценных и правильных воззрений, за которые я ему до сих пор благодарен. Например, убеждение, что православие — это святые отцы, что Игнатий (Брянчанинов) — это «наше все», и что еретики — вне Церкви. Эти три истины не могли меня не привести к размышлениям о том, почему же главная беда патриархии (так я считал тогда, сейчас я так не считаю) — экуменизм — стал официальной верой, зафиксированной во многих документах? Так я думал примерно в 2008 году.

До этого я еще не читал «Баламандский документ», «никодимовские разъяснения» 1969 года (о причащении католиков). Не знал о том, что Поместный Собор 1971 года одобрил и принял эти разъяснения, фактически согласившись с признанием действительности таинств еретиков. Не знал толком и о документе 2000 года «Основные принципы отношения к инославию», где сказано, что в инославных общинах может действовать «неполная благодать» — эта фраза была заимствована из католического катехизиса.

Все это в процессе узнавания вызывало недоумение: почему мы вроде бы считаем, например, латинство ересью, святые отцы считали так, а теперь фактически на уровне епископов появляется учение, что они как бы и не еретики, признается у них частичная благодать, таинства. Я стал изучать эти вопросы, и году к 2009 стал понимать, что все очень плохо, и, похоже, самое худшее уже случилось — мы в ереси. Но я не понимал еще того, что понимаю сейчас.

А в 2009 году сменился патриарх, и это стало рубежом. То, что до этого как-то таилось, маскировалось, теперь выплеснулось наружу в виде новой политики. Первый сигнал были сами «выборы» — дешевый постановочный спектакль. Один Кураев, объявивший вариант жеребьевки гаданием, чего стоил!

Потом было действие торопливого и безальтернативного принятия нового приходского устава. К тому времени было создано «Межсоборное присутствие», и на приходах как бы обсуждались всякие проекты, планы и инициативы. Наверное, это должно было имитировать «соборность» жизни РПЦ: вот, мол, как у нас все всенародно обсуждается, на каждом приходе вносятся предложения! На самом деле это было величайшее лицемерие. Устав приходских общин — самый важный документ, касающийся каждого священника и каждого прихожанина, — никто не обсуждал. Он был принят на Синоде (даже не на Соборе), без всякого согласования с общинами и даже

епархиями, и просто спущен сверху в качестве руководящего документа — получите и распишитесь. Это был самый настоящий плевок в лицо всем, кто еще пытался говорить о соборности в РПЦ. Только две общины в России отказались принимать новый устав: одна, в Барнауле, ушла потом в РПЦЗ, к Агафангелу, другая — в Пскове, община отца Павла Адельгейма — была просто разогнана.

Стало понятно, что новый курс патриарха ведет к созданию «православной» версии ватиканской «вертикали власти», пирамиды, жесткой тоталитарной структуры, которая будет давить любое проявление самостоятельности общин. Это был момент, который вместе с уже распознанным экуменизмом дал понять, что рано или поздно придется уходить — я не в такую Церковь шел. Не такой Церкви я искал, когда в девяностых годах крестился, поступал в семинарию, хотел стать священником, монахом — мне не нужно такой тоталитарной, да еще и еретической секты.

А потом были Pussy Riot, за что большое спасибо и им, и, конечно же, Кириллу Гундяеву. За то, что он так «любезно» отреагировал на их «панк-молебен» — после этого стало понятно, с кем и с чем мы имеем дело. Реакция совершенно антиевангельская, антихристианская, и оставаться после этого — значило бы соучаствовать в этой антихристианской тусовке.

— Ревнителю возразят: в Церкви во все времена было всякое, вы не смотрите на плохих людей, а спасайтесь сами. Святые отцы же так учат...

— Да, да. Я ушел не потому, что Кирилл плохой, или из-за Pussy Riot — это были поводы задуматься уже всерьез: что же случилось с этой организацией, что она дошла до жизни такой? Что должно было случиться, чтобы стал возможным приход к власти в РПЦ нового «православного» Борджиа? Что испортилось и когда именно?

Сергианство

Я, вслед за святыми Отцами, убежден, что уходить из Церкви — нельзя! В Церковь можно только приходить. Но если ты понял, что то, куда ты пришел — не Церковь, уходить нужно обязательно.

Говорят, что ересь — единственная причина для ухода из церковной организации. Это так, если эта организация Церковью все же хоть когда-то была. Впадение в ересь означает, что организация перестала быть Церковью,

но в случае с РПЦ (МП) все хуже. Она и возникла не как Церковь, а как собрание отступников, организованных богоборцами в «синод». Это изначально духовно мертвый организм, который, впрочем, вобрал и похоронил с собой много хороших и верующих людей, а экуменизм — это просто трупные пятна. Это чтобы уже никто не сомневался.

Последней каплей для меня было открытие, что множеством новомучеников Московская патриархия (тогда она еще называлась «сергиевским синодом») не считалась Церковью изначально. С 1927 года, с «Декларации» и особенно с последующей за ней деятельности митрополита Сергия (Страгородского), им было ясно, что это проект ГПУ, создаваемый для полного разрушения церковной жизни в СССР (никакой России уже не было, как и не было уже никакой Поместной Российской церкви). Сергей отрекся от новомучеников, заявив, что они репрессированы по политическим соображениям, а не за веру пострадали. Он запрещал тех епископов, кто был с ним не согласен, не имея на это никаких полномочий. Перемещал епископов десятками по указанию ГПУ, запрещал даже отпевать по-христиански тех, кто умирал, не признав его власти. На церковном языке это — организация раскола. Из этого раскола и выросла РПЦ (МП). И чего от нее ждать?

Святые новомученики Иосиф (Петровых), Кирилл (Смирнов), Михаил Новоселов, Виктор (Островидов), Алексей (Буй), Нектарий (Трезвинский), Феодор (Поздеевский) и множество других засвидетельствовали, что с этой организацией общения в принципе быть не может, «православным нет с ним (Сергием) части и жребия» (сщмч. Кирилл Смирнов), что это — не Церковь.

Поэтому я не из Церкви ушел. Когда я понял, что это не Церковь, и никогда ею не была, и что Кирилл Гундяев — это лишь логическое завершение процесса деградации — тогда я понял, что делать здесь мне нечего, что я ошибся дверью. Да, я в свое время зашел в храм, где были купол и крест, где был священник с бородой и в рясе, где были, в том числе и верующие хорошие люди. Но не хорошие люди делают религиозную организацию Церковью.

Кто в Церкви, а кто — нет

— А те люди, которые ходили в мятлевский храм к игумену Игнатию до его ухода, которые никогда не слышали ни о Сергии, ни о его ереси — они в Церкви или нет?

— Я не был в Церкви, и они не были. Чтобы быть в Церкви, нужно, кроме прочего, быть в общении с православными епископами, а не с еретиками. Что касается спасения тех, кто по неведению ходит в тот храм, который поближе... Это из серии вопросов про верующую бабушку из Португалии — в Церкви она или нет? Она не в Церкви — она может быть хорошей, замечательной бабушкой, может, она искренне молится. Как Господь будет с ней разбираться — мы не знаем и не пытаемся выносить суд. Решать вопрос о чужом спасении мы не будем. Много есть приличных людей и среди мусульман, и католиков. Но христианство — не религия приличных людей. Это «свалившееся с Неба», данное Богом спасение, которое, кстати, приличные люди первого столетия совсем даже не хотели всерьез воспринимать. Приняли его всерьез разбойники, мытари, блудницы... И сейчас нам лучше не пользоваться критериями «приличности» человеческой наличности.

Критерии присутствия Церкви в некоей религиозной организации — это неповрежденное догматическое вероучение, чтобы молиться Тому Богу, Который Есть, а не обращаться к виртуальной реальности; правильный канонический строй, потому что каноны — это параметры, вне которых церковный организм не живет; и преемственность священства — это необходимо для совершения таинств. Если всего этого нет, то можно сколько угодно утверждать, что это Церковь, но увы...

Я нисколько не осуждаю людей, которые искренне считают Патриархию Церковью — я тоже много лет так считал. Потом я понял, что не все так просто — может, и они поймут когда-нибудь. Камни метать я не собираюсь, желаю им всяческих благ.

— Это все про верхушку РПЦ, а люди, крещенные в ней, — они в ереси крещены? Их крещение считается?

— В той же степени, как оно может считаться у католиков или монофизитов. Церковью такое крещение «довлеющим ко спасению» не признается.

— А если люди и понятия об этом не имеют?

— Незнание духовных законов иногда освобождает от ответственности, но почти никогда — от последствий.

— Своим прихожанам так же объяснили? А если многие из них уже умерли? Вот ходит, допустим, сейчас Марьивановна к епископу Игнатию, а ее

мама, которая была прихожанкой в том же храме у игумена Игнатия, но до перехода умерла — она умерла в ереси? А ее дочь Марьивановна теперь в правильной вере, так?

— Они это осознают. И это дополнительный стимул лучше молиться об их упокоении. Мы считаем, что мы перешли в истинную Церковь со всеми нашими усопшими прихожанами вместе.

— Несмотря на то, что в то время они еще верили в еретическую РПЦ?

— Да. Но они тогда верили, что и они, и я идем правильным путем. Доживи они до 2012 года — они бы были с нами. В этом смысле они похожи на тех иудеев, которые жили до рождения Христова.

— А какая разница? Можно верить в Сергия, «который идет правильным путем», а можно в Игнатия... Это неопределенные вещи. Прихожане верят, что вот это — батюшка и он нас причащает, а не в самого батюшку, который куда-то там идет. В 94-м, 98-м они же не в правильный путь батюшки веровали.

— Очень надеюсь, что с «малых сих» Господь не спросит за то, что их обманули. Мы за них молимся, они бы пришли с нами в истинную Церковь, если бы дожили до этого момента, мы надеемся на их спасение.

— Членам общины отца Игнатия больше повезло, чем нечленам?

— Да. И родившимся в православных странах больше повезло, чем неграм на Гаити. И грекам — больше, чем китайцам. И иудеям первого века больше, чем их современникам в Америке. Тут промысл Божий, а не «повезло».

А насчет «прихожане не знают про Сергия» — а почему у нас Христово стадо словесных овец превратилось в стадо бессловесных баранов? Должны знать, читать, изучать: все издано, все есть в интернете. Почему бы прихожанам не стать сознательными христианами, не разобраться, во что верит их Церковь, кто в ней находится, кто ее возглавляет, куда ее ведут? Трудно представить, что в первые века христиане были такие теплохладные, что им было все равно, во что верит их епископ или как он живет.

— Но тем же прихожанам в Износках было без разницы, кого позвать: Климента (Капалина) из РПЦ (МП) или Валентина (Русанцова) из РПАЦ — лишь бы батюшка был.

— А вот такая вера, когда «без разницы» — она вообще спасает? Спасительна сознательная вера, а пустая вера от чего спасает?

— Людям обычно без разницы организационная сторона: они верят в Символ веры, в Евангелие, в то, что надо креститься, каяться, причащаться, а кто ими рулит — люди, как правило, не задумываются. Виноваты ли они в этом? Они ведь не видят веры или богословия патриарха Кирилла — они видят в телевизоре только пышные золотые одежды и ФСО.

— В этом и опасность патриархии — большого цирка. Большой муляжный «Титаник», который говорит, что он — корабль церковный. Атрибутика церковная есть, все внешнее, включая признание государства, финансирование, телевидение, охрану, а внутри — давнее отступничество. Окрашенный гроб. В этом и опасность, что люди не хотят разобраться. Мы стараемся, в силу своих возможностей, до людей это доносить.

Выход из РПЦ

Последние толчком к уходу были Pussy Riot, вернее, даже не они, а то «стояние за веру», митинг «о гонимой Церкви», когда 15 000 полицейских охраняли «гонимую» Церковь от предполагаемых недоброжелателей. Я тогда написал статью под псевдонимом «Ипатий Барышкин» — «Кириллино стояние». После этой статьи мне внутренне уже было понятно, что я отмежевался от патриархии — и я перестал на службе возносить имя патриарха. Было это в мае 2012 года, за полгода до нашего ухода. Канонически это было ничтожное деяние, т.к. достаточно поминать только своего епископа. Скорее это была декларация — заявление о намерениях.

Я в это время занимался продажей своей квартиры в Обнинске, чтобы мне было на что построить новое место для служения общине. Было понятно, что уйдем мы «без штанов», тот храм, который мы строили 12 лет, двухэтажное здание воскресной школы и т.д. — все это придется оставить. Потому что, по замечательному уставу РПЦ, ты хоть миллиард принеси, все равно, когда уходишь — все остается патриархии. Они умеют защищать свои главные святыни. Конечно, если бы была возможность остаться общине в своем храме — мы остались бы, как это происходит во всем мире. Везде, когда община меняет юрисдикцию, она уходит с имуществом.

Мы понимали, что бесполезно бороться за имущество, ничего это нам не даст при нынешних законах, поэтому надо строить заново. Не все члены общины были готовы к такому повороту событий, мы потеряли кое-кого из сознательных членов — я не говорю о «захожанах», те будут ходить туда, куда официально можно ходить. Но несколько сознательных прихожан сочли, что мы неправильно поступаем, и остались в патриархии. Некоторые из них до сих пор ходят в старый храм — это их выбор, их духовная свобода, я не собираюсь никого из-за этого осуждать.

— Прихожане, которые ушли вместе с вами: они разобрались или просто доверились своему пастырю?

— Я думаю, и то, и другое. Конечно, элемент доверия присутствовал — мы знакомы много лет — с кем-то больше 20, с кем-то 10-15. Мы друг друга знали, и они должны были понимать, что я не собираюсь сделать им плохо — раз мы собираемся принимать такое ответственное решение вместе, значит, за этим что-то стоит.

Еще с 1999 года у нас регулярно ведется воскресная школа для взрослых. В любой воскресный день после службы мы с прихожанами не разбегаемся, а идем в трапезную, пьем чай и проводим занятия. Прихожане воспитаны на этом. Раньше, в старом храме, приходили некоторые, а сейчас приходят все. И мы с ними все это изучали, дошло у нас и до догматов, и до новомучеников, экуменизма, нестроений 20-30 годов XX века — все мы обсуждали, были вопросы.

Когда мы собирались уходить, то приезжал и епископ Григорий (Лурье), с ним долго беседовали. То есть это было обдуманно, а не так: я решил, а кто хочет — со мной, кто не хочет — до свидания. Это происходило не один год, но последний год активнее, и каждый имел возможность самоопределиться. Поэтому мы почти всей общиной-то и ушли. Редкий случай в истории России, чтобы община почти в полном составе перешла в ИПЦ, не прекратив служения.

Осенью я перестал поминать и Климента, стал поминать «всякое епископство православных» — был на «акефальном» положении, такое допустимо временно, при поиске православного епископа. Когда же я перешел под омофор епископа Григория (Лурье), тогда совершил присоединение

прихожан через исповедь в невольном соучастии в ересь сергианства и экуменизма.

Под омофор епископа Григория (Лурье)

Почему именно Лурье? Нам повезло, точнее — это промыслительно. Я искал Церковь именно православную — с акцентом на догматическую веру, на канонический строй, на правильное аскетическое учение. В том многообразии зарубежных осколков, которое сейчас существует, почти нет четкой догматической позиции. Чтобы так: это православие, в это мы верим, в это не верим. У них есть акценты на зарубежности, русскости, монархизме, политике, традициях РПЦЗ или дореволюционной Российской церкви — но мне не интересны дореволюционные традиции, мне интересно само православие, какое оно есть у святых Отцов.

Владыка Григорий (Лурье) выгодно отличается четкостью своей догматической позиции. У него есть замечательная книга о монашестве «Призвание Авраама», прекрасные статьи по догматике и аскетике. Когда я это читал, я понял, что этот человек понимает православие, и я с ним согласен, я хочу верить, как он, быть под его омофором. Думаю, именно так должен священник или мирянин выбирать себе епископа.

— Человек поднял книгу Игнатия (Брянчанинова) и сказал: вот моя вера, я в нее верю! Он тем самым становится более истинным, чем другие? Тот же патриарх Кирилл может сказать: вот библиотека святых отцов — я в них всех верю! Для истинности достаточно заявления о своей вере, жизни по этой вере или канонической преемственности?

— Каноническая преемственность (если мы говорим о преемственности хиротоний) в Архиерейском Совещании РПАЦ — от Зарубежной Церкви. Насчет заявлений о вере — это очень важно. Почти всегда христианам исторически именно этим и приходилось заниматься — исповедовать православие и устраняться ересей. Но это не единственное, конечно, чем должен заниматься православный. Надо еще быть в общении (я имею ввиду евхаристическое и молитвенное общение) с православными, и не быть в таком общении с еретиками.

К Игнатию (Брянчанинову) под омофор я перейти не могу, потому что он уже в мире ином, а к епископу Григорию (Лурье) могу, поскольку он жив и здравствует. И я считаю, что вера у них одинакова. Я не могу представить,

чтобы Игнатий (Брянчанинов) мог бы оказаться на экуменической конференции или в сергиевском «синоде», служил бы с еретиками молебен, или учил бы, что у латинян истинное священство и таинства. Поэтому я выбираю веру Игнатия (Брянчанинова), а не Кирилла (Гундяева).

— Но ведь Игнатий (Брянчанинов) был в той же самой Церкви, которая признавала, например, государя главой Церкви, по законам Российской империи. Это не было ересью?

— Не главой, конечно, а тем же, чем Византийская Церковь признавала греческих императоров — неким «смотрящим» за Церковью. Это все же не ересь. Между прочим, Брянчанинов был единственным, кто поднял вопрос о необходимости Поместного Собора, и написал статью по этому поводу — это был вызов всему существующему строю.

Поскольку в Российской Церкви не было догматических отступлений, принятых на уровне епископского сообщества, т.к. просто не было соборов, то и ересей не возникло, кроме имяборчества, но это уже XX век и особый разговор. Поэтому у Игнатия (Брянчанинова) не было канонических причин выходить из церковного общения с епископами его времени. Да, он видел, что все очень плохо, все валится, по сути, он был Иеремией, оплакивающим Иерусалим, который еще не пал. Но в рамках церковной структуры Российской Церкви XIX века Церковь Христова еще могла находиться. После 1927-го года она уже могла быть только за рамками той структуры, которую возглавил Сергей.

— *Остальные Поместные Церкви сохраняют православие или нет? Почему община не ушла в какую-нибудь Румынскую, Греческую Церковь?*

— Но они же все во взаимном общении — и с РПЦ, и с Варфоломеем Константинопольским. Какой смысл менять епископов, если они в общении друг с другом? Канонически бесполезно переходить от одного епископа к другому внутри МП или «мирового православия». К тому же греки еще большие экуменисты, чем русские, у них раньше это началось, они дальше зашли, сняли анафемы с латинян еще при Афинагоре. Плюс «новостилие» — оно и в Патриархии, конечно, есть — зарубежные приходы МП живут по новому стилю. Многие морщатся от таких «мелочей», но григорианский календарь был анафематствован Церковью еще в 1583 году, а мы к таким вещам относимся серьезно.

— Но патриарх Тихон соглашался на него, хоть и отменил потом.

— Это была не единственная ошибка патриарха Тихона. Он и другие ошибки допускал: чуть было не вошел в общение с обновленцами, одно время признавал решения их обновленческих «соборов», но в итоге он исправлял ошибки. Так что патриарха Тихона мы почитаем не за это.

Новый стиль был задуман и введен как первая ступенька в экуменическом движении: еще в 1920 году местоблюстителем Вселенского Патриархата Дорофеем Брусским в «Окружном послании Константинопольской Церкви всем христианским Церквам» была озвучена и распространена соответствующая экуменическая программа, и первым пунктом в ней значилось «принятие единого календаря для одновременного празднования великих христианских праздников всеми Церквами». Так что «новостилие» — изначально экуменический проект.

«Малое стадо» истинно-православных

— Сколько у вас примерно епископов, священников и мирян?

— В АС РПАЦ епископов трое, в моей епархии есть один священник, несколько общин. Сколько под омофором у других — не знаю. У нас вообще принцип: считать не по священникам, а по общинам.

— Итак, если три епископа, под их омофором двести-триста человек, то на всей Земле-матушке истинно-православных — от силы триста человек?

— Ну почему: есть еще ИПЦ в Греции, Румынии, Сербии, Украине. Есть «Бостонский Синод» в Америке — мы с ними не в общении, но едины в вере.

— Получается, в XXI веке истинных христиан не больше тысячи человек на 7 миллиардов? Печальная статистика...

— Да. Она и всегда была печальной. Наверное, самой печальной все же она была при Ное — сейчас еще ничего. Даже если все 180 миллионов официальных православных считать истинными, то это очень мало для 7 миллиардов населения планеты. Но тут надо сразу определиться: насколько для нас авторитетен «количественный аргумент». Католиков — полтора миллиарда, православных меньше почти в 10 раз. Если количество является определяющим критерием, то нам всем нужно в католики.

Слова Христа про «малое стадо» тоже ведь на эту тему. В свое время было 12 счастливых евреев «под омофором» Воплотившегося Бога — и это никого не смущало. Первые христиане не стеснялись относиться к себе — небольшой тогда маргинальной группе — утверждения, что они — «соль земли» и «свет миру».

Могут ли полтора миллиарда ошибаться? Если могут, то неважно, сколько их миллиардов — полтора или почти семь. В свое время один святой Максим Исповедник был Церковью, а все остальные — отпавшими.

На самом деле, право бывает всегда меньшинство, а большинство всегда ошибается. Всегда единицы двигали историю, святые Отцы Церкви были всегда единицами. Василий Великий, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин — всегда они шли против большинства.

Сейчас мы понимаем, что экуменизм — это ересь, ложное учение о границах Церкви. А Церковь — это Христос. Если мы неправильно учим о Христе, то мы неправильно веруем, и из Церкви выпадаем. Если мы допускаем, что люди, неправославно верящие в Христа, — в Церкви, Его Теле, то это и есть экуменизм.

— *Вопрос в том, что значит «верить в Христа православно».*

— В согласии со святыми Отцами.

— *А что такое «согласие со святыми отцами»? Обычный человек знает, что такое веровать в согласии с Символом веры, а «согласие с отцами» — это нечто неопределенное.*

— «Символ веры» не с неба упал, он святыми Отцами и составлен. У Отцов, в частности, есть мнение о том, что человек, неправославно верящий в Христа, не может быть в Церкви. Есть много цитат отцов об этом.

— *Цитат может быть масса и таких, и других...*

— Нет таких цитат, где, например, латиняне считались бы Церковью. Если только чуть-чуть у Филарета (Дроздова), но его во святых только РПЦ и почитает. В этом и суть: какие-нибудь Иларион (Алфеев) и Кирилл (Гундяев) говорят, что нельзя называть католиков еретиками, а вот святые говорили наоборот. И возникает выбор — с кем я одной веры. Я хочу — со святыми.

Вот, например, новомученики — Иосиф (Петровых), Кирилл (Смирнов) и другие — прямо говорили, что здесь, в сергиевской компании, Церкви нет — почему мы должны думать иначе, чем они?

— *Почему же тогда Патриархия канонизировала Кирилла (Смирнова)? Чтобы подгрести под себя?*

— Думаю, да. И не только его: епископ Виктор (Островидов) — его мощи находятся в одном из храмов РПЦ (МП), а он был первым епископом, порвавшим с Сергием сразу же после «Декларации», и публично это исповедавшим. Он был конкретным антисергианином, написавшим несколько воззваний по этому поводу. Но у них он святой.

А мученик Михаил Новоселов? Он также канонизирован в РПЦ, но он был, по сути, идеологом катакомбной Церкви.

— *То есть это не путь примирения, а хитрость?*

— Конечно же. Это из серии «вы украшаете гробницы пророков, которых убили отцы ваши». Их предал Сергей, сдал своей декларацией на растерзание ГПУ, а вы красите их раки, но при этом не отвергаете Сергея, не называете его отступником.

А как Иоанн Шанхайский вдруг оказался святым в Патриархии? Он никогда не был с ней в общении, был в РПЦЗ. И когда стал вопрос выбора, он проголосовал ногами. Он организовал выход из Китая нескольких тысяч человек, своих прихожан, чтобы только не попасть под омофор советского патриарха. Он, как Моисей, вывел из Египта своих чад. Почти буквально — через море. И для Патриархии он жил и умер раскольником. Как и Серафим (Роуз) тоже.

А теперь мощи святого Иоанна (Максимовича) патриархийцы возят по всей России: вот, мол, наш святой, он-де молился за «патриарха» Алексия Симанского! Может, и молился келейно, но в общении-то не был.

Деревенский епископ

— *Как живет деревенский епископ на лоне природы?*

— У нас четкий принцип: священнослужитель кормит себя сам. Это — в идеале. Я не могу сказать, что этот принцип у меня реализован полностью:

община мне помогает, и большое спасибо им за это. Но я стараюсь соответствовать этому принципу.

В нынешней российской деревне даже более социализированному, чем я, человеку сложно заработать себе на жизнь. Поэтому я решил заниматься личным подсобным хозяйством. Мы с прихожанами, которые живут рядом, завели коз, птицу: кур, перепелок, в сезон выращиваем индоуток, гусей, уток, индюшек. Все это достаточно успешно продается, сейчас все инкубаторы полные. Козы дают молоко, из которого мы делаем всякие продукты, что-то продаем, что-то сами едим. Прожиточный минимум это обеспечивает, Божией милостью.

— *И коз доит сам епископ Игнатий?*

— Конечно. Не только я, но и я тоже. И на рынок езжу продавать птичек. Раньше монахи продавали свое рукоделье на рынке, и это никого не смущало.

— *Такая смиренная жизнь — по частным домам, квартирам, сами себя кормим — не есть ли следствие того, что других-то возможностей и нет? Вот сейчас у вас три общины, но, допустим, жизнь изменилась, за вами пошли тысячи человек, десятки, сотни тысяч — не превратится ли ваша церковная жизнь (не догматическая, а структурная) в некое подобие МП?*

— Это из серии «вы не берете взятки, потому что вам не предлагают». Никто не застрахован от любых грехопадений, но главное — сохранить те принципы, которые изначально канонически заложены в Церкви, тогда они не позволят этому случиться.

Принципы: «сначала община — потом священник», «священник кормит себя сам» — когда священник совершенно не мотивирован материально, чтобы служить. Он служит потому, что он хочет служить, потому что это ему нужно.

И еще: с государством отношения должны быть прохладными, на расстоянии. Оно должно знать, что мы ничего против него не умышляем, наши интересы не пересекаются. Но никакого ангажированного сотрудничества, никакой материальной зависимости не должно быть в принципе никогда. Мы — за светское государство. И неважно, сколько у нас прихожан или общин.

Кстати, не думаю, что нынешняя ситуация патриархийной, так называемой, «симфонии» долго продлится. Мы являемся свидетелями последних судорог «государственного православия». А настоящая Церковь должна жить по каноническим принципам, и поэтому она жизнеспособна в любых условиях.

Так что будем сами трудиться, и полагаться на милость Божию.

Алексей Плужников

[ГРИГОРИЙ МИХНОВ-ВАЙТЕНКО: ЦЕРКОВЬ — В ДУХЕ И ИСТИНЕ, А НЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ](#)

Это интервью записано в конце февраля 2017 года.

Справка:

Григорий Михнов-Вайтенко родился 3 сентября 1967 года в Москве. Отец — Александр Аркадьевич Галич, мать — Софья Михнова-Войтенко. Рано потерял родителей, воспитывался бабушкой.

В 1984 году поступил во ВГИК. В 1985 году принял крещение в общине о. Александра Меня.

Служил в армии. С 1989 года работал на телевидении, был руководителем ряда проектов спутникового телевидения. Последний проект — православный телеканал «Благовест».

В 2008 году был рукоположен в сан дьякона митрополитом Новгородским и Старорусским Львом (РПЦ), в 2009 году рукоположен в сан пресвитера и назначен штатным священником Георгиевской церкви города Старая Русса.

Вел катехизаторскую работу в группах для взрослых, выступал с лекциями в школах района и области, занимался реабилитацией лиц без определенного места жительства. Автор ряда популярных брошюр для воцерковляющихся, изданных тиражом около четверти миллиона экземпляров.

31 августа 2014 в своей проповеди объявил об отлучении от Святого Причастия лиц, причастных к ведению и развязыванию братоубийственной войны в Украине.

В декабре 2014 года подал прошение о почислении за штат, которое было удовлетворено. В 2015 году о. Григорий вошел в состав клира Апостольской Православной Церкви. 10 июня 2015 года назначен Экзархом АПЦ в Балтийском регионе.

29 июля в домовом храме сщмч. Александра Меня состоялась архиерейская хиротония протоиерея Григория Михнова-Вайтенко во епископа Варяжского и Балтийского.

Хиротонию совершили Предстоятель АПЦ митрополит Виталий и епископ Крутицкий и Коломенский Симеон.

В этот же день указом Предстоятеля АПЦ епископ Григорий введен в состав Синода российской митрополии АПЦ.

Мое прошение уже ждали

— Вас обращение «владыка» устраивает?

— Меня абсолютно любое устраивает. Я полагаю, что вся эта титулатура достаточно архаична, и, по крайней мере, не принципиальна, это уж точно.

— Владыка, с 2008 по 2014 годы вы служили на приходе Московского Патриархата. В 2014 году ушли за штат — почему?

— Мне создали такие условия, при которых служить дальше я не мог. Мне было понятно, что от меня ждут прошение о почислении за штат — и оно было удовлетворено в тот же самый день, когда подано.

— А почему прошение ждали — чем вы не нравились?

— Я много чем не нравился, но, наверное, последней каплей стала публикация моих слов, сказанных на проповеди и направленных против тех, кто развязал и морально поддерживал военные действия на территории Украины.

— По этому поводу к вам обращались из епархии?

— Нет, напрямую никто ничего не говорил — пытались сделать вид, что у меня масса других проблем, например, академическая задолженность в духовном училище.

— Итак, в 2014 году вы ушли за штат — с тех пор что-то изменилось? Отправили ли вас в запрет или сняли сан?

— Я не интересовался, никаких документов мне не присылали, со мной никто не контактировал, да и сам я не испытываю большого желания общаться.

— *В декабре 2014 года вы ушли за штат, а летом 2015 вас уже рукоположили в епископы АПЦ. Что Вы делали полгода в промежутке?*

— Я искал место в других епархиях и других юрисдикциях. Так или иначе, все это предполагало переезд, что само по себе непростое дело. Но в других епархиях и так называемых «канонических» Церквях никто особого восторга от факта моего обращения не испытывал — в частности, я пытался общаться с представителями русскоязычного Западно-Европейского Константинопольского экзархата. Все эти разговоры ничем не заканчивались, в отличие от разговора, который у меня состоялся с секретарем Синода АПЦ. Куда я и перешел (в марте 2015 года) клириком, не предполагая никаких дальнейших карьерных достижений.

Из РПЦ — в АПЦ

— *АПЦ вы восприняли такой же канонической структурой, как РПЦ или другие Поместные Церкви?*

— Есть выражение: если ходит как утка, крикает как утка... Что является признаком Церкви? Есть такая вещь, как апостольская преемственность — нисходящая линия епископата от епископата канонического. У АПЦ с этим порядок: митрополит Стефан (Линицкий) был рукоположен Мефодием (Кудряковым) — какие тут могут быть вопросы по поводу каноничности? Это важный момент.

Справка:

Виталий (Кужеватов), предстоятель АПЦ, поставлен в епископы 7 мая 2000 г. собором во главе с митрополитом Стефаном (Линицким).

Стефан (Линицкий) поставлен в епископы 17 декабря 1996 года собором во главе с епископом Мефодием (Кудряковым).

Мефодий (Кудряков) поставлен в епископы в июле 1995 г. собором во главе с патриархом Владимиром (Романюком).

Владимир (Романюк) поставлен в епископы 29 апреля 1990 года епископом Иоанном (Боднарчуком), повторная хиротония совершена архиепископом

Антонием (Щербой) по благословению митрополита Мстислава (Скрыпника).

Антоний (Щерба) поставлен в епископы 6 октября 1985 года собором во главе с митрополитом Мстиславом (Скрыпником).

Мстислав (Скрыпник) поставлен в епископы 14 мая 1942 года епископами Никанором (Абрамовичем) и Игорем (Губой).

Никанор (Абрамович, он же Абрамчук) поставлен в епископы 9 февраля 1942 года епископом Поликарпом (Сикорским) и епископом Александром (Иноземцевым).

Поликарп (Сикорский) поставлен в епископы 1 апреля 1932 года собором во главе с архиепископом Дионисием (Валединским).

Дионисий (Валединский) поставлен в епископы 21 апреля 1913 года собором во главе с Антиохийским патриархом Георгием IV Хаддадом, при участии архиепископа Антония (Храповицкого).

Георгий (Хаддад) поставлен в епископы 10 мая 1890 года патриархом Антиохийским Герасимом, впоследствии патриархом Иерусалимским.

(Официальная страница АПЦ в ЖЖ)

— А как насчет признания другими каноническими Церквями?

— После прошедшего лета и — приличных слов не хватает — плясок, которые устроили вокруг Всеправославного Совещания на Крите, все эти разговоры про признание очень любопытно звучат. «Признаем, но не общаемся», — это нормально? Мне кажется, лучше, когда не признаем, но общаемся вовсю — у нас нет проблем с практическим общением с большинством из юрисдикций. А вопрос какого-то большого признания — это может произойти, но должна измениться ситуация.

— Вы под «общением» что понимаете — совместное причащение с другими православными Поместными Церквями?

— Да, не со всеми физически успеваем, конечно, но так-то общаемся совершенно свободно.

— В России много разных «альтернативных» церквей с разными названиями — почему вы выбрали именно АПЦ? Только по принципу преемственности епископата или потому, что они вас пригласили?

— Вопрос преемственности, как я уже сказал, для меня немаловажен.

Также важно, что то или иное церковное объединение декларирует. К сожалению, среди массы осколков зарубежных, альтернативных церквей в России большинство, как мне кажется, пытаются построить свою мини «московскую патриархию».

— ...При этом уверяя, что это не так?

— Ну, уверять можно в чем угодно, но внешне это выглядит именно так — в эпоху свободного интернета в этом несложно убедиться, почитав те или иные тексты клириков разнообразных юрисдикций.

В АПЦ этого нет — есть разумно сформулированные принципы, которые создавались при непосредственном участии отца Глеба Якунина — он достаточно много размышлял о том, как должно выглядеть церковное устройство. С точки зрения АПЦ, все эти вертикали и горизонталы церковного устройства должны опираться на понятие «община».

Все начинается с общины

Община не как хозяйственная единица, а как малая церковь, которая собирается вместе. В исторической основе это опирается на первохристианские принципы и на то, что продекларировал Собор Российской Церкви в 1917-1918 гг. Община, которая обладает не только обязанностями, но и достаточно большими правами: правом определять, кто будет священником в этой общине, предлагать своих кандидатов в священство, выбирать нового, если это необходимо, может определять богослужебный язык, внебогослужебную деятельность.

Общины входят в добровольный союз, могут образовывать епархии, которые могут создаваться не только по территориальному принципу — АПЦ в своей практике отказалась от жесткого территориального принципа. Общины активно участвуют в выборе архиерея. Архиерей не приказывает, не управляет, а несет ответственность, помогает устраивать общинную жизнь.

— Вас в АПЦ выбрала община?

— Я пришел со своей общиной, около десяти человек.

— Они были «за», чтобы вы были их пастырем в АПЦ?

— Они были, во-первых, за то, чтобы я продолжал служить, а дальше они выразили доверие, что я их в секту не приведу.

— *За прошедшие два года они так же и считают?*

— Да.

— *Состав общины изменился?*

— Немного увеличился, примерно в два раза.

— *Почему вы стали епископом?*

— Проблемы не в том, чтобы стать епископом, а в том, что были еще группы людей, которые явно могли вырасти в общины. Минимум для архиерея в АПЦ — наличие трех общин. Фактически они уже были. Встал вопрос: нужно ли им какое-то отдельное управление. Мы провели беседы в этих общинах, общины выразили пожелания, кого бы они хотели видеть в качестве своих священников. Это совпало и с соображениями, которые были у Синода и у предстоятеля АПЦ — и мне было предложено возглавить эти общины — инициатива наказуема исполнением.

Изначально эти три общины были разбросаны в разных городах, сейчас этих общин уже больше. Поэтому и экзархат — общины есть и в Балтии.

В каждой общине экзархата есть свои священники, в Старорусской — я сам, но там есть нужда в священнике, потому что у меня слишком много времени начинает уходить на дорогу при переездах из города в город.

— *Вы можете сказать, сколько в АПЦ в целом епископов, священников и мирян?*

— Нет, я готов говорить с цифрами только о своей епархии. Епископов в России девять человек, сколько священников — не знаю. Я знаю многих священников из других епархий, но сильно подозреваю, что это не все.

Наш экзархат создал сайт с информацией, Синод принял решение сделать базу данных, но пока не создал.

Без храмов и финансовых отчетов

— *Какова ваша роль как епископа по отношению к священникам — пишут ли они вам отчеты, платят ли епархиальные взносы?*

— Вопрос финансов у нас вообще исключен из повестки дня: единственное, на что община собирает деньги — на самое необходимое: на вино, например, или богослужебные предметы, литературу. Никакие таинства — упаси Боже, — никакие требы за деньги не совершаются. Ни священники, ни епископ зарплат не получают, имеют светскую работу.

— *Все богослужения происходят на квартирах?*

— Не все, но большая часть. У нас есть одно церковное здание, построенное на частной земле. Наличие здания очень затрудняет приходскую жизнь — вместо того чтобы заниматься душепопечением, мы начинаем заниматься храмопопечением, что не одно и то же — это постоянно тема денег, оплат, ремонта и т.д. и т.п.

— *А хозяин этого единственного здания, в котором проходят молитвенные собрания вашей общины, не может передумать и выставить вас на улицу?*

— Может, но для этого он должен стать шизофреником, потому что хозяином являюсь я.

— *Будущее вы видите именно в «квартирном православии»?*

— Я считаю, что возникновение здания у общины оправдано и может быть необходимым, если община осуществляет некое служение: приют для бездомных или школа, например. Тогда при этом месте, где осуществляется служение, можно выделить некий уголок, где будут проходить и молитвенные собрания тоже. А строить отдельный храм как храм сегодня, мне кажется, не оправдано. Если община увеличивается, то лучше подумать о создании еще одной общины. Как только мы пересекаем какую-то критическую точку, то сильно падает качество нашего общения в группе. Двадцать человек — это достаточно, такому количеству членов общины будет накладно содержать храмовое помещение. А комнату, пристроечку, сарайчик всегда можно отыскать.

— *Члены вашей общины к этому привыкли? Ведь наши прихожане привыкли к золотым куполам, звону колоколов...*

— Это требует усилий, для человека, который попадает первый раз, это несколько неожиданно, но, по моим наблюдениям, когда человек это

пробует, то начинает понимать, что так намного лучше, человечнее — все рядом, всех видно и слышно, все понятно.

— У людей не возникает подозрений, вопросов: за окном купола сверкают, колокола громяхают, а вы тут спрятались — не секта ли вы?

— У людей, с которыми мы общаемся, таких вопросов не возникает, наоборот, они понимают, что громяхание и сверкание сильно противоречат евангельскому духу, к которому все призваны.

Первохристианские или византийские традиции?

— «Апостольская Православная Церковь» — не слишком ли претенциозное название?

— Название возникло до того, как я там оказался, но оно как-то прижилось. Сначала обсуждалось название «Русская Православная Свободная Церковь», еще какие-то.

— Мне непонятен в альтернативных церквях такой момент: вроде бы осуждается имперскость, византизм, вся пышность, излишества, но при этом все равно используются митры, облачения, палица сбоку висит...

— Вы не были у нас на богослужениях: митры я не видел ни у кого из наших архиереев или священников, облачения самые простые, отнюдь не византийские.

— А почему не служить вообще в костюме?

— Отказываться от определенных традиций, которые сложились не за один день, без достаточных оснований и обсуждений не стоит. Если я иду в светское пространство читать лекцию, то я предпочитаю в костюме или в свитере — в данном случае пышность, псевдоцерковность неуместна.

Но момент богослужения, если мы относимся к этому всерьез, — а мы пытаемся относиться к этому всерьез — это некий кусочек иного мира. Надевая определенную одежду, мы выражаем свое отношение к происходящему. Отслужили — сняли, сели пить чай, не называя друг друга громкими, пышными титулами и не провозглашая бесконечные здравицы за правящего архиерея.

— Но вы говорили о возвращении к первохристианским истокам — а тут описываете византийскую традицию. Разве апостолы или первые

христиане что-то особенное на себя надевали? Почему до той традиции не спуститься, почему именно эта?

— Для того чтобы отказываться, недостаточно одного моего личного желания — стоит обсуждать. Если большинство сочтет, что эти традиции мешают, то можно от них отказаться. Мне, честно говоря, не мешают.

— А все эти титулы: архиепископ, митрополит — почему всем не быть просто епископами?

— У нас митрополит — это всего лишь должность, не сан. Человек выбирается в управляющие митрополией на определенный срок, и он может быть перевыбран или сложить с себя эту должность. После этого он перестает быть митрополитом, сохраняя сан епископа. Так же и священнику нет смысла 18 раз становиться прото-прото — он уже иерей. У нас этого нет, и, надеюсь, не предвидится.

— Вы служите на русском языке?

— Мы обычно читаем Священное Писание по-русски, служим в основном на церковнославянском.

— Я читал, что еще во времена отца Глеба Якунина считалось необходимым перейти на русский язык...

— У нас нет единых правил, община выбирает так, как ей удобно.

Экуменическая семинария

— Вы декан экуменической семинарии — расскажите об этой семинарии.

— Поскольку последние годы активно развиваются технологии дистанционного образования, несколько человек решили попробовать создать такую структуру, которая позволяет человеку совершенно бесплатно получить внеконфессиональное богословское образование. Учатся представители самых разных Церквей, кто-то вообще является неденоминированным христианином. Обучение дает возможность написать и опубликовать итоговую богословскую работу. Учатся сейчас порядка шестидесяти человек по программам бакалавриата и магистратуры. Преподавание идет на русском, основной корпус литературы — на русском, поэтому ориентируемся мы в основном на бывших советских жителей, даже если живут они уже за границей.

Семинария работает второй год. Уже несколько итоговых работ написано — бакалавры у нас уже есть. Программа рассчитана на два-три года, но скорость обучения зависит от учащегося — он выбирает группу предметов, они дают ту или иную сумму баллов.

РПЦ — Церковь или Организация?

— Владыка Григорий, а что сейчас для вас РПЦ? Как вы воспринимаете политику ее руководства?

— РПЦ — это централизованная религиозная организация, которая объединяет массу совершенно необъединимых вещей, в силу, с одной стороны, традиционной инертности, а с другой — в силу определенной государственной политики в отношении религиозных организаций. К сожалению, эта организация используется сегодня как некий политотдел, что Церкви вообще не свойственно.

Как церковная структура она подвержена большому количеству разнообразных болезней, и может прийти в норму только в случае серьезной ломки организационных принципов.

Как это сделать? Мне думается, довольно просто: мы скоро начнем отмечать столетие Собора 1917–18 годов — можно брать решения Собора и смотреть: что выполнено, что присутствует в церковной жизни, а что отсутствует. К сожалению, мы увидим, что отсутствует практически все, что отцами Собора представлялось необходимым ввести в церковную жизнь.

Церковь не тождественна централизованной религиозной организации, тем более что РПЦ (МП) — это не одна централизованная религиозная организация на территории России — часть митрополий тоже являются таковыми. После всех бед XX-го века, расколов, отпадений, возвращений, мне кажется, что некая черта будет подведена тогда, когда будет созван действительно Собор, который соберет все остатки не по приказному принципу, а по внутреннему желанию решить, нужна ли вообще Церковь поместная. В мировой религиозной мысли раздаются голоса, что, возможно, Поместные Церкви вообще уже не очень нужны, нужно переходить к иным принципам, к конфедерации общин. Тогда можно будет о чем-то говорить, сейчас ситуация печальна.

Организация — это самое неприятное, что происходит с РПЦ (МП) — она стремительно теряет авторитет. Если какие-то отдельные священники этим

авторитетом еще пользуются, то организация не пользуется уже практически никаким авторитетом. Это очень и очень печально.

— *Насколько вам важна миссия в плане привлечения последователей? Или: есть маленькие группки спасающихся — и хорошо? Говорят иногда «альтернативные»: «Мало наших, зато правильные, истинные, все понимающие, а миллионы прихожан РПЦ заблуждаются». Прихожане РПЦ ходят в Церковь, причащаются Христа?*

— А я не знаю. Это как пытаться вывести среднюю температуру по больнице. Откуда я знаю вообще, что такое благодать? Не готов я рассуждать об этом.

У меня есть основания предполагать, что на одном приходе может служить святой, который находится уже в Царстве Небесном, оставаясь здесь на земле, а на соседнем приходе может находиться абсолютнейший монстр, который погряз во всех грехах, и давно отпал от Церкви.

Позиция «а таинство все равно совершается, раз он из Церкви не изгнан» — мне кажется чересчур оптимистичной.

Где же Она — Церковь?

— *Вы совершаете литургию — вы считаете, что совершается таинство причащения?*

— Мы читаем слова: «Сие творите в Мое воспоминание» — я верю, что это таинодействие — это некая последовательность, которая оставлена нам Христом. Это таинство — я чувствую его таковым. Если в какой-то другой общине или организации человек это чувствует — значит, наверно, оно таковым и является. Узнаем об этом мы немножко позже. Сегодня обзывать друг друга еретиками, безблагодатными и так далее, мне кажется, могут только люди с ограниченным сознанием.

— *Люди две тысячи лет друг друга в этом обвиняют, не только сегодня...*

— До поры до времени это был инструмент имперского воздействия на тех или иных диссидентов — напомним, что слово «диссидент» — это слово церковное изначально. Сегодня нет империи — в чем проблема? Мне кажется, ни в чем, это отрывка старого режима.

Цивилизация все же развивается, христианство играет в этом не последнюю роль, христианство призывает в «духе и истине», а не в истине Православной Церкви молиться. И Христос не устанавливает количество канонов, которые надо вычитать перед причастием, Он немного о другом говорит.

— *Вы веруете во «единую святую соборную апостольскую Церковь»?*

— Да.

— *А в вашем представлении — где она, кто она, эта Церковь?*

— Она не единая в этом мире, в первую очередь, она в духе и истине, от сердца к сердцу, а не в человеческих структурах.

— *То есть внутренне членом Церкви может быть и католик, и протестант?*

— Да.

— *А язычник, который Христа не знает, крещения не имеет, но близок к Нему жизнью — он в Церкви или нет?*

— Вы же помните притчу о Страшном суде? Ответ здесь: был голоден — вы накормили Меня, хотел пить — вы напоили Меня. И внезапно оказывается, что люди, которые, может быть, даже не предполагали, что они верующие, они оказываются Богу близки, хотя могут быть некрещеными или считают себя атеистами. Но исполняли то, что Бог хочет от человека. А те люди, которые простаивали на молитве сутками, но не делали того, что Бог хотел бы, им Он говорит: «Отойдите от Меня».

Границы Церкви — это очень интересный вопрос, но они явно не проходят на основании справок, выданных епархиальным управлением.

— *Вы часто говорите «я не знаю». А как обычный человек, бабушка, не знакомая с богословием, — как ей разобраться, куда пойти: к вам или в РПЦ?*

— Мы никого не заманиваем, если кто приходит, то мы рады. Но мы никогда не говорим: все к нам, только у нас истина. Мы не знаем, где правда. Нам кажется, что то, что мы делаем, похоже на правду. Поэтому мы рады, если у нас появляются новые единомышленники, но это не значит, что наша правда единственна. Единственная правда у Христа, а не у нас.

Алексей Плужников

[ПОЗВОНИ ОЛЕСЕНЬКЕ И СПРОСИ: «НУ КАК У ТЕБЯ ДЕЛА?..»](#)

«Ахилла» пообщался с молодым человеком, инвалидом детства (ДЦП), который называет себя агностиком. Наш собеседник попросил не упоминать его имени, потому что не хочет оттолкнуть от себя тех верующих людей, с которыми он общается. Назовем его «Колей».

Церковь — психолог для бедных

— Я пришел в Церковь в 14 лет — я думал на тот момент, что я нужен Церкви, что это мое место. Я хотел идти по церковной дороге, хотел бы преподавать в воскресной школе. Мне и сейчас это интересно, но у меня коррекционное образование, в котором нет ничего хорошего — просто научили читать, писать — ни английского, ни химии, ни физики. После школы я переучиваюсь до сих пор.

Коля любит читать научную литературу, уважает Ричарда Докинза, Станислава Дробышевского, часто перечитывает владыку Антония Сурожского, любит Есенина, Ахматову, Пастернака. Сетует, что не может попытаться изучать английский язык, потому что нет базиса, который дают обычно в школе: «Даже алфавита не знаю, а репетитора нанять не могу».

Через некоторое время после интронизации патриарха Кирилла пришло разочарование. От атеизма Колю удержало знакомство с трудами представителей «либерального христианства», по его выражению: митрополита Антония Сурожского, игумена Вениамина (Новика).

Но разочарование нарастало, он увидел в Церкви «идеологическую машину, которая засасывает людей», хотя по-прежнему признает, что Церковь помогает ему на психологическом уровне:

— Станислав Дробышевский сказал: если человек пришел в религию — он будет всегда в этом религиозном котле вариться. Я согласен с ним: даже атеисты и агностики, как и либеральные христиане до сих пор интересуются патриархом Кириллом — что он натворил.

Я вообще считаю, что психологи должны работать с людьми, а не РПЦ, но нужно понимать экономические и социальные проблемы РФ: где взять

психологов? И не каждый откроет душу психологу, так что пусть будут храмы, и людям будет хорошо.

Подчеркиваю: РПЦ не должна касаться тяжелых проблем: муж-алкаш, дочь-проститутка, сын-ДЦП и т.д. Потому что все мы знаем ответ: «на все воля Бога», но суть не меняется, и проблемы остаются. И именно тут нужен психолог.

Я агностик, но надеюсь встретиться с Богом

Коля называет себя агностиком, но ради мамы иногда ходит в храм:

— Моя мама верующая: я так же хочу, чтобы она спокойно ходила, молилась, любила Николая Чудотворца. Мы спорим с ней порой — это нормально, она переживает за меня, молится, но понимает, что я сложный человек, меня трудно переубедить. Но от меня она не отказывается.

Я не отрицаю догматы, Бога не отрицаю. Я надеюсь, что встречу с Ним, когда умру. И не хочу оскорблять ничьи религиозные чувства.

Поэтому и свое имя не хочу называть. Мой мир, словно у пожизненного заключенного, состоит «из узкого круга», я вижу мир как через паранджу. У меня мало общения, я тяжелый человек, плохо иду на контакт. Поэтому пускай они будут религиозные, те, с кем я общаюсь — дьяконы, священники: главное — человечность. Они ко мне хорошо относятся, хотя знают, что я критично отношусь к руководству РПЦ. Мои друзья-священники за меня молятся, вынимают частичку — за это я им благодарен, и я боюсь это потерять.

У нас нет диалога — я боюсь критики

— Мне бы хотелось, чтобы церковная структура РПЦ приглашала к себе людей разных точек зрения: и либералов, и фундаменталистов. А у нас как бывает: напишет человек статью, и начинают ругать: ты дурак — нет, ты сам дурак, ты еретик — нет, ты еретик. Диалога не получается. Лучше бы сидели на кухне и под чашку чая рассуждали о Боге, о вере. А у нас этого нет.

Я поэтому и согласился на закрытое интервью — я боюсь критики. Не хочу писать негативные комментарии никому: ни отцу Всеволоду Чаплину, ни патриарху Кириллу — вернее, его пресс-секретарю отцу Александру Волкову — я ничего не имею против него, он, наверное, хороший менеджер... Неохота писать митрополиту Илариону — мне нравится, как он проповедует.

Но, к сожалению, наша церковная вертикаль закрывает глаза — она не пускает нас в свой дом, не хочет разговаривать с нами. Поэтому мы сидим в интернете, выплескиваем злобу, обиду...

Посмотрите на Марию Кикоть — Маша выплеснула то, что у нее накопилось на душе: боль, страдание, обиду. Ее сердце было покрыто розовыми шипами...

Что это значит? — Маше было больно, ей некуда было идти, поэтому она вышла в интернет — и слава Богу. Но нет — теперь давайте будем травить Машу, собирать игумений, писать критические статьи... А нужно было пригласить Машу, сказать: «Маша, а что ты хочешь? Давай с тобой, дорогая, поговорим. Да, мы больная организация, да — у нас больной монастырь, да — у нас больной консерватизм, у нас много болезней, но давай мы будем разбираться». Нет, диалога не получается — лучше ее обвинить в ненависти, в антиправославии, в том, что она либералка и купилась на печенки Барака Обамы. Это очень печально.

Инвалиды — это евангельский эпизод

Точно так же и с инвалидами — диалога не получается. Соберутся раз в год на богослужение в храме Всех Скорбящих Радосте на Большой Ордынке в Москве — туда приглашают инвалидов. Мне это нравится, но это всего лишь раз в год. Эти мальчики и девочки придут, потом попьют чай, поговорят и разойдутся, и все. И никто не вспомнит, кто такой был Ванечка, кто такой был Валерочка, кто такой был Коленка...

Мы, инвалиды, не с Марса, не с Венеры — мы такие же люди, как и вы. У нас и страсти, и сексуальные предпочтения, и религиозные, политические, философские взгляды есть. «Спасибо» товарищу Сталину — именно он закрыл нас после войны.

Ненависть к нам идет потому, что никто не хочет общаться. Приходят инвалиды не только с опорно-двигательным аппаратом, но и психически больные — им это надо, я их понимаю: они хотят общения, хотят, чтобы батюшка погладил их по головке, хотя бы уделил капельку внимания... Они тоже хотят, тоже ждут, мечтают, чтобы они были частью церковной общины.

Но, к сожалению, не получается этого, у нас не община — у нас антиобщина. Мы вроде бы на словах христиане, вроде едины, а на самом деле мы живем по разным углам: Таня по свою сторону, Ваня — по свою, Коля — по свою. Но

при этом нас объединяет один враг — телевизор, а в нем «враг» — США. Мы не паства, мы не церковь, мы — антиобщина, и это очень плохо.

Инвалиды ищут общения, хотят разобраться в себе, быть понятыми, услышанными.

Но общение с инвалидами — вещь тяжелая, это надо понимать. Кто-то в детстве застрял, а кто-то быстро повзрослел на психологическом уровне.

Инвалиды — это евангельский эпизод, маленькое евангелие мира. Как пожизненно заключенные — это тоже евангелие мира. Христос говорит ведь: накормите голодного, обогрейте бездомного, посетите болящего.

Но я нисколько не возношу инвалидов: мы тоже грешные люди и глубоко больные, не только физически, но и духовно.

Не люблю, когда Малахов и прочая компания по телевизору возносят инвалидов: «Ах ты, девочка, ах, Олесенька! Как ты чудесно поешь! Как чудесно разговариваешь, какая умница!..»

Но потом эту Олесеньку забывают навсегда и увозят в дом престарелых... Ну будь человеком, признай в себе ошибки: позвони этой Олесеньке на Прощеное воскресенье или на Пасху, спроси: «Дорогая моя, как у тебя дела? Ну как у тебя дела?.. Как ты себя чувствуешь?» Нет: попиарятся на инвалидах и забудут навсегда.

Инвалиды, конечно, разные: кто-то любит, чтобы их жалели. Я не люблю, когда меня жалеют — это так скучно, так лицемерно. Я позволяю порой некоторым барышням проявить по отношению ко мне материнские чувства: подарить шоколадку, погладить по головку, но когда мужчина жалеет — этого я не люблю. Я всегда говорю мужикам: пожалейте ребенка, жену или мать, но не меня.

Есть инвалиды, которые хотят, чтобы мир лежал у их ног. Капризно себя ведут, но, на мой взгляд, можно это использовать, только когда тебе больно, когда ничего другого не можешь. А когда на пустом месте используешь — это плохо.

Никто не любит слабых людей, особенно, когда этой слабости слишком много. Поэтому нужно полностью принять и осознать себя. Когда я был маленьким, мне хотелось побегать, попрыгать, в футбол с мальчишками

поиграть — все это нормальное явление, я не понимал, почему у меня рука парализована, почему я ходить не могу.

Церковь научила меня осознанию, что я инвалид. Она учит нас, что люди должны признавать свои грехи — это прекрасно, но когда идет давление психологическое: ты грешный, грешный, грешный — то это очень плохо.

P.S. Я бы пожелал всем мамам, которые рожают детей: собирайте деньги. Чтобы потом повезти своих детей в Стокгольм, Нидерланды, в Европу, чтобы детки хоть на капельку увидели мир!

Ксения Волянская

[ЛЮДИ ПРОСТО РАБОТАЮТ МОНАХАМИ И СВЯЩЕННИКАМИ](#)

Наш сегодняшний собеседник — Арсений, 21 год, бывший алтарник, ныне атеист.

Отец стал верующим до моего рождения, мама примерно с моим рождением. Мне было 4 года, когда меня крестили в кладбищенском храме, а водить меня начали в монастырский храм. Сразу записали в воскресную школу, и в 6-7 лет я пошел в первый класс. Каждое воскресенье — в церковь на причастие, потом сразу в воскресную школу. Так наверно класса до четвертого.

Это был абсолютно лояльный детский монастырь. Там были очень добрые улыбчивые священники. Такой детский клуб по интересам, только с Богом. И родители всегда такие радостные, на подъеме, и дети, и все это очень красиво выглядело, и не было там ничего сектантского. Но я понял, что мне это не нужно.

Дома никаких строгостей в плане православного воспитания не было. Ну, может быть, в Великий пост мы не ели говядину. Курицу, рыбу все равно кушали, молоко, естественно. Но посещение храма для меня никогда не было радостью — это же выходные и они пропадали. Единственно хорошее, что я туда попал — у меня два друга оттуда осталось.

Как на меня повлияло религиозное воспитание? Я получил хорошее историческое образование. На воскресной школе мы затрагивали какую-то тему, мне казалось, что того, что нам рассказали, недостаточно, и я дома

читал про это, уже в светских источниках. Увлёкся историей, стал смотреть на мир с разных точек зрения: как обычный человек и как религиозный.

Если взять за основу, что есть Бог, и через призму православного восприятия пропустить, то получалось – Бог любит, когда люди ходят в храм, мы взрослые люди, и мы хотим угодить Богу, мы, естественно, тебя (ребенка) к этому приобщаем, поэтому ты должен ходить с нами, чтобы, опять же, угодить Богу. Какое-то время я принимал это за чистую монету, за правду, что даже если не хочется – надо все равно, потому что Бог это любит. А потом я понял, что нет... Просто – зачем? Ну, люди хотят — пусть ходят, а я не буду.

Лет в 11 я часто стал это дело прогуливать – я еще жил с родителями и не мог им сказать, что вообще ходить не буду. Но я еще верил в Бога, и у меня была такая оппозиционная вера – храм не нужен, священники не нужны, с Богом нужно общаться самому – молиться, размышлять, призывать высшие силы, но в обход храма. Атеистом я стал уже в 14 лет. Я просто понял, что Бога, наверно, нет.

Не было никакого события или озарения, которое к этому привело. К тому времени я уже отошел от Церкви, забегал туда к людям – у меня там крестный, монах, с парнями там иногда пересекались. Потом я начал задавать себе вопросы: почему в целом мы живем вот так, а Бог — если Он действительно такой, каким Его люди рисуют – почему Он не вмешается и ничего не сделает?

Был, конечно, ответ от Церкви, что люди сами выбирают свое существование, но тогда зачем нам нужен Бог? Чтоб жить после смерти? А как в таком случае жить счастливо на земле, если все «рекомендации» Церкви призваны подавить свободную волю человека и его стремление к познанию?

Было у меня представление, что Бог злой, а потом просто я понял, что Его не существует – Он лишнее явление в концепции мира. Если Бога нет, то все понятно – мы выживаем, так же, как и наши предки, и это логично и не противоречиво, а если Бог есть – это не логично и противоречиво. Можно так выразиться, что я выбрал веру в то, что Бога нет. А сейчас мне просто все равно. Даже если Он есть, я с Ним не буду иметь никаких дел.

Родителям я сказал не сразу. Это было мне просто невыгодно, было лишним. Меня уже не заставляли ходить в храм. Мы молились дома перед едой, меня

это не напрягало, я поддерживал эту традицию. Я сказал им, наверно, уже ближе к совершеннолетию, лет в 17. Мама отнеслась спокойно, а с отцом были философские споры, и они до сих пор иногда продолжаются. Конечно, это было воспринято: «Как так, мы тебя всю жизнь воцерковляли, а ты не воцерковился, что мы сделали не так?» Но дело же тут не в родителях, а в самой концепции.

В алтарь я первый раз зашел в десять лет, потом мне сказали: год отдыхай, маленький еще. Потом зашел в одиннадцать и вышел в тринадцать. Заходил я туда, опять же, извлекая из этого выгоду. Мне нужно было находиться в монастыре, а это влекло за собой некоторые обязанности – уборку в том же алтаре. Я некоторое время жил там. Возникали конфликты с отцом, я просто уходил к крестному, говорил: я здесь поживу, мы с отцом выясним отношения, потом я опять домой перееду. Так было, наверно, раза три, месяца по два или по три. На темы веры мы, кстати, с крестным никогда не дискутировали. Он знает, что у меня свое мировоззрение, у него свое, я не лезу в бутылку, соответственно, все в порядке. Пономарство я воспринимал как механические действия – как актеры в театре играют, точно так же и здесь, только тут спектакль неинтересный.

Я никогда не возлагал никаких надежд на верующих, на монахов, поэтому и разочарования какого-то не было. Просто монахи живут как обычные среднеобеспеченные люди. Покупают себе машины, телефоны, ноутбуки, попивают коньяк. Если они нарушают то, чему учат других – ну, не знаю, для меня это было нечто естественное. Так как я с самого детства изнутри это наблюдал, то я не тешил себя какими-то надеждами, что здесь монахи неправильные, а должны быть правильные. Люди просто работают монахами и священниками. У меня было четкое понимание, что так оно и должно быть. Здесь мы на сцене так себя ведем, а за кулисами так – и это норма. И ничего плохого в этом нет – ведь это делают священники, те, кто напрямую с Богом связаны.

Сейчас много говорят про то, что в Церкви геи, педофилы. Для меня это до сих пор на уровне сказки. Просто светская жизнь. На Пасху отслужили, тут накрыли, монахи сначала внизу с прихожанами прихлопнут, потом идут вверх – и дальше там, насколько хватит сил. Никто ничего не скрывает.

Поначалу у меня было много вопросов: хорошо ли пить алкоголь, если ты проповедуешь воздержание? Потом я просто перестал об это думать – ну

пьют и пьют, не мое дело. Не знаю, я, наверно, с детства был неверующий. Церковь воспринималась просто как некое заведение, клуб по интересам.

Люди туда ходят, им там нравится, у них есть председатель, и все хорошо. А чем люди занимаются в свободное от этого время – это их дело. Но Бог просто туда не вписывался и, наверно, поэтому Он туда и не вошел – в мою голову.

Сейчас я вижу РПЦ как очень наглый, но при этом очень слабый бизнес-процесс. Если бы они играли по общим правилам, они бы не вывезли просто, потеряли бы все свои деньги. Но так как для них особые правила, они вывозят эту игру. У нас же нельзя публично выступать гадалкам, шаманам и прочим, продавать открыто магические услуги, это как минимум не приветствуется, все эти сеансы приватные. Что сильно сокращает поток денег к таким людям. А если ты проповедуешь христианскую религию – это, конечно, можно массово делать.

Плюс господдержка, отсутствие налогов, выделение земли под строительство, отдача памятников архитектуры и все прочее.

Почему он неэффективный? Потому что никто не верит. Даже люди, которые ходят в Церковь, – в большинстве своем не верят в Бога. Они ходят, потому что русские. Никто не задумывается, что есть Бог, я посвящаю Ему свою жизнь, и хожу в церковь потому, что эти глубокие процессы взаимодействия с Богом я могу пережить только в Церкви. Нет, просто надо идти, потому что так заведено, я русский, русские – православные, значит нужно идти в храм, хотя бы в праздники.

Иеромонахи, монахи, с которыми я общался – хорошие люди. Каждый верит в своего бога. Просто в целом их жизненный путь вызывает у меня недоверие. На что они тратят свою жизнь, чему они учат людей — многие же им верят. Поп говорит, человек верит, пытается по этому жить — и ломает себе жизнь. На исповеди он скажет: у меня такие-то проблемы. Он же не знает, что они психологические. Он думает, что его бес попутал. Поп ему говорит: 40 поклонов в день, и бес уйдет. А человеку в больницу надо ложиться. То есть в целом люди хорошие, никого не обижают, палками не бьют, не агрессивуют, но они вынуждены функционировать в этой системе — раз они сюда один раз пришли и действительно во что-то верят.

По крайней мере, один монах точно бы оттуда ушел, знаю из первых уст. Если бы он не верил, что ему будет плохо за то, что он бросит монастырь, потом на небесах – он бы оттуда давно ушел. Но он в это верит и остается там уже долгое время, хотя глубоко несчастлив.

Те мои ровесники, которые пошли в семинарию, откровенно говорили: ну, а куда мне? Либо на автомеханика, либо в семинарию.

Сейчас я мало с кем разговариваю о религии – это интервью первый разговор за год, а, может, и больше. Раньше для меня эта тема была как красная тряпка для быка. Я любил подискутировать, доказать свою точку зрения, что Бога нет, вы все дураки, давайте, становитесь атеистами, вы сразу станете свободными, у вас в голове все прояснится и будет вам хорошо. Сейчас мне мое поведение тогдашнее кажется глупым.

У тех, кто вырос в Церкви и сейчас не ходит, но крестит своих детей, сохраняется шаблонное мышление: а вдруг там что-то есть, и будут пускать только по пропускам? Что мне, жалко один раз покрестить ребенка, и потом у него будет стопроцентная возможность пройти? На этом же Церковь и зарабатывает. Не на тех двух процентах населения, кто каждое воскресенье ходят в храм, а на том, что повально все крестят.

У человека либо нет времени, либо нет желания задуматься и принять точное решение – я верю или не верю. Я крещеный, мама, папа, ну и ребенок мой пусть будет, а потом мы все вместе будем после смерти. Не мне судить, но мне кажется это проявлением слабости.

Я часто думал о том, вернусь ли я в Церковь. В постапокалипсисе я стану иеромонахом, но в Бога не буду верить все равно. Представляете, такой с бородой и в подряснике? Постапокалипсис вокруг, я отшельник. Буду очень классным сектантом. Расскажу им, что во время взрыва я видел Бога, и Бог велел мне вашу горсточку людей, именно вас — наставлять духовно, пока Он не придет к нам.

Я изнутри кухню знаю, никогда уже не поведусь на это. Бывают же моменты, когда все плохо и не понимаешь, зачем жить, и тебе очень хочется, чтобы кто-то тебе подсказал. Насколько я знаю, люди идут в Церковь, когда испытывают такие чувства. Я уже не пойду. Даже если бы Бог был – Он не вмешивается, просто наблюдает. Человек все равно делает все сам. Искать утешения в Церкви – это самообман.

Говорят, что атеисты плохие люди, и если делают добро, то только из корысти. А верующий, который исполняет заповеди, – не лицемер? Если он не может делать что-то хорошее просто так, а делает это именно из-за того, что либо будет наказание, либо будет поощрение?

Мне кажется, это на уровне кошки – можно рыбкой манить, можно палкой бить. Если человек просто решает для себя, независимо от заповедей – я людей убивать не буду, я им жизнь не давал, подраться могу, если кто-то наедет, а убивать не стану. Мне кажется это более чистым и моральным подходом, чем «убивать не буду, потому что за это меня накажут». Если бы не было религии, воспитание исторически происходило бы по-другому, и у людей не было бы такой категории как страх Божий, и желания убивать бы не было.

Войны, бедствия, голод – все это сильно связано с христианской и с мусульманской религией. Сегодня религиозная ненависть такая же сильная и актуальная, как во времена крестовых походов. Если приехать куда-нибудь в Махачкалу и крикнуть, что Бога нет, тебя, наверно, очень быстро убьют. Хотя зачем, за что? Предположим, что Аллах есть, а я сказал, что Его нет, но Он же от этого не исчезнет.

Людям просто нужно получать больше образования. Учиться разбираться, почему действительно не нужно убивать людей. Если человек поймет, что Бога нет, а его всю жизнь сдерживали заповеди, а у него накопился список... Изначально ложная мотивация.

Я не планирую заводить детей. Перенаселение на земле – скоро питьевой воды хватать не будет. Ладно, я проживу, а мой ребенок будет воевать за воду – зачем? Но если что-то изменится, и я передумаю – мой ребенок не будет расти в России. ОПК моего ребенка точно не должно коснуться. И военно-патриотическое воспитание во славу Путина тоже.

Если человек верит в Бога — пусть верит, это его право, но устраивать массовое беснование вокруг организации, юридического лица — мне это непонятно.

Ксения Волянская

МОЖНО ОБЩАТЬСЯ С БОГОМ, НЕ ВСТУПАЯ В «КОЛХОЗ»

Когда я была затюканной церковной девушкой в длинной юбке и с куксиком, мне труднее всего было понять не атеистов, нет, а тех людей, которые вроде бы Бога не отрицают, а некоторые так даже себя называют православными, но в церкви появляются эпизодически, пару раз в год, а то и реже. А как же исповедь, причастие, как же литургия, без которой совсем не жизнь? Ведь если вы верите в Христа, то почему не верите Его служителям, которые твердо говорят: без церковной жизни — не спастись?

Недавно (материал опубликован в мае 2018 г.) в фейсбуке разразился холивар на тему: допустимо ли верующим прикалываться над людьми, не дотягивающими, по их компетентному мнению, до стандарта настоящих православных, придумывая им всякие саркастические прозвища типа «развгодушники» или «свечкодержатели»? Я провела опрос у себя на странице: оказалось, что подавляющему большинству самих «захожан» слышать о себе такое неприятно. Одна читательница написала: «Эта развернувшаяся не на шутку дискуссия вызывает смех, скорее всего, и хочется спросить обзывателей: а чего бы вы хотели? Чтобы они вообще не приходили? Так и будет при таком отношении».

Мне подумалось: а почему бы не расспросить тех, о ком, собственно, речь, что́ они-то думают, почему не могут стать образцовыми, правильными верующими. Или не хотят? Принципиально не желают изучать христианскую веру, ленивы, не любопытны, потребительски относятся к Церкви? А может, что-то другое? На мое предложение «поговорить об этом» откликнулась журналист Алина Б. С ее рассказа мы и начнем наш цикл «Исповедь захожанина».

Редкие встречи с православием

Конечно, мысленно я обращаюсь к Богу, чаще всего с благодарностью, чем с просьбами. Иногда и за какую-то мелочь. Наверно, это мимоходом, всуе... Если прошу — то это чаще касается близких, когда какие-то острые ситуации со здоровьем или душевным состоянием.

Не помню, чтобы в детстве и школьной юности я задавалась религиозными вопросами. Когда в школе бегали в храм на Пасху, это был некий драйв. Крестилась я в университете или в старших классах школы, в середине 80-х, вместе с сестрой. Она инвалид детства, у нее тяжелая форма ДЦП. Мамина

подруга, наша крестная, по тем временам была воцерковленной, видимо, она убедила маму крестить Алису, а я подумала: «почему бы и нет». Я об этом практически ничего не знала, было интересно — а как же это происходит. Прицепом мы взяли с собой и мою школьную подругу. Единственное чувство, которое осталось — это глубокая обида, что мне при крещении дали какое-то странное имя Акилина, а Алиске повезло больше — ее назвали Анной, и я ей очень завидовала.

Дома религиозной темы просто не было, советская семья, дедушка работал в райкоме партии. Но с подросткового возраста на генетическом уровне у меня было ощущение: что-то есть и что-то нами управляет, что все не просто так в этом мире. Почему на генетическом? У меня прабабушка была верующей, она ушла из жизни, когда мне было 17 лет. Никогда она ничего не насаждала, тихонечко молилась, всегда у нее стояли иконки, свечечка, лучшие салфеточки, все накрахмалено. Может быть, это просто восприятие детства.

В советское время столкновения с церковью были эпизодические. Алиску я периодически водила в храм — ради развлечения, скажем так, а может, что-то мной руководило, не знаю. Были и неприятные моменты, например, в нашей Ивановской церкви в Свердловске, когда Алиса протягивала руку батюшке, а он ее отталкивал. В деревенских храмах было иначе. В Сухом Логу, где у нас дом, мне очень нравился храм, он был устлан половичками, уютно там было. Там нас встречали как дорогих гостей, угощали, какие-то добрые слова говорили.

Приходилось несколько раз бывать на отпевании. Первый раз — когда умер ребенок, младенец, у моей подруги. На меня это произвело впечатление. Это было честное отпевание, не как сейчас иногда. Честное — это когда священник разделяет скорбь присутствующих, во всяком случае так кажется.

Потом было крещение сына университетской подруги. Плохо помню храм и священника, по-моему, он был несколько раздражен, впрочем, как и папа ребенка. Младенец, по понятным причинам, верещал, и ничего, кроме усталости — я тогда была на 4-м месяце беременности к тому же — и тоже раздражения, что я не могу его успокоить, я не испытала. Маму близко не подпустили, и она маячила в отдалении, малыш к ней рвался, я с трудом его удерживала. Мне было ужасно его жалко, хотелось, чтобы это все быстрее

закончилось и ребенка оставили в покое. Сегодня я бы не согласилась быть крестной, я уже понимаю, что это некая ответственность.

У моей подруги, той, у которой я крестила ребенка, был период неопитства, и меня это отпугивало. С ней очень трудно стало говорить. Было странно, тревожно и неуютно. С неопитами я и сегодня сталкиваюсь. Глубоко верующего человека вижу так — он живет своей жизнью, ничего не насаждает и нормально ассимилируется в обществе. А у неопитов даже взгляд другой, ощущение душевного нездоровья. Глубоко верующим людям, как мне кажется, это не свойственно — они не навязывают свое мировоззрение, несут добро, сеют вечное, как ни пафосно это звучит.

Крещение детей

Старшую дочь, потом уже, когда она была девушкой, спросила, не хочет ли она креститься. Она ответила, что нет, я приставать не стала. Когда родилась внучка, я осторожно поинтересовалась, не собираются ли ее крестить, дочка и зять хором сказали: нет, вырастет — определится. Что касается младшей дочери, то желание креститься у нее было, когда ей было 9–10 лет. Я думаю, что это было любопытство, как у меня в свое время. Ее отец, с которым мы были уже тогда в разводе, на этом настаивал. У него было отношение к крещению, как к некоему амулету. Главный его мотив был — ребенок должен быть защищен.

Я ему пыталась сказать, что, может быть, мы в первую очередь над собой поработаем, может, попытаемся жить по заповедям или близко к ним, прежде чем ребенка на этот путь направлять... Я убеждена, что вера — это труд. Над собой в первую очередь. Но период прошел, у ребенка интерес пропал, папа тоже успокоился, хотя периодически ворчит по этому поводу. Интересно, что сам он никогда в жизни в храм не ходил, его даже захожанином, в отличие от меня, назвать нельзя. И таинств никогда не принимал.

Исповедь и причастие

Я причащалась и исповедовалась раза два-три, недавно, в период, когда мама лежала в больнице. У меня осталось — наверно, цинично так говорить, — какое-то приятное ощущение. Я потом размышляла, почему было ощущение легкости после исповеди и причастия, и подумала, что, наверно,

всем нам надо выговориться о чем-то сокровенном. Еще священник попался замечательный.

А потом, когда маме стало лучше, и я стала заниматься огородом, что-то меня потянуло в храм, я пошла в субботу на вечернюю службу в наш храм в Сухом Логу с желанием, что утром я приду на причастие. Мне один священник как-то подарил книгу о. Иоанна (Крестьянкина) «Опыт построения исповеди». Я ее честно изучила от корки до корки и пришла в ужас, потому что нашла у себя практически все грехи. Я прочитала массу советов, как исповедоваться, вплоть до того, что пишете на бумажке — мне это вообще показалось очень смешным и нелепым, какая тут может быть искренность и душевный порыв. Я отстояла службу, началась исповедь. И вот там я получила культурный шок. Когда я начала, глядя в глаза незнакомого батюшки, робко говорить о своих грехах, он вдруг буквально рыкнул на меня: «Не на меня смотри, на Бога смотри!» Я все скомкала, сказала спасибо и ушла — поняла, что не хочу утром идти на причастие. Я понимаю, что есть храмы, в которых такого быть не может, но осадок остался.

По большому счету, тот суровый (или хамовитый?) священник был прав. Я же не ему исповедовалась. И тогда возникает логичный вопрос: он кто? Проводник раскаяния от меня к Господу? Посредник? Или лишнее звено? Ведь Бог нас видит, слышит, чувствует, направляет тет-а-тет. И если любой, даже самый проникательный священнослужитель, не способен объективно оценить степень искренности нашего раскаяния, то Он это делает на раз-два-три. Вот я и пришла к выводу, что исповедь «лицом к лицу» с Ним много душеспасительней.

Инфографика в круглосуточном храме

От чего я испытываю дискомфорт? От того, что я не знаю, что происходит. Я не знаю, в какой момент богослужения можно сесть, не знаю элементарных правил поведения. На мой взгляд, если бы церковь хотела привлечь людей, — это я как журналист говорю, — делали бы элементарный ликбез в инфографике. Мы как-то в командировке зашли с коллегой в сельский храм, я была приятно удивлена — там от руки на листе ватмана была инфографика — внутренность храма, где можно стоять, как и проч. Я понимаю, что Богу все равно, где ты стоишь и как, это важно мне — не оскорбить и не обидеть прихожан.

Приходить в храм часто — а у меня возникает такое желание — мне не позволяет время. Мне порой хочется зайти после работы, но храм открыт до 20.00. Кстати, я бы сделала храмы круглосуточными. У людей могут быть разные ситуации, с которыми они могут прийти туда — просто порыдаться.

Приход или колхоз?

Быть членом общности — принимать участие в жизни прихода — я не готова. Мне не хочется быть членом коллектива, следующего определенным правилам. Даже если я когда-нибудь стану глубоко верующим человеком, прихожанином в полном смысле слова я не стану.

Разве Бог «мониторит» не наши благие дела, намерения, наше милосердие, честность, самоотверженность, равно как и «грязь в душе»? Разве Он наградит нас благодатью своей (или испытаниями — все зависит от Его настроения) не за это, а за труд во имя процветания прихода и его главы? Думаю, вполне можно общаться с Ним, не вступая в «колхоз». Частные собственники (они же кулаки) были, на самом деле, трудяги.

К тому же у меня тупо нет времени. Кроме работы, у меня сестра-инвалид, пожилые и очень не здоровые родители, и недавно родилась внучка. Иногда, когда я читаю, как должна выглядеть жизнь идеального православного, я не понимаю — как люди находят на это время. Если это не пенсионер, который уже вырастил детей, внуков и правнуков.

Рай и ад

Ад — это невозможность видеть своих близких, оставшихся еще на земле, и невозможность воссоединиться с теми, кто уже ушел. И рай — возможность быть с теми, кто раньше тебя ушел из этой жизни.

Мне кажется, что ушедшие могут влиять на нашу жизнь, и я даже подсознательно, наверно, ищу какие-то знаки этого влияния. Поскольку бабушка была мне очень близким человеком, иногда я думаю, сделав что-то, как бы бабушка на это посмотрела. Я все детство жила у бабушки, до школы и потом все каникулы. У нее был цветок — декабрист. Среди моря других цветов почему-то я именно его очень любила. Хотя он не цвел никогда, хотя у бабушки цвело, благоухало и плодоносило все, и само закатывалось в банки. Когда она умерла, и дядя с мамой приняли решение продать дом, все цветы раздали, а этот я попросила оставить мне. Бабушка умерла в марте. Через год я была на последнем месяце беременности, не осенью, не зимой,

а накануне моих родов — он зацвел пышным цветом. И с тех пор каждый год он цветет не осенью или зимой, как положено — а весной. У нас вообще так получилось в семье, что каждая новая жизнь замещала ушедшую.

Ксения Волянская

[СПАСИБО АМЕРИКАНСКИМ МИССИОНЕРАМ](#)

Продолжение цикла интервью из рубрики «Исповедь захожанина». Наш собеседник — Наталья Г., преподаватель вуза.

Крещение

Не помню точно, когда я крестилась, может быть, курсе на втором, на третьем, в 90–91 году. По душевности это было примерно как прием в пионеры. Крестной у меня была подружка, она ни тогда не была православной, ни сейчас. Помню, что во время крещения у женщины, которая шла впереди, загорелись волосы, наверно, кто-то свечку держал неаккуратно. Крещение я воспринимала как собственную декларацию, что Бог есть, а то, что я при этом крестилась в православном храме — скорее случайность.

Первый мой муж был неверующий, и в числе его страхов был страх, что я уйду в монастырь, хотя никаких оснований для таких фобий не было.

Со старшим сыном я придерживалась теории: вырастет — сам разберется, но потом я ее отвергла, и решила его крестить. Когда его обследовали врачи перед школой, ему такой букет всего написали, что это меня просто вышибло из колеи. В одну из ночей перед тем, как его должны были госпитализировать, несмотря на то, что ничего угрожающего жизни там не было, какие-то вялотекущие хронические процессы, я пережила состояние панического ужаса, и тогда я поняла, что не буду больше откладывать его крещение. Ему было около семи тогда, младшему было два года. И у нас одновременно крестились старший, младший и бабушка, моя свекровь. Сейчас старший, ему 23, очень скептически относится к православию, крестик не носит.

Американцы-миссионеры и Библия

Лет через десять-двенадцать после крещения я стала вести русский язык как иностранный, в основном преподавала американцам-миссионерам —

баптистам и пятидесятникам, мы с ними постоянно переводили фрагменты Евангелия. Занимались каждый день в течение года. Соответственно, я тоже стала как-то образовываться, регулярно читать комментарии и сами библейские тексты. Они, конечно, меня что-то спрашивали о православии, я искала, смотрела, и все больше убеждалась, что в протестантизм я не хочу. Но для меня это был реальный пример, когда люди могут жить, руководствуясь заповедями. Например, была у них машина, которую они называли «злой». Что-то у нее было с тормозами, они периодически отказывали, и как-то раз машина эта сама покатила и стукнула джип на заправке. Владелец этого джипа, конечно, негодовал и кипятился, а женщина-миссионер (теперь она моя подруга, я считаю, что она практически святая) пригласила его к себе на обед вместе с супругой, пообщалась с ними, и в итоге он попросил у нее Библию, отнес ее на работу.

Общение с американскими миссионерами оставило в моей жизни глубокий след. наших всех священников я все равно боюсь. Боюсь к ним подойти, спросить что-то.

Православие и дети

И лет через 5–6 после этого что-то подвинулось у мужа — уже у второго, нынешнего. Он крестился, и потом у нас начался сложный период. Но крещение сыграло роль маяка, когда все было очень плохо. Мы просто оба шли в одну сторону, и поэтому там получилось снова встретиться. После того как муж крестился, он все перевернул в семье, у нас начались посты — он начал сам, а я присоединилась. Много читали и слушали: митрополита Антония Сурожского, Кураева.

Посещали службы, хотя не могу сказать, что каждое воскресенье. Но потом нас стало больше. Когда у нас родились дети — погодки, а еще и старшие были, то есть их стало четверо, все стало труднее — у меня не было «программы многодетной матери», когда «сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди», а кругом по церкви бегают другие. И потом (говорила я себе), сказано же, что «где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них». Теперь мне кажется, что пойти утром в воскресенье в церковь — это вообще подвиг, воскресенье — единственный день, когда можно с утра не вскакивать и не бежать никуда.

В 2011 году я пошла на библейские курсы в Ново-Тихвинском монастыре, и одновременно ходила с мужем в школу приемных родителей.

В 2011 году мы обвенчались и через год взяли двоих приемных детей, подавали заявление на девочку, но оказалось, что у нее есть брат. К тому моменту мы раза четыре в год ходили на исповедь или причастие в храм Рождества Христова, туда же мы привели крестить приемных детей, предварительно договорившись со знакомым священником. Но когда пришли, оказалось, что крестить будет другой батюшка, и что стоять это будет по 2,5 тысячи на ребенка. Мне показалось, что это многовато для многодетной семьи. Священник вздохнул и сказал, что сейчас строится Елизаветинская церковь на Уралмаше, поэтому «велено брать». Муж как-то легко отнесся к этому, принял как пожертвование, а я до сих пор не считаю, что это правильно. Остался неприятный осадок после этого.

Пост, причастие, богослужение

Как-то раз ездили на Рождество в Слободу, в Коуровку, там очень красиво зимой. Исповедовались мы тут, в городе, а причаститься хотели там, и нас не допустили. Вот я думаю: ну, допустим, что мы не исповедовались, обманули, но ведь это на нашей совести бы было?

Из неприятных моментов могу вспомнить только эти два. Мне никто не советовал на исповеди какую-нибудь чушь, никто мной не пытался манипулировать.

Раньше думала: ну вот еще немножко и ты поймешь, что в церкви поют и читают, но ты так ничего и не поняла, а они все бубнят себе под нос, зачем это все, для кого? Даже у чувашей — часть службы идет на чувашском, часть на русском.

Пост мы с мужем соблюдаем, втянулись. Летние посты плохо получается, особенно когда едем куда-то. Если в сторону Казахстана едем — там вообще все с мясом. Завтракаю в посты сейчас я все равно с молочным, думаю, что лучше йогурт съесть, чем на людей кидаться, потому что от каши и тостов в пост я быстро устаю.

У моего второго сына девушка верующая и воцерковленная, и в этом году он немного попостился. А другие наши дети едят все, не постятся. Но интересуются, что такое пост и периодически пробуют. В этот период готовить никому не хочется, поэтому они на сосисках и колбасе в основном.

В Новый год у нас пост, мы едим рыбу, а в Рождество делаем печеньки. И тут мы взяли кое-что от протестантов. Для них наши многоквартирные дома — это был отдельный ужас, они же все из коттеджей, и они здесь, чтобы обжиться и познакомиться, ходили к соседям, угощали чем-нибудь. Когда мы переехали с детьми в другой дом, я подумала, что надо тоже как-то познакомиться, это было перед Рождеством, мы напекли имбирное печенье и пошли. Детям это нравится. Каждый год собираемся выучить колядки, но так и не собрались. Некоторые соседи уже ждут нашего прихода. Такая у нас традиция. Это единственная форма миссионерства у нас в семье.

Второй сын, 17-летний, со своей девушкой ходит в церковь. А мы сейчас ходим раза два в год — на Пасху и на Рождество.

Слом надежд

И я, и муж — у нас все синхронно. Я себя ощущаю, как человек, который пережил какой-то слом надежд... Несколько лет назад в церкви началось такое, от чего хочется в сторонке постоять. Ясно, что в церкви примерно то же самое, что в стране. Все диски с беседами патриарха Кирилла, которого мы когда-то слушали, я ликвидировала и решила, что он для меня точно не авторитет.

Не могу сказать, что я стала менее верующей. Наконец-то я целиком прочитала Библию, стараюсь ее в пост читать. А муж у меня вообще — второй Андрей Десницкий. Читает Библию на всех языках, и по-английски, и по-церковнославянски, и на французском у него есть, сравнивает с Кораном, который читает по-арабски. Каждый вечер читает, он, можно сказать, там живет. Бывает, что молимся вместе — о ком-то или о чем-то. Я наизусть знаю только Отче наш, молитвы Святому Духу и Богородице, а процедуру утренних и вечерних правил так и не освоила.

Не могу сказать, что я хотела бы жить в общине. Единственное, чего мне жаль — это исповеди и причастия. Но что на исповеди рассказать, я не знаю. Когда я регулярно исповедовалась, то пришла к тому, что грехи у меня все одни и те же. Ходишь как попугай: раздражаюсь на детей, раздражаюсь на детей. Сейчас я уже год, наверно, не была на исповеди.

Ксения Волянская

Философия и молитва

Долгое время моя позиция заключалась в утверждении, что нет аргументов ни за существование Бога, ни за Его отсутствие, это давало возможность уйти от решения. Наверно, этому способствовало образование — после философского факультета ты способен логически и экзистенциально понять и принять огромное количество всевозможных концепций, и тебе легко вопрос о Боге поместить куда-то в это же пространство — как одну из концепций, в которой кто-то нуждался, как Гегель или Кант, а кто-то — как Лаплас — нет. В какой-то момент я понял, что интеллектуально скорее склоняюсь к версии существования Бога.

Мне было 25 или 26 лет, когда у меня тяжело заболела первая жена. Врачи, когда мы до них, наконец, дошли, сказали: ей осталась неделя, забирай ее домой и не мучай. У меня были сложные отношения с моей тогдашней тещей, но в этом вопросе мы совпали — решили, что не отступим. У меня не было ни столько денег, ни ресурсов, сколько было необходимо, приходилось искать какие-то возможности. И среди прочего я в тот момент обратился к Богу — просто с молитвой, по принципу «почему бы и нет».

Мобильных тогда не было, и никакого телефона не было, и я каждый день приходил от жены вечером, а наутро шел в больницу, не зная, жива она или нет. Я даже помню место, с которого я начинал молиться: «Господи, пусть она выживет». И однажды начав, ты не можешь этого прекратить, это будет нечестно. Был день, когда все в отделении были уверены, что жена не доживет до утра. Я ушел от нее с какими-то ободряющими словами и пошел в церковь. Но было уже позже восьми вечера, и церковь была закрыта. А потом на моих глазах произошло чудо. Я не могу поручиться, конечно, что дело было в моей молитве, но чудо произошло, и эта женщина до сих пор жива. Через год она попросила меня уйти, и я ушел. Но для меня это был случай, когда я понимал — случилось что-то, чего не должно было случиться, это был интересный и очень сильный опыт.

Та история меня обогатила опытом личного обращения и пониманием, что этот мир как-то отвечает, ты можешь получить то, что никак не заслужил.

Крещение и кот

Прошло лет десять. Я уже какое-то время размышлял о крещении, но у меня то не получалось, то было некогда, но как-то осенью появилось ощущение, будто меня кто-то уверенно толкает между лопаток: «Иди». Мне повезло, с третьего раза я попал к священнику, который не отмахнулся, сказал мне, что я должен прочитать, сказал, что надо готовиться к исповеди, а потом будем решать вопрос о крещении. Готовился я по книге о. Иоанна (Крестьянкина). До сих пор у нас дома такой анекдот вспоминают. Я собрал все грехи, а когда пришел с исповеди, увидел кота и говорю: «А про тебя-то я забыл!»

Я считаю, что крещение серьезно повлияло на мою жизнь и не считаю, что это было ошибкой.

Богослужение и правила дорожного движения

Долгое время то, что существует внутри церкви, я принимал как данность: пусть мне это в чем-то чуждо, но здесь так. Я очень старался войти внутрь. Я выучил церковнославянский — опыт самостоятельного изучения иностранных языков у меня был, и стал свободно читать и понимать. Но это не помогло на богослужениях. Сперва я думал, что проблема в том, что ты слышишь все на незнакомом языке, но вот он уже знакомый, и ты понимаешь, для чего читают быстро — чтобы успеть вот этот и этот кусок прочитать, ты понимаешь, что для исполняющих службу — это рутина, и перестаешь понимать — зачем это все. Магического, мистического смысла в этом нет. Это какое-то застревание в необходимости выполнить определенные шаги, после чего начнется самое настоящее. Ты стоишь и ждешь, когда это кончится, дожидаясь главного — литургии и причастия.

Выходит с чашей человек, и ты видишь, какой он усталый, потому что он тоже шел к этому главному, должен был сделать тысячу движений, среди которых множество тех, в которых он уже не чувствует смысла. Он так же, как я, продирался к этому главному через лес мертвых деревьев. Возможно, вчера его дрючили начальники, и он не может тебе этого сказать, ты ему что-то говоришь на исповеди, а он отделяется обычными фразами, потому что он не может сказать тебе то, что думает, а должен сказать из того, что знает, из того, что надо сказать.

Правда, со всем этим можно легко мириться, для меня это не было препятствием. Ведь так везде: будучи за рулем машины, я знаю тысячу способов, как сделать свою поездку быстрее, но есть правила дорожного

движения, и я их тупо соблюдаю, чтобы все другие чувствовали себя спокойно. И в церкви я понимаю: ну да, ребята, у вас такие правила, я их принимаю.

Причастие, священники, храмы

Посещая храм, я столкнулся с темой, которая, наверно, не одно столетие обсуждается — как часто нужно причащаться и как часто ходить в церковь. Сейчас я думаю, что если ты приходишь, не испытывая реальной нужды, то не факт, что это вино и этот хлеб станут плотью и кровью Христа. Должна быть потребность какая-то. Если тебе ничего не надо от Бога, чего ты Его грузишь?

Мне всегда внутренне претило, когда кто-то говорил, что вот к этому священнику я пойду, а к этому — нет. Все храмы одинаковы — в том смысле, что во всех храмах живет Бог. И священник не столько человек, сколько функция. И когда я увидел, что многие люди ищут, к кому бы прибиться, я понял, что в этом что-то нездоровое есть. Я исповедовался тому священнику, который был в данный момент в храме, прихожанином которого я себя считал, не искал себе духовника.

Тогда я посещал храм раз в две недели. И так было года два. Потом — на все важные праздники и тогда, когда чувствовал, что пора зайти. С семьей мы всегда, если куда-то едем, в местные храмы заходим. Несмотря на все, наши храмы — свидетельство о вере, которая когда-то существовала и существует сегодня. Не великолепие какое-то — для меня важнее бабушки, которые там моют пол, чистят подсвечники или устилают пол половичками.

Община и корпорация

Сейчас я не прихожанин, но и не ухажанин: я встал на паузу. Это выражение, пожалуй, точно выражает мое положение, хотя я сознаю и его лукавство — на самом деле ничто нельзя поставить на паузу. Даже магнитофон. Музыка, может быть, и пойдет с того же места, но ты уже будешь другой, мир будет другой. Я по-прежнему считаю, что быть в храме, исповедоваться, причащаться, быть частью общины — это правильно. Хотя, когда ты приходишь в храм, это не значит, что твоя община — это этот приход. Твоя община может быть разлита в мире, в разных местах, городах, странах. Может, они не все православные, но они составляют с тобой эту общину.

Но с другой стороны, я понимаю, что с церковью — моей церковью — что-то происходит, что я не могу поддержать. Когда патриарх и значительное количество епископов делают то, что ты принять никак не можешь, быть в церкви — это значит подписать вотум доверия тому, что делается от твоего имени.

Я вижу, что из церкви делают корпорацию — когда говорят: вот, для защиты верующих, мы считаем, необходимо... Я не просил закон о защите чувств верующих. А когда от моего имени могут дать два года — я против. В какой-то момент я понял, что становлюсь частью корпорации — и ладно бы так смотрели на меня те, кто за забором, но на меня так смотрит то сообщество, куда я прихожу — как на человека, с опорой на кого они осуществляют свои властные полномочия. Я не готов под этим подписаться. Я чувствую недоверие.

Вертикаль власти и спикеры-провокаторы

Особенно это ощутимо стало после 2014 года, когда моя церковь не только не воспротивилась кровопролитию на востоке Украины, но и включилась в риторику его оправдания. Священники моей церкви благословляли людей, отправившихся убивать на Украину. И все это с благочестивой миной: русский мир, каноническая территория, один народ, автокефалия, предательство... Для меня все это было чудовищным.

Постоянная дележка канонической территории, крохоборство — какая у тебя может быть каноническая территория? У тебя ничего нет, кроме Бога, что ты делишь, какие границы чертишь? То есть я понимаю для себя необходимость церкви, причастия, но не могу победить это недоверие. У меня есть вера, но нет доверия Церкви, к которой я принадлежу.

Я, как профессиональный пиарщик, не мог не видеть, что не случайно рупором церкви стали провокаторы вроде Чаплина. Надо было взять курс на создание более жесткой вертикали, диктовать, что могут, а что не могут думать простые священники, но декларировать с патриаршей кафедры эти совершенно антихристианские вещи было невозможно. А такие разнонаправленные действия иногда важны — вот как бывает хороший и плохой следователь, например, или как во время избирательной кампании бывают основные кандидаты и спойлеры. Так и здесь — в центре стоит человек, который мудро и красиво что-то рассказывает, а по сторонам

чудовища, которые создают и проверяют границы. Адресатом было не только общество, адресатом было священство, а месседж я бы так определил: «мы готовы на безумие, и если вы думаете, что нас что-то может сдерживать, вы ошибаетесь». И я думаю, что многие это услышали. Это был удар по отношениям священника и прихожан. Потому что по-хорошему ты должен выйти и сказать: там было вот это сказано — и это неправильно, потому что Господь сказал «не убий», и там нет примечаний, что можно, если... Но никто не выйдет и не скажет. И когда я вижу, что и здесь из меня делают сообщника...

Потускневшие священники

Близко я ни с кем из священников не общаюсь, но в моей ленте в ФБ священники есть, и я видел нарастание отчаяния и беспомощности, зачастую агрессии. И я видел, как они «слетали». Помню случай с отцом Дмитрием Свердловым, когда на моих глазах человек, к которому я относился с уважением, пришел в мою сферу, стал наблюдателем на участке. Я видел его реакцию, и она мне была близка. И потом он ушел. Видел, как сложилась ситуация вокруг Кураева. Я понимаю, что Кураев — человек постмодернистский, человек с невероятной интеллектуальной гибкостью, и, чтобы встать в прямой конфликт с церковной властью, он должен был почувствовать, что дальше просто невозможно.

Даже за те годы, что я ходил в церковь регулярно, я видел, как бледнеют, тускнеют, выцветают священники, у которых я исповедовался, крестил своих детей. Как будто им становится все менее и менее интересно... Вот недавно ты видел человека, который осознает, что приобщает тебя к чему-то важному, а проходит время — и ты видишь лицо... церковного планктона.

Я не сторонник того, чтобы священник всю жизнь был священником.

В книге бесед с Альфредом Шнитке автор, Александр Ивашкин задает такой вопрос Шнитке: как ты относишься к тому, что Сильвестров начинал с додекафонии, у него были прекрасные серийные произведения. А потом он все это бросает и начинает заниматься классической, по сути, гармонией. И Шнитке отвечает, что сам Сильвестров на подобный вопрос процитировал Библию: «Дух живет, где хочет». Он жил в этой музыке, а больше не живет, поэтому я должен стать другим. И со священником также — если он не может делать то, что от него ждет Бог, ждут люди, если он понимает, что в

том деле, которое он делает — Бог больше не живет, правильно ли оставаться?

Миссия и претензия на единственность

Я не готов принять, что мы единственно правильная церковь, мне тесновата эта претензия на единственность. Бог не только в моей церкви живет. Я видел немало людей — епископальных христиан, баптистов, которые ежедневно — иногда смешно, по линейке, — меряют себя заповедями. Я не встречал среди наших людей настолько одухотворенных верой, как некоторые из них. Совершенно внешне забавное существо — очень полная, болезненная, с чудовищным детством тетенька приехала в Россию работать миссионером, и на нее в трамвае наблевал алкоголик, а потом еще оскорбил, а через несколько недель он становится прихожанином ее общины... Кто может таким похвастаться? Я не могу. Им потом пришлось в большинстве своем уехать — миссионерская деятельность встречала все больше препон, и это тоже произошло при участии церкви — я опять стал парнем, на которого опираются и говорят: я же защищаю его интересы. Не надо! Я хочу иметь право зайти в армянскую, католическую церковь, я не верю, что Господь на меня накинется с карами за то, что я причащусь рядом с армянином, потому что церковь все равно едина. Разница между теми, кто верит в Христа, и теми, кто не верит, — она больше, чем между христианами, которые установили эти смешные границы.

Библия и путь

Пауза не может быть тишиной, я ее заполняю так, чтобы потом принять решение, что делать. Я пошел неким компенсаторным путем — засел за Библию. Мне очень интересна текстология, версии разных переводов, английских, французских, русских. Создание этой книги, ее переводы — очень важный опыт общения человека с Богом. То, как люди справлялись с этим потрясающим даром, который им достался в руки (а Библия — это потрясающий дар), для меня сейчас даже важнее, чем попытка выяснить свои отношения с православием. Мне интересно смотреть, как библейские сюжеты отражаются в Коране, поэтому сейчас я учу арабский. На выходе может оказаться и протестантизм, и возвращение в Церковь, если я смогу сам себе сказать: «это неважно, то, что там происходит».

Может, я иду не совсем правильным путем, или совсем неправильным, тогда Господь меня поправит — надеюсь, что как-нибудь не фатально. Я могу только доверять.

Ксения Волянская

[ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ СЫНА С ДИАГНОЗОМ АУТИЗМ МОЮ ВЕРУ КАК ОТРЕЗАЛО](#)

Наш собеседник — Анна Клещева (Екатеринбург).

Первые шаги в вере

Таких, как я, не верящих, наверно, большинство среди крещеных россиян — сколько там нас, 85% или больше?

Я крестилась в 1989 году, мне было 14 лет. Мы с подругами решили, пошли и окрестились. Сейчас я уже не помню нашу логику, но почему-то было понятно, что это надо. Я об этом не жалею. В подростковом возрасте важно принять какое-то самостоятельное решение, пойти наперекор родителям, хотя я им и не сказала о том, что крестилась — они у меня коммунисты были. После этого я изучала историю Церкви и историю религии, какое-то время достаточно регулярно ходила в храм — раз в месяц заходила точно, хотя мне иногда становилось плохо от запаха ладана. Духовника у меня никогда не было. Причащалась раза два всего — не здесь, а в Пушкинских горах, атмосфера там понравилась, и батюшка был симпатичный. Посты не соблюдала — понимала, что не готова к этому.

Чего мне не хватало в храме — светским языком говоря — комьюнити, общности какой-то. В случаях стресса просто ходить к батюшке исповедоваться — это не поможет, нужна какая-то групповая поддержка.

Прихожанкой я никогда не была, меня как-то отторгали. Видимо, я не производжу впечатление очень верующего человека. У нас же недружественная обстановка в храмах. И меня всячески шугали суровые тетушки — то я в брюках, то юбка не такой модели. Это напрочь отбивает желание заходить.

Семья. Неверие

А после рождения Гриши, моего третьего ребенка, все как отрезало. Хотя сначала он был как все дети, диагноз — аутизм — мы узнали не сразу. В итоге у меня старшая дочь крещеная, а остальные трое детей — нет.

У нас есть одна семейная история. Моя прабабушка, которая была женой революционера, при этом была довольно верующей. Когда дед как-то глупо погиб в гражданскую, она сгребла из красного угла все иконы и выбросила, перестала молиться, ходить в церковь, посты соблюдать, праздники отмечать — гнев такой на Бога. Может, и у меня что-то такое. Как отрезало — и не тянет, и не хочу даже заходить.

У меня нет понимания, что выше что-то есть — оно было, но пропало.

Первый брак у меня был венчанный, это было наше совместное решение. Первый муж себя позиционировал сильно верующим, но он был алкоголик, и я буквально сбежала от него.

Второй муж, Миша — чистый атеист и гностик до мозга костей. Он умеет предсказывать события. Правда, непонятно, как это можно применить. Например, он предсказал гибель полковника Каддафи — за месяц. Появление всех детей видел заранее, вплоть до дня, еще до их зачатия. Рождения Гриши очень боялся, и не зря, как оказалось. Мысли читает, причем видит, как мысль формируется у человека. В профессии дизайнера, конечно, помогает — он раньше заказчика знает, что ему понравится.

РПЦ как бизнес-структура

То, что в РПЦ происходит сейчас, — это ужасно. Начиная с навязывания храмов... *(Имеются в виду скандалы последних лет в Екатеринбурге, связанные с попыткой восстановить в городе храм святой Екатерины — то на его старом месте, где сейчас фонтан, то прямо посреди городского пруда, так называемый храм-на-воде. Эти инициативы вызвали резкое неприятие со стороны части общественности города — прим. ред.)* Я понимаю, что епархия имеет к этому опосредованное отношение — это инициатива конкретных людей. Но епархия же не сопротивляется, не говорят: давайте мы не будем в центре города строить еще один храм, а лучше построим на окраине или восстановим какой-нибудь полуразрушенный в области, или хоспис построим, или центр для особых детей. Кто будет ходить в четвертый храм в центре?

Иногда читаю новости патриархии, епархии. По ним видно, что это такая же формальная структура, как и любая бизнес-структура, только прикрывает себя крышечкой духовности. Но подозреваю, что если попасть к протестантам — там все то же самое будет. Да и в любой религии.

Другие религии и миссия

Мне пришлось расстаться с одной сотрудницей-кришнаиткой, у которой религиозная жизнь вошла в противоречие со светской. У кришнаитов сильная община, но ее община и их гуру были в Омске. И вот мы с ней работали, а потом ее гуру присылал ей какое-то проникновенное письмо, типа неплохо было бы тебе приехать и помедитировать. И она тут все бросала и на месяц уезжала в Омск.

Однако со стороны моих знакомых не православных верующих никогда не было навязывания своей веры. Вот мои друзья муниты — у них дети муниты, они уже их готовят к браку, но сыну подберут девушку здесь, а дочь совершенно точно уедет за рубеж, потому что здесь для нее нет молодых людей подходящего возраста. А православные очень любят поучать: «А в храм сходить? А помолиться? Отмолить? Съездить к какой-нибудь специальной святой бабушке? К старцу?» Я говорю: не выздоровеет у меня от этого ребенок, не верю я в это. Есть семьи с особыми детьми, которые ходят в храм, им это помогает. Я связываю это с тем, что религия сильно систематизирует жизнь.

Недавно на форуме многодетных мам (такая группа самоподдержки) с удивлением узнала, что верующие в пост должны еще и от семейной жизни воздерживаться, женщина одна верующая жаловалась, что вот приходится. Это очень православная семья, не показушные верующие, которые весь год на тусовки и в ночные клубы, а раз в год идут крестным ходом до Ганиной Ямы. Для меня это так странно: придумали ребята сами себе проблему! Почему-то я нигде этого в литературе не встречала. Ну как на это смотреть иначе, чем на чудачество? Так и смотрю. У меня тоже есть свои чудачества.

Я человек бешено толерантный. В моем круге знакомых есть представители других религий — и не только традиционных. Никаких стычек на почве религии у нас никогда не было.

Ко мне долго заходила девушка — свидетель Иеговы, я ее пускала, не выгоняла, журналы брала у нее, даже читала, кое-что любопытно.

Интересно, почему у православных такого нет? Думают, что и так самые крутые? Сейчас я ее часто встречаю, хотя она ко мне уже не заходит, мы здороваемся, очень мило беседуем.

Чудеса и молитва

По большому счету, секты ничем, кроме размера, не отличаются от большой церкви. Везде апелляция к чудесам. Мне парень пятидесятник рассказывал, как на стадионе пастор силой мысли разгонял облака. Дождь ливанул, а он руки поднял, помолился — дождь перестал.

В моей жизни чудес не было. Своего мужа я как чудо не воспринимаю, у меня просто хороший муж. А то, что можно расценить как ответ на молитву — это приходит всегда ассиметрично. У меня как-то сильно заболела старшая дочь, и я крепко молилась, в итоге она выздоровела, а я-то слегла на год. То есть за это всегда надо платить. Бог не просто дает тебе от щедрот своих, а дает и что-то забирает при этом. Это не благодать получается, а обмен. Я после этого стала осторожна в просьбах. И думаю, для кого-то и это может стать спусковым крючком для потери веры.

Ксения Волянская

[Я НЕ ПРАВОСЛАВНЫЙ — Я ХРИСТИАНИН](#)

Алексей Геннадьевич Мосин — доктор исторических наук. Основные направления его научных исследований: культура Урала, история рода Демидовых, историческая антропонимия Урала. Автор более ста научных и около двухсот популярных публикаций, нескольких книг и справочников. С 2009 г. преподавал на Миссионерских курсах при Ново-Тихвинском женском монастыре (Екатеринбург), которые в 2011 году были преобразованы в Миссионерский институт, заведовал кафедрой истории. В апреле 2017 года выступил на суде по делу Руслана Соколовского как свидетель со стороны защиты, из-за чего был вынужден подать заявление об увольнении.

Мы беседуем с Алексеем Мосиным в рамках нашего проекта «Исповедь захожанина».

Когда я впервые ощутил, что Бог есть

Я поехал на Вятку вдвоем с одной студенткой, это было в начале декабря. Свою спутницу я оставил в Вятских Полянах, а сам пошел через замерзшую Вятку на другой берег, оттуда уехал в Красную Поляну. Там у нас был знакомый старообрядец, наставник Федор Иванович, у него я набил рюкзак книгами и автобусом вернулся к берегу реки. Был уже десятый час вечера. Это был 1979 год, зима тогда была очень теплая, незадолго до этого прошли дожди. Я вышел на пустой берег, и меня охватил ужас. Дождь прошел, да еще подтаяло, в воде отражаются огоньки с другого берега и звезды. Ощущение такое, что тебе надо идти по воде — в валенках. А Вятка довольно широкая в этом месте. Дошел я примерно до середины реки и слышу: лед потрескивает. И тут я почувствовал, что ничего плохого со мной случиться не должно. Хотя в Вятке встречаются такие неприятные вещи, как промоины. Я вверил себя Господу Богу, и ничего — перешел.

Молодые историки и старообрядцы

Очень много мне дало общение со старообрядцами. Иногда в беседах с ними мы проводили 4, а то и 5–6 часов. Записывать нельзя — ни на магнитофонную пленку, ни ручкой, надо запоминать. Обычно мы работали по два человека. Задача более опытного археографа — вести разговор; тот, кто младше, старается как можно больше запомнить.

Мы попадали в совершенно другой мир. Глухое советское время, исторический факультет, промывка мозгов, конспектирование Маркса, Энгельса, Ленина, заучивание истории КПСС. А летом мы едем в экспедицию и погружаемся в XVII век. Особые отношения между людьми, особое отношение к книге, романтика поиска. Я ездил в такие экспедиции с 1976 по 1994 гг. В нашей работе нам помогало, что у старообрядцев есть представление, что книгу должны читать. Если книга у тебя лежит годами и ею не пользуются — это грех, поэтому отдай книгу тем, кому она нужна. Мы никогда не выдавали себя за верующих, у нас было железное правило — не обманывать. Мы говорили, что мы историки и нам интересно, как люди жили, все, что касается веры. Нам ведь на лекциях об этом не рассказывают. У них молодежь часто вела себя иначе, мы это наблюдали — с неуважением относились к старикам, интереса никакого не проявляли, а тут молодые люди не просто интересуются, а сами что-то знают и даже иногда могут ответить на какой-то вопрос.

Часто отдавали старые книги, там трудная печать, слова сливаются в одну строку. Стариковским глазам особенно трудно такой текст воспринимать, поэтому иногда мы совершали обмен — на более новые книги, XIX-начала XX вв., у нас их было больше и получить их было проще.

Пришли мы как-то к женщине, ей около 50-ти, она работает счетоводом, у нее много старообрядческих книг. И мы ее спрашиваем: у вас столько книг, а вы ими не пользуетесь, а она отвечает: ну вот, скоро выйду на пенсию... И действительно, выходя на пенсию, они все чаще ходят на службы, начинают много читать.

Когда мы начинали ездить, было впечатление иногда, что вот сейчас все заканчивается, что мы присутствуем при умирании старообрядчества. Ничего подобного! Воспроизводство традиции продолжается.

Крещение: когда внутренне готов

Крестился я очень поздно, в январе 2004 года. До этого у меня было несколько возможностей. В 1995 году я ездил во Владимир, работал там в архиве, а жил у художника Германа Перебатова. Герман был человек верующий и говорил мне: давай поедem в Боголюбов, ты окрестишься, это такое место! Но тогда я чувствовал, что к этому не готов. В 1999 году мы были в Чердыни, моя коллега там крестилась и говорила: «Алексей, пойдem, тоже окрестишься», и тогда я тоже чувствовал, что внутренне не готов.

В 2003 году меня избрали ректором екатеринбургского института духовной культуры им. Пушкина. Как-то я был на приеме у владыки Викентия, и я упомянул, что некрещеный. Он улыбнулся и сказал: «Так в чем дело? Надо окреститься». И в этот момент я и почувствовал, что действительно — надо, что сейчас я готов. Владыка мне сказал: приходите, я вас окрещу. Мне показалось неудобным его этим затруднять, тогда он сказал: у меня есть отец Феодосий, можете к нему.

Я сходил на огласительную беседу, а когда я пришел на крещение, там был другой священник, отец Владимир. Вместе со мной принимала крещение семья цыган. И вот о. Владимир решил всем собравшимся преподать урок. Указывая на цыган, он говорил, что вот, смотрите, они пришли сюда просто так, чтобы крестик висел, «не надо стоять как тумбочки на двух ногах», чуть ли не со свиньями проводил сравнение. И меня как-то так это поразило,

покоробило... А потом он сказал: приходите завтра на службу причаститься, упомянул о том, что надо попоститься.

Причащение

Помню, что это было после Рождества, 10 января. Я пришел рано, отстоял службу. Народу на службе было много, я стоял ближе к дверям, и до о. Владимира было очень далеко. Мне показалось неудобным расталкивать народ, и я не причастился. Подумал: ладно, после этого еще одна служба, подойду после нее на причастие. Служил отец Феодосий. Тут я уже заранее встал в очередь. Уже поднесли лжицу к моему рту, а отец Феодосий спрашивает: «Вы все молитвы прочитали?» — «Какие молитвы?» (О. Владимир о молитвах не упоминал — может быть, считал, что это само собой разумеется, и я проявил некоторую самонадеянность...) — «Ну как же, вот эти, и эти». — «Нет...» — «Нельзя», — говорит отец Феодосий.

Плохо даже помню, как я выходил из храма. Самый светлый день моей жизни превратился в самый черный день. Я не знал, что дальше делать... Кто виноват — отец Феодосий? Не знаю, наверно, я во многом виноват. После этого я не исповедовался и не причащался 12 лет, хотя ходил, когда чувствовал потребность общаться с Богом в храме. Ведь с Богом можно общаться и не в храме.

Когда я начал работать в миссионерском институте, меня никто не спрашивал, исповедуюсь я, причащаюсь ли. А я ни перед кем не считал нужным отчитываться. Причастился я в позапрошлом году в Иерусалиме. Я к этому серьезно внутренне готовился, и это были действительно счастливые дни моей жизни. Погружение в Иордан, Вифлеем, Гроб Господень... И это тоже был один из тех случаев в жизни, когда я ощутил, что Бог рядом. Исповедался я в самолете, пока летели в Израиль, перед этим все прочитал, как положено. После этого я бываю на исповеди и причащаюсь, хотя и нечасто. Постоянного духовного отца у меня нет.

РПЦ и государство

Что касается РПЦ — это не совсем та церковь, которую бы мне хотелось видеть. Но мое мнение об этом во внимание не принимается — оно никого в РПЦ не интересует, и чем выше уровень церковной иерархии, тем меньше мое мнение кого-то интересует. Этим наша церковь все больше напоминает наше государство.

Я думаю, что самая большая беда для церкви — это дальнейшее сближение с государством. Я как историк говорю — в нашей истории это уже было, когда государство полностью подмяло под себя церковь, а церковь не должна быть частью государства. Она должна быть рядом с государством и должна быть от него свободна. В 1917 году была большая надежда, что в России будет именно такая церковь. Декрет об отделении Церкви от государства — один из немногих правильных декретов советской власти. На это быстро наплевали и забыли, советская власть стала вмешиваться в дела Церкви и диктовать, свободы церкви скукоживались как шагреновая кожа. Выводы не сделали — ни государство, ни церковь. Проявляется это во всем. Включаешь телевизор, а там патриарх принимает олимпийцев в храме Христа Спасителя — зачем это? Это профанация миссии. Недавняя хвalebная речь патриарха в адрес Путина — это же был позор. Эти примеры можно приводить до бесконечности.

И та история, которая произошла со мной год назад — тоже показатель того, что происходит с церковью.

Дело Руслана Соколовского

26 марта 2017 г. был митинг против коррупции на площади Труда в Екатеринбурге, там похватали с десяток молодых людей, среди них был сын моего друга. На следующий день был суд, на котором я присутствовал — я иногда хожу на такие суды, — чтобы свидетельствовать, знать, что происходит, чтобы предавать это гласности. На суде был адвокат одного из ребят, Алексей Бушмаков. Он ко мне подошел после суда, сказал, что он адвокат Соколовского: «Я знаю, что вы человек верующий, а могли бы вы выступить на суде на стороне защиты и сказать, что вы думаете об этой ситуации?» Я согласился сразу. Конечно я думал, не отразится ли это на моей работе в миссионерском институте — меня эта работа устраивала, я считал, что занимаюсь важным делом и приношу некоторую пользу, и семью таким образом тоже могу поддерживать. Я был проректором по научной работе, заведовал кафедрой.

О Соколовском я некоторое представление имел, но его роликов не смотрел, понимал, что это совершенно не мое. Увидел их только накануне своего выступления в суде. Мне это не понравилось. Действительно, там были вещи, которые многими могли быть сочтены оскорбительными. Ну, молодой человек так понимает свободу. Тяжело все это слушать, я не стал бы, если бы

мне не нужно было выступать в суде. Дело в том, что за это ему грозила уголовная статья и реальная отсидка.

Моя задача была простой — посмотреть на это дело глазами христианина — я специально не говорил здесь о православии. Мне задавали вопросы, я отвечал. Спрашивали, когда я смотрел ролики, почему я ими не оскорблен. Я сказал: «Мне 60 лет, и за моими плечами длинная жизнь, я много повидал и передумал». Я пересказал фрагмент из Евангелия от Иоанна, где к Христу привели женщину и сказали, что по закону ее следует побить камнями, а Он говорит: «кто без греха, тот первый брось в нее камень». Что Иисус сказал женщине, когда ее обвинители разошлись? «И я тебя не осуждаю. Иди и впредь не греши». Он не сказал ей — обещаю тебе, что больше не будешь грешить. Мне что, сказал я, предлагают бросить камень? Я не могу и не хочу этого делать.

Я говорил не с позиций Церкви. Я не представлял Церковь. Мне совершенно неважно, чтобы кто-то меня на это благословил. Я сам себя благословил в данном случае. Может быть, и Господь меня благословил, не знаю, утверждать не могу.

На следующий день я пришел в институт, шел к себе на кафедру, а напротив — кабинет ректора, Натальи Александровны Дьячковой. «Алексей Геннадьевич, можно вас на минуту? Вы знаете, ко мне обратился владыка Евгений (*Кульберг, на тот момент — епископ Среднеуральский, викарий Екатеринбургской и Верхотурской епархии, ныне епископ Нижнетагильский и Невьянский — при. ред.*), он меня спрашивает, что же это ваши сотрудники защищают Соколовского? Зачем вы туда пошли, Алексей Геннадьевич?» Я ответил, что меня пригласил адвокат Соколовского и что я не жалею, что туда пошел. Я не представлял Церковь, не представлял институт. «Ну как же, вы же здесь работаете...» — «Я и раньше работал, и такие вопросы не возникали». — «Ну вы же понимаете, мы особый вуз, мы работаем при епархии... Владыка Евгений такой хороший человек... Он даже готов с вами встретиться...» — «Я вам могу сказать только то, что сказал на суде — я убеждений Руслана Соколовского не разделяю. Многие мне в том, что и как он делал — глубоко противно. Но ему грозит реальный срок. А я с этим не согласен. И меня удивляет позиция Церкви. Удивляет, что отец Виктор Явич показывал ролики своим прихожанам, и они по его наущению шли и писали заявления».

Некоторые коллеги за меня искренне переживали, считали, что меня подставили, охмурили, что меня, как искреннего человека, кто-то в это дело втянул. Нет, никто меня не охмурил и не втягивал. Более того — я адвокату Соколовского глубоко признателен за возможность исповедовать Христа. Но после этого камни полетели уже в меня. Ну, что делать, значит судьба такая, и пострашнее вещи с людьми случаются.

Наталью Александровну я спросил: и что теперь — я должен по каждому поводу, когда меня просят что-то прокомментировать или где-то выступить, брать благословение у владыки Евгения или у декана, отца Игоря? «Да!» — сказала она. Я видел, что она была напугана. Господин Кульберг может сделать все что угодно — прикрыть институт, например. «Мы работали восемь лет, — сказал я, — и вопрос так не ставился, вы знаете мои убеждения, они не сегодня у меня появились. Раньше ко мне претензий не возникало. Я понимаю, что институт не должен пострадать, что вы в сложной ситуации, я не хочу вас подводить. Давайте я сейчас подпишу заявление об увольнении по собственному желанию — с открытой датой».

И потом два месяца мы к этому вопросу не возвращались. Все шло своим чередом — ученые, научно-методические советы, заседания кафедры, защита курсовых и дипломных работ. И вот 7 июня в Горном университете проходит защита наших студентов (у нас они не могут защищаться — нет аккредитации). Все прошло благополучно, а потом Наталья Александровна мне говорит: «Алексей Геннадьевич, можно вас на минуту?» Мы зашли в соседнюю комнату. Ректор мне говорит: «Хочу поблагодарить вас. Столько лет мы с вами работали... Вы же написали заявление по собственному желанию, ведь это же был ваш выбор? Так вот, я ваше заявление подписала, сегодня последний день вашей работы в институте». Ну что ж, я принял к сведению: «И вам спасибо».

Я искренне за многое институту благодарен, кстати, за поездку в Иерусалим. Продолжаю общаться со многими выпускниками, студентами, некоторыми бывшими коллегами. Что меня покорило — это то, что был нарушен закон, я мог бы это обжаловать. Заявление должно быть подписано за две недели до увольнения, и в этот день сотруднику это должны объявить. Я же этого ничего не знал. Это было некрасиво. Других претензий у меня к институту нет — ему надо развиваться, получать аккредитацию, общаться с церковным

начальством. Каждый сделал свой выбор — я на таких условиях работать не могу.

Я редко когда в жизни чувствовал себя так свободно, как в тот день, когда выступал на суде в защиту Соколовского. И мне казалось, что Господь где-то рядом.

Как-то раз я разговаривал с одной верующей женщиной и сказал: ну мы же с вами христиане, а она — нет-нет, мы православные! То есть человек это как оскорбление воспринимает — христиане где-то там на западе, а мы православные! Когда меня спрашивают: а вы православный человек? — я не знаю, что на это отвечать. Православные люди все очень разные, и каждый православность понимает по-разному. Мне хотелось бы думать, что я христианин.

Ксения Волянская

[БОГ МЕНЯ НИ РАЗУ НЕ ПОДВОДИЛ. А ВОТ ЦЕРКОВЬ ПОДВОДИЛА](#)

Сегодня наш собеседник — Василий К., финансист.

Баптисты вместо пива

Я родом из маленького городка. В 16 лет попал в протестантскую церковь, в группу, отделившуюся от Союза евангельских христиан-баптистов. Члены этой группы подчеркивали, что в организации, из которой они вышли — одни «нечистые», «отступники», «спевшиеся с безбожной властью», но называли себя так же — евангельские христиане-баптисты. Это были классические баптисты, без всяких пятидесятнических перегибов. Я попал на какое-то массовое мероприятие, их тогда по городу проводилось очень много. Их ответы на вопросы, которые у меня зрели, показались мне правильными и подходящими, и я там остался. Так я переключился с дворовой компании, пива и девчонок на регулярные собрания, богослужения, совместные молитвы, изучение Библии, чувство принадлежности к группе... В школе учился плохо, а благодаря обретенной вере техникум неожиданно кончил с красным дипломом.

На том этапе это был хороший опыт — ты ограждаешься от многого, чего не нужно — алкоголя, наркотиков. Из моих приятелей наверно половина куда-

то в этой жизни съехала. Не могу сказать, что я очень правильный человек, но я воплотил определенные желания, не спился, не скололся — и это, наверно, плюс. А с другой стороны, то же самое может дать какая-нибудь спортивная секция. Спортом я тоже занялся у них — с подачи пастора, который сам был спортсменом, и спорт был одним из его методов вовлечения молодежи.

Пастор-мошенник и мамона

Почему я оттуда ушел и оказался в РПЦ: в какой-то момент внутри нашего церковного сообщества произошел конфуз. Нехорошая особенность протестантизма, как я понимаю теперь, — часто существующая заикленность на личности лидера. И вот в какой-то момент мы узнаем, что наш пастор — мошенник. Не берусь судить об искренности его веры — теперь-то я понимаю, что в людях любовь к Богу и мамоне удивительно сочетаются. Финансовая помощь от общин Запада инвестировалась в его личных интересах, создавались какие-то предприятия, все это в обход налогов...

Нас объединилось несколько человек, и мы, движимые юношеским максимализмом, провели целое расследование, встречались с теми баптистами, с которыми он изначально поругался и предал их анафеме, узнали от них удивительные подробности, почему он от них когда-то отделился, там был некрасивый раздел имущества. Сейчас я понимаю, что мы могли узнать преувеличенные сведения, но тогда это было полное крушение мировоззрения. И нас отделилось человек 15. Мои друзья пошли к обычным нашим местным баптистам, и те их приняли «с любовью и милосердием», «как заблудших сынов» и т. п., а я сказал: ребята, извините, но я не хочу из одного места идти в другое, точно такое же.

Дети и не-дети Божьи

На тот момент уже некоторые вопросы веры мы понимали по-разному. Я никогда не понимал анафематствование других верующих, никогда не мог понять, почему, если один человек крестится справа налево, другой — слева направо, а третий не крестится вообще, то почему первые два плохие и заблудшие, а последний правильный. Причину раскола, в виде спора от кого исходит Святой Дух, от Отца или от Отца и Сына, считаю вообще полным

бредом, высосанным из пальца и противоречащим здравому смыслу. Ну если Бог един, если Отец и Сын и Дух — это одно, то какая разница?

И почему тот, кто ходит в храм или костел, а не в молитвенный дом — плохой и заблудший христианин, если он живет чище и лучше, чем я, якобы хороший? Кстати, на этот вопрос наш пастор когда-то ответил мне: «Ты, брат, не понимаешь, мы здесь все не совершенные, но мы дети Божьи, а они хоть и хорошие, но не дети Божии». Меня этот ответ категорически не устраивал. Как-то не сочетался у меня в голове этот подход с притчей о дереве, которое познается по плодам.

О тех, кто остался, я ничего больше не знаю. Наверное, они считают нас всех отступниками, предателями и т. п. Но я благодарен этим людям, это были хорошие годы и хорошее время. А с теми, с кем мы вместе ушли, мы до сих пор периодически перезваниваемся, на праздники, на дни рождения и т. п.

Православие — отсидеться в уголке

В сторону Православной Церкви я смотрел давно. То, за что ругали баптисты православных, — иконы и прочее, — для меня было совершеннейшей ерундой. Спор о том, молиться ли перед иконой или глядя в небо, воздевая руки, — для меня этот спор равносителен спору остроконечников и тупоконечников. То есть не имеет смысла. Ну, и конечно, книги Кураева мне в тот момент во многом импонировали, многое было созвучно моему пониманию.

В РПЦ у меня первоначально была идея тихо «отсидеться в уголке». Я думал, что буду заниматься собой и больше никуда не лезть. Кстати, я до сих пор считаю, что это идеальный вариант взаимодействия с религией для любого человека, который хочет сохранить душевное здоровье. Приходил раз в неделю, обычно в субботу, ходил в несколько разных мест.

Но отсидеться не получилось.

Супруга захотела повенчаться, я пошел к священнику, а он сказал: нет, брат, так не пойдет, давай мы с тобой сперва поговорим. Священник оказался тоже из бывших протестантов. И нашел во мне «родственную душу». Супруга моя не была, в отличие от меня, крещена в детстве, она приняла крещение в православном храме. Я стал ходить в его храм, пытаться разбираться в православии, изучать, даже участвовал в каких-то дискуссиях в местном духовном училище. В какой-то момент даже прозвучало: «а не чувствуешь ли

ты, в себе призвания послужить матери-церкви?» Но я сказал, что пока не готов.

Жулики или ктиторы?

По специальности я финансист. Ну, а так как город наш небольшой, то я волей-неволей оказался свидетелем отношений между РПЦ, местной администрацией, бизнесменами, «новыми русскими» и т. п. И не все там было «белым и пушистым» и даже в принципе приемлемым.

В какой-то момент основного ктитора, а говоря по-русски, «спонсора» нашего прихода посадили. И вот этот священник, который так внимательно ко мне отнесся, устроил целую бучу, защищая «невинно осужденного раба Божия», с шествиями толпы прихожан по городу, с молитвенными стояниями на городской площади, подписями архиерея и т. п.

Я далеко не ханжа. Я считаю, вполне можно было сказать: «я не знал источник происхождения этих денег», ну, или если не хочется лгать, то сказать: «да, я беру деньги у жуликов, но использую их на благое дело». Но зачем же нагло пытаться представить черное белым?

У меня нет никаких претензий ни к кому лично. Тем более к Богу и его Церкви, но в тот момент я понял, что вот с этими конкретными людьми мне не хочется идти по одному пути. И с точки зрения морали, и с точки зрения личной безопасности. Я перестал ходить в храм, потом уехал в Москву.

Бог на небе, а бизнес — в РПЦ

В столице я опять столкнулся с некоторыми товарищами, но уже из руководства РПЦ. После этого я понял, что в православную церковь меня совсем не тянет. Не хочу рассказывать много. Скажем так, у одного моего работодателя 90% веселых застольных историй начинается с фразы: «бухали мы раз с попами»... а потом про то, как они там девушек вызывали и делили, или наркотики употребляли, или пьяные на машинах по городу гоняли...

Увы! Но нужно признать, что русская православная церковь — не про Христа, не про Бога. Мне один гражданин Израиля рассказал такой анекдот: «Папа с сыном идут мимо ХХС, и сын спрашивает: «Папа, а что это за дом?» — «Это, сынок, православная церковь, православные говорят, что там Бог пребывает». — «Папа, — удивляется сын, — а разве Бог не на небе?» — «Ну,

ты понимай разницу, сынок, — на небе Он живет, а тут у Него таки неплохой бизнес!»

На самом деле, это правда — на 99%, 1% оставим на каких-нибудь подвижников.

Я верующий, но не религиозный

Не хочу сейчас называть себя атеистом, потому что атеист в моем словаре расшифровывается как богоборец. А с Богом я не хочу бороться.

Я бы сформулировал так — я верующий человек, но абсолютно не религиозный. Я считаю, что Бог есть, есть некая высшая сила, и я вижу упорядоченность этого мира и то, что весь хаос, какой есть в мире, вносится в него исключительно человеком, а весь мир, вся природа настолько взвешены и упорядочены, что этому можно только удивиться, и волей-неволей подумать о каком-то Архитекторе. Но при этом я в равной степени не признаю все религиозные организации, я думаю, что во всех них обязательно есть хорошие люди, но большая масса плохих превращает эти организации в нечто непотребное.

Дочку я все-таки покрестил — хочу, чтобы Всевышний о ней заботился в те моменты, когда по немощи или глупости о ней не могу заботиться я. Ему я абсолютно доверяю. Бог меня ни разу в этой жизни не подводил. А вот церковь подводила.

Если говорить не о ритуалах, то да, я обращаюсь к Богу, почему нет. Благодарю его за то, что в моей жизни все хорошо. Как перед смертью сказал Ландау: «я прожил счастливую жизнь, мне всегда все удавалось». Вот и мне в жизни удавалось если не все, то очень многое, и мне есть за что Бога благодарить, я от Него видел только добро и его было очень много. Ну и прошу, конечно, не без этого. Чаще всего прошу о здоровье себе, своим близким, чтобы родители дольше не умирали, чтобы у дочери все было хорошо. Потому, что все остальное на самом деле очень легко достижимо.

В храм я захожу, но не чтобы постоять на службе — я не люблю толпы, захожу, чтобы помолиться, поставить свечку, раз в месяц примерно — и не потому, что я должен. Главное открытие моей жизни, это то, что я ничего никому не должен, и другие люди ничего не должны — я имею в виду в религиозном смысле.

Мы сами творим себе смыслы

Как-то жизнь столкнула меня с одним замечательным человеком, бурятом по национальности, буддистом, мы много общались, и я перенял у него кое-что из его буддистского мировоззрения. Одна из мыслей мне очень нравится. Давайте откровенно — в нашей жизни вообще нет никакого смысла. Жизнь короткая и абсолютно бессмысленная. И каждый человек наполняет жизнь тем или иным смыслом. Поэтому нельзя сказать, что у кого-то смысла в жизни меньше, у кого-то больше. Каждый сам себе придумывает смысл. Когда православные говорят: как вы, ушедшие, живете без причастия, церковной службы, ваша жизнь пуста, вам плохо... Это просто накачка мозга, я думаю. Психику человека ведь можно раскатать легко. Простой пример, начните орать что-то в толпе, и в какой-то момент, вся толпа заведется. Можно убедить себя, что ты великий грешник, или наоборот, что твоя жизнь полна, потому что ты причащаешься. И человек будет в это искренне верить, испытывать соответствующие эмоции, и даже на физическом уровне в организме буду изменения. Но этого же можно достичь и другими способами. Возьмите, например, «офисного оладуха», загоните его в спортзал, погоняйте какое-то время, и через несколько недель занятий в определенный момент у него подпрыгнет тестостерон и начнется эйфория от тренировок. Он будет получать кайф от всплеска гормонов, которые действуют на его мозг. Можно еще проще — вколите себе в вену нужный препарат, и вы получите ту же эйфорию, которую испытывают харизматы, или тихую радость, которую испытывают православные, или даже заговорите языками, как пятидесятники.

Почитайте толковые книги (что у протестантов, что у православных) — они все предостерегают от восторженного состояния. Церковники это понимают, но сознательно используют как метод управления паствой, отделения своих от чужих.

Посмертная жизнь — для меня самый сложный вопрос. Как большинству людей, мне очень не хочется умирать. Но есть там что-то или нет — я не знаю. На самом деле, мы много о чем не знаем. Мы притворяемся, что знаем, и религия — это один из способов найти легкий ответ на тяжелый вопрос. Но она и сама полна противоречий. Так что ответы, которые она дает, скорее похожи на иллюзию понимания, чем на саму суть. Думаю, вместе с Богом мы с этой проблемой обязательно разберемся в свое время.

Ксения Волянская

[«НИКТО НЕ ВЫЖИЛ, НИКТО НЕ УМЕР»](#)

Наш собеседник — Сергей П., преподаватель.

Я не атеист, я сомневающийся

Страшные вещи в мире творятся, и кому-то помогает Бог, кому-то не помогает — это лотерея. Мне сложно понять логику в этом. Уильям Лобделл в книге «Теряя веру» (о которой мой знакомый священник сказал, что автор потерял веру, но сохранил честь) рассказывает, как увидел на машине наклейку: «Сегодня умерло от голода двадцать тысяч детей. Почему ты думаешь, что Бог ответит на ТВОИ молитвы?»

С другой стороны, у меня в жизни были моменты, когда, возможно, не сразу, но я получал ответ — на свой вопрос, просьбу, крик. От Бога или от своего сознания — мне сложно сказать. Сразу говорю — я не атеист, я сомневающийся. Сейчас я не хожу на службы — кроме больших праздников, но, кроме светского вуза, работаю на приходе и в епархии — где, как — говорить не могу, в силу понятных причин. Что я человек сомневающийся, все знают.

О своих сомнениях я честно говорю, мне не надо, как в XIX веке, нести на службу справку об исповеди и причастии. И я благодарен Церкви, что я, несмотря на то, что уже не прихожанин, могу реализовывать себя как профессионал в церковной сфере. Тот кризис веры, который со мной случился — никак не связан с внутрицерковными проблемами. Причащаться окончательно перестал, когда произошла личная, семейная трагедия, о которой я не хочу говорить.

Почти все, о чем пишет «Ахилла», я видел в церкви в юности

Крестился я еще в школе. Инициатива была мамы, но мне самому было очень интересно. Я много болел, а после крещения болеть перестал — вот вам, пожалуйста, чудо. 1988 год, мне 7 лет. Открывались храмы, у церкви был колоссальный кредит доверия. Я был пономарем, и моя учительница даже отпускала меня на всенощные, когда надо было. А потом я подрался с одноклассником — после этого она меня уже не отпускала, вот так я опозорил церковь.

С 14 до 18 лет церковь никому не интересна — у меня было так же, хотя к церкви я относился достаточно уважительно, хула на Бога, на церковь мной воспринималась очень остро. Просто меня не тянуло в церковь, а тянуло во двор. Примерно с 18 до 23 я возвращался, снова был алтарником, думал о поступлении в семинарию, о том, чтобы стать священником. В это время я не задавался теми вопросами, которые мучают меня сейчас. Потом понял, что священство — не мое призвание. Через полгода после того, как человек приходит в алтарь, понимание святости места проходит. Священник уже не святой отец, а твой старший товарищ, вы вместе выпиваете.

Все, о чем «Ахилла» пишет, я в церкви видел — кроме педофилии и голубизны. Плохо, что я это видел в юные годы. Когда в 17–18 лет видишь то, что совершенно не сочетается с тем, что говорится с амвона — это отталкивает, конечно.

В 23 года пошел учиться в светский вуз на заочку, пономарем мне быть надоело, устроился в церкви охранником.

Если ты в алтаре как на конвейере, да еще где-то работаешь или учишься — то тебе уже ни до чего, постепенно перестаешь причащаться. Что меня так долго держало там? Отличная компания, одна из лучших в моей жизни, я тогда, дурак, не ценил ее. Со многими из этих людей отношения до сих пор поддерживаю. Там была человечность. Это и есть христианство на самом деле. Может, не так часто вспоминали о Боге, но друг другу помогали.

Дело не в церкви, а в обществе

Потом знакомый батя, руководитель епархиального отдела, пригласил меня работать к себе, я пошел и не жалею. С тех пор работаю одновременно в двух сферах — светской и церковной, думаю, это полезно для моего психического состояния. И я скажу, что все одинаково, минусы одинаковые.

У меня есть знакомые, которые работают в полиции, в медицине — все то же самое. Разрыв в доходах, принцип «сильный всегда прав» — это есть везде. Церковная система неидеальна, были времена, когда она была еще хуже. Дело-то не в церкви, а в обществе. Церковь, армия, образование, медицина — срез общества со всеми плюсами и минусами. Другое дело, что церковь должна влиять на оздоровление общества, а это незаметно.

Мне нравится одна песня Глеба Самойлова, в которой есть строчки: «Никто не умер — никто не выжил». Это про нынешнее общество, и церковная

реальность как часть этой общественной реальности, она тоже — ни живая, ни мертвая.

Говорят, что слишком много административного давления — нужно много писать, но у меня на светской работе и у моих знакомых то же самое.

Поневоле думаешь, что это какой-то один человек заставляет и патриарха Кирилла, и министра образования, и министра здравоохранения и прочих заниматься этой бюрократией. Это тотально. Но поскольку по русской традиции строгость законов компенсируется их неисполнением, то все пускают пыль в глаза.

Татаро-монгольское иго в церкви

По моим наблюдениям, если священник не работает в епархии, он относится к этому критично, но спокойно — кто-то занимается прихожанами, кто-то уходит во внутреннюю эмиграцию, все приспосабливаются. Кураев заговорил — все видели, что с ним сделали, но о. Андрей известная фигура, он может себе это позволить. У любого священника, обладающего какими-то талантами, есть ответственность перед прихожанами, какая-то община, к нему приходят со своими бедами люди. Если он не тупой и не дурной, то люди вокруг него как-то сплываются. Ну, вышел он, сказал что-то, и что с ним сделают? В лучшем случае поедет в деревню Гадюкино, а скорее всего просто запретят.

Современная ситуация в Церкви мне отчасти напоминает татаро-монгольское иго. Когда князьям, чтобы сохранить людей, приходилось платить дань — как сейчас епархиальный налог. Что татаро-монголы, что архиереи не заставляют же нас веру менять. То есть священники, можно сказать, заложники своей ответственности перед людьми. Если вы надеетесь на революцию в церкви, знайте — этого никогда не будет.

Говорят, что не бывает хороших архиереев, бывают плохие и очень плохие, наш не очень плохой все-таки. У нас нет жесткого беспредела. Поборы не такие страшные, как в других епархиях, у нас никого не загнали, больше пугают — так у нас и на работе пугают.

По доходу — никто особо не бедствует. По работе я больше знаю священников не городских, а в области, но и там не бедствуют.

К тому, что говорят церковные спикеры — Смирнов, Ткачев, раньше Чаплин, — все привыкли уже. Раньше Чаплин что-то скажет, все хватаются за голову

— как нам идти к молодежи, в армию, в школу, нас сейчас помидорами закидают... никто ничем не закидал. Молодежь этим не интересуется, ей наплевать, что сказал Чаплин. Если в епархии есть хорошо работающий молодежный проект, он будет работать, что бы они там ни говорили.

Везде все плохо, но финансовые потоки в государстве относительно прозрачны, а в Церкви нет. Поборы за последние годы стали в несколько раз больше, на местах денег почти не остается, а это очень плохо. Сужу по своему приходу, на многие приходские проекты денег не хватает, все выдаивается. Хотя много красивых слов про развитие.

Хуже всего — счастливые люди

О Боге думаю каждый день, книги читаю. Но ответа не нахожу. Библию, наверно, надо читать всю жизнь, но для этого какой-то запал нужен, нужно по-настоящему в Бога поверить, полюбить Его, а что я себя насиловать буду? Какие-то основные вещи, конечно, мне известны. Новый Завет знаю, Ветхий — намного хуже. Но в церковь не тянет. При этом каждый день думаю о смерти. Мне страшно, врать не буду. С другой стороны, она мне представляется неким избавлением. Меня беспокоит — есть люди, которых я люблю, например, моя жена. Я помру, а она останется, или она умрет — как я без нее? Это пугает. Пугает — а что будет со мной потом? Я не понимаю, что такое жить вечно. И если придется предстать перед каким-то судом — стыдно и страшно. Если ничего нет — жизнь бессмысленна.

Но если бы у меня не было ропота на Бога, моя жизнь тоже была бы бессмысленна, ничего бы не понимал и жрал бы хот-доги. На самом деле не Бог, а люди делают мир таким хреновым. То, что медведь задрал человека, мы слышим раз в году, а убийства, насилие — каждый день.

Я думаю, если Бог есть, то я для него, может быть, более интересный экземпляр, чем некто с двумя извилинами, кто тупо бьет Ему поклоны. При этом я не корчу из себя героя, я не раз поступал непорядочно, причем, чем я был моложе — тем хуже. Так что о грехе я тоже думаю, и вспоминая свою жизнь за 30 с лишним лет, понимаю, что мне за многое стыдно.

Не отсутствие веры мешает мне быть счастливым. Мешает личная семейная трагедия, такое бывает у многих людей. Когда это случилось, я и сорвал с себя крест.

Думаю, что концепт счастья — беда нашего общества. А счастье вообще невозможно в принципе. Большинство людей живет в парадигме сказки — сейчас я пройду некие испытания, а потом бац — и придет счастье! Победить дракона, жениться на красавице. В нашей жизни — сделать карьеру, жениться, нарожать кучу детей и умереть в один день со спутником жизни. Я такого не видел. Если Бог есть, слава Богу, что он такого не допускает. Да я сам бы не хотел такого счастья.

Но тут такая дихотомия (из моего опыта общения с людьми) — хуже всего счастливые люди. Они так держатся за свое счастье, что ни с кем не делятся и, если что, ногой оттолкнут. Я вот, к своему стыду, будучи гуманитарием, фильм «Титаник» посмотрел только неделю назад. Как там люди себя по-разному ведут, когда корабль начинает тонуть. В этом плане лучше, когда нечего терять. С точки зрения счастливых людей Иисус плохо кончил, и апостолы тоже, они же не счастье проповедовали. А в церкви сейчас акцент на другом — на деньгах. Церковь наша огонь и воду прошла, а медные трубы пройти не смогла.

Сейчас меня не сильно беспокоит вопрос возвращения в церковь, мне намного важнее разобраться в своих отношениях с Богом, со своей смертью, со своими грехами, за которые мне стыдно — даже если Бога нет. Нет, я никого не убил и не изнасиловал, меня, если верить Данте, за язык на том свете подвешат — язык у меня поганый в плане осудить кого-нибудь, обидеть. Если я хочу плавать, мне надо сначала сломанную ногу залечить, а потом уже в бассейн нырять.

Алексей Плужников

[ВАЛЕРИЙ ОТСТАВНЫХ: Я ХОТЕЛ НАЙТИ В ЦЕРКВИ ХРИСТА В ЛИЦЕ ЛЮДЕЙ](#)

Как люди становятся миссионерами? Как они не только перестают ими быть, но и сами уходят из Церкви? Об этом мы беседуем с бывшим тульским миссионером Валерием Отставных.

Рок-н-ролл и раннехристианская романтика

Началось все с поисков смысла жизни в начале девяностых — лет в тридцать, но это тема меня всегда увлекала. В то время я еще был рок-бардом, вел образ жизни такой — рок-н-ролльный, был рок-звездой местного масштаба.

Потом познакомился со священником Олегом Кузьминовым, который в то время еще был студентом медицинского института в Иваново. Он ходил на мои концерты, мы общались, он стал приглашать меня к себе. Вскоре он рукоположился, и стал настоятелем храма с живой, интересной общиной молодых людей, у нас были общие интересы, общие книги, песни.

Отец Олег прекрасно знал творчество Егора Летова, Янки Дягилевой, Ленинградского рок-клуба, высоко ценил поэтическое творчество Александра Башлачева, хорошо разбирался в тонкостях восточной философии, у него была богатейшая библиотека.

К отцу Олегу я стал ездить в город Кохму (пригород Иваново) где-то с 1995 года. Раньше в городе было много храмов, большевики все храмы уничтожили, служить было негде. И тогда им дали в трехэтажном доме на втором этаже помещение бывшей бани (на третьем был радиоузел, а на первом, кажется, прачечная, все это действующее).

Это придавало романтики, даже веяло историей раннехристианской. Вопрос о постройке храма возникал, но денег не было. Ивановская епархия была одной из самых бедных в России. Люди там добрые, добрее москвичей, туляков, но живут очень бедно.

Храм строили, котлован рыли, часовню построили, но основные службы шли в том храме, в том здании. Для людей это было нормально, для меня — так прекрасно, я вообще люблю служить в разрушенных храмах, только что переданных — в них особый дух, катакомбный...

Крещение в Великую Субботу и Свято-Тихоновский институт

Я целый год воцерковлялся, читал соответствующие книги по основам веры, приезжал на праздники, и в апреле 1996 года в Великую Субботу, когда все красят яйца, отец Олег меня крестил — по примеру крещения первых христиан. Эти первые христиане воцерковлялись, а потом накануне Пасхи, в белых одеждах, шли крестным ходом, со свечами, на свою первую литургию. Позднее эта традиция утратилась, и сейчас этот крестный ход на Пасху символизирует приход жен-мироносиц к запечатанному Гробу Господню.

Это был редчайший случай — когда священник крестит кого-то в день, когда все освящают куличи и яйца. (Я как-то одного священника после попросил в Великую Субботу окрестить человека, он меня спросил: «Ты что?! Это когда яйца святят? Ты с ума сошел?!»)

Отец Олег настоял, чтобы я поступил в Московский Свято-Тихоновский богословский институт — осенью 1996 года. Параллельно я поступил на годичные миссионерско-катехизаторские курсы в Туле при епархии. Учился в институте я с перерывами, окончил его в 2005 году. А первый диплом у меня по специальности «театральная режиссура», хотя всю жизнь я занимался журналистикой. В дипломе ПСТГУ специализацией стоит «религиоведение», но учили нас не религиоведению, а наукам, связанным с православием, восточным христианством.

В то время еще шли жаркие споры — считать ли теологию наукой. И чтобы не писать нам в дипломе государственного образца «богослов» — после чего нас бы не взяли никуда на светскую работу, — написали «религиовед».

Учился я на миссионерском отделении — готовился не к пастырству, а к просветительской деятельности. Тогда смысл миссионерской деятельности был в том, чтобы привести крещеных, но не воцерковленных людей к порогу храма. В чем смысл миссии сейчас — не знаю.

Несостоявшееся рукоположение

Первые годы я работал в региональных СМИ, а внештатно был сотрудником миссионерского отдела Тульской епархии. Потом в Тулу (на родину) вернулся отец Олег Кузьминов, он возглавил миссионерский отдел, и пригласил меня в штат.

Дважды была возможность рукоположения. Но для этого нужно было бросить Свято-Тихоновский институт, который мне очень нравился своей атмосферой, замечательными педагогами — уровень преподавания был высочайший, и поступить в тульское духовное училище.

Тогда рукоположиться можно было двумя способами. Или священник приводит за руку к епископу ставленника, какого-нибудь алтарника, и просит рукоположить, а, мол, после этого он уже отучится заочно. Или поступив в духовное училище.

Я был из вольнодумной среды, рок-н-рольной, так просто меня не хотели рукополагать, а в училище за тобой присматривают, как ты себя ведешь, потом, в отличие от ПСТГУ с его прекрасным образованием, в училище учат утилитарным вещам, чинопоследованию, «сколько раз кадилом махнуть», а не высокому богословию.

Епископ тогда сказал: «Ну, пусть приезжает — мы на него посмотрим». Отец Олег не обладал тогда авторитетом старых маститых настоятелей...

Я подумал и решил отказаться.

Второй раз была возможность, когда сменился епископ — заступил нынешний архиерей, митрополит Алексей (Кутепов). Тогда могли уже привести «за ручку», но я не стал этого делать.

Проще всего было рукоположиться в Ивановской епархии, там был такой архиепископ Амвросий (Щуров). Он рукополагал вообще всех подряд, да еще и стриг в монашество. Епархия бедная, женатому надо семью кормить, а иеромонах как-нибудь прокормится. Поэтому там было столько монахов, столько они чудили — там были и священники-колдуны, и чего только не было.

И местная духовная школа была такого же плана, учили там странным, мягко скажем, вещам.

Свой храм

В 2009 году у нас появился собственный храм. До этого в отделе работало несколько человек (был у нас борец с сектами и женщина-психолог, которая занималась реабилитацией «жертв деструктивных сект и их близких»), наш отдел мыкался по тем приходам, где отец Олег был очередным священником.

И вот появился свой! На приходе мы оборудовали большой миссионерский дом, городской миссионерский центр. Рядом был храм, где мы служили, пока отца Олега не попросили с должности и не убрали за штат без права служения в храмах Тульской епархии.

Пришел новый настоятель, команда немного поменялась, но остались я и Алексей Ярасов, специалист по сектам и культам, какое-то время мы работали. Но 1 апреля 2013 года контракт мой истек, и мне намекнули, что пора прощаться. Мне предлагали под псевдонимом писать для местных православных сайтов, но тогда я вообще решил уходить из РПЦ МП.

17 лет я прослужил в церкви.

Церковь как бюрократический аппарат и система супермаркетов

Изменение моего отношения к тому, что я видел, накапливалось постепенно. Больше не было того прихода в Кохме. Свободно я чувствовал себя только там и еще в коридорах нашего замечательного Свято-Тихоновского института, где царила потрясающая атмосфера. Больше нигде в церкви я не ощущал этой атмосферы духовной свободы.

Я стал ощущать церковь как бюрократический аппарат, с одной стороны, и армейский (дисциплинарно) — с другой. Это появилось, когда я уже работал в штате миссионерского отдела, где-то с 2006-07 гг. Тогда мне уже стало нужно ходить с отцом Олегом в епархиальное управление, решать разные вопросы, сталкиваться со священниками, видеть, как они себя ведут, заходить на прием к епископу.

Вначале я все мысли гнал, мол, это от лукавого, наговоры, есть и хорошие батюшки, есть отдельные изъяны, но все в порядке, ничего страшного. Но со временем все больше убеждался, что дело — в системе. В том, что церковь представляет собой не общину единоверцев, которые друг друга знают, помогают друг другу, священнику (немного этого было в Кохме), а систему супермаркетов, магазинов по продаже ритуальных товаров и услуг.

Отец Олег сначала пытался меня не допускать до всего этого, заботился, чтобы я не разочаровался раньше времени. Но «не уберег», бедный....

Еще давила дисциплина, которая схожа с армейской. Нет возможности для импровизации, для маневра, на все надо просить благословения — это убивало. По малейшему поводу нужно спрашивать разрешения. Церковные структуры настолько неповоротливы, что все завязано на одном человеке. Даже секретарь, который, казалось бы, мог решить какие-то второстепенные вещи, не мог этого сделать без разрешения владыки, который часто был недоступен. Епископ становится и богом, и царем, и героем, все зависит от него, огромная масса священников — и финансово, и организационно, — это ненормальная ситуация. Зачем-то же создали епархиальные отделы, так пусть бы они и занимались. Нужно издать какую-то брошюру — для этого есть издательский отдел. Зачем сразу идти к епископу?

Церковь как община единоверцев с фиксированным членством

Что касается церкви как общины единоверцев, я думаю, что когда кто-нибудь из священников или иерархов слышит об общине с фиксированным членством, им становится плохо, они хватаются за сердце, потому что это

противоречит парадигме существования нынешней церкви. Она существует как магазин, а в магазине нет фиксированного членства: зашел, купил, заплатил, ушел. И церковь так же существует сейчас. Это очень выгодно и финансово, и политически — патриарх всегда может сказать президенту, что у него столько-то миллионов прихожан.

А если перейти к раннехристианской практике (боюсь, меня опять обличат в «протестантстве») — то это правильно ведь. Почти в любой общественной организации есть членство — люди записываются в некую общественную организацию, ты должен платить членские взносы... Я вот был комсомольцем, и мне поручали собирать членские взносы — по две копейки. Так и в церкви: может, не десятину, но какой-то членский взнос ты должен платить. Эти средства должны пойти на содержание храма, клира, штата работников, ЖКХ, покупку утвари. Бывают общие епархиальные нужды, фонды, которые помогают больным священникам, бедным сельским храмам — некий посильный налог в епархию тоже может быть.

Но тогда должно быть ежегодно реальное, а не фиктивное собрание этих членов прихода, на котором они заслушают контрольно-ревизионную комиссию, которую сами же и выбрали, и узнают, на что пошли их деньги. И если батюшка купил себе Audi, а это не закладывалось в решение собрания, то должны быть сделаны соответствующие жесткие выводы. То есть должен быть контроль средств.

Как и контроль за продажей свечей и работой приходской лавки.

«Заказные» молитвы

Когда я оказался в алтаре, меня всегда бесило, что существуют записки за здоровье и за упокой «обычные» и «заказные». То есть сила молитв, оказывается, зависит от суммы денег, вложенных в покупку конкретной записки. В большинстве храмов алтарники выходят после проскомидии в храм и начинают читать записки, стоя спиной к людям и лицом к алтарю, как бы показывая, что, вот, глядите, мы отработаем ваши деньги. Это глупость какая-то, ну, уберите тогда иконостас, но зачем это делать?

Или священник начинает перед престолом читать «заказные» записки (более дорогие) — это бред и безобразие. Сила молитв, что ли, будет больше, чем от простых записок?

В древней церкви общины были небольшие, и когда на литургии поминали кого-то как болящего или новопреставленного, то все понимали, о ком идет речь. А сейчас люди, понимая, что мы, в принципе, ни о ком не молимся, а только тарабаним и тарабаним, мол, Господь управит — подписывают на записке карандашом: об упокоении «Николая, который был хорошим человеком», или «у которого было много детей», или который «погиб во время военного конфликта». Это уже сверх практики, от избытка чувств пишут.

Однажды я прочитал самую страшную записку (вряд ли, думаю, человек так бы шутил): «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих... — там перечислялось три или четыре женских имени, — коих я убил». Может, он оставил записку и ушел, может, в храме стоял и молился.

«Белые конвертики»

Еще напрягало то, что носились конвертики каждый месяц местному архиерею, «на накопительную пенсию». Мы как-то говорили об этом с отцом Андреем Кураевым, он говорил: ну, а как вы хотите, зарплата у епископа маленькая, на нее не проживешь, поэтому приходится им думать о старости самим. Я, говорил отец Андрей, видел таких епископов, которые в собственном г..не умирали. Это мера вынужденная.

Но не все епископы брали конвертики, некоторые жили очень скромно — тот же уже умерший ивановский владыка Амвросий (Щуров) доживал свой век в обычной городской квартире, то ли двушке, то ли трешке.

У нас в епархии было 100 приходов, из них 20-30, допустим, бедных, остается 70-80. Можно предположить приблизительно, какая сумма лежит в конвертике каждый месяц — явно не пять тысяч. И я думаю, пенсия-то накопительная у них была хорошая. В 2013 году они приняли решение, что епископ получает зарплату, уходя на покой. Была одна передача в 2014 году, где Кураев меня ставил на место: ну, вы понимаете, епископы селятся не в домах, которые для них строят, а в монастырях, в кельях, и братия о них заботится. Но в решении прямо сказано, что епископ обеспечивается полностью: связью, транспортом, медобслуживанием и проч. И уж если селится, то не в сырой келии «на хлебе и воде». Потом, решение собора разрешало епископу стать на пенсии настоятелем прихода, а там и дом как раз, и утки, и курочки, и все, что нужно...

Мне кажется, хотя я сейчас с этим уже не связан, что и практика «белых конвертиков» никуда не делась.

Участие в протестном движении

Что еще сыграло роль в моем уходе — с 2011 года я оказался в протестном движении. Стал членом тульского комитета «За честные выборы». В 2012 г. меня начали прессовать сотрудники центра по борьбе с экстремизмом — приезды домой, нервотрепка моей ныне покойной матери, подкарауливание у подъезда, обход жильцов.

Я был на процессе над «Pussy Riot» в Москве в Хамовническом суде, сам предложил Виолетте Волковой, одному из трех адвокатов, приехать в качестве специалиста со стороны защиты.

Потом были выборы в КСО — координационный совет оппозиции. И все это время шли письма счастья от начальника УВД области на имя архиепископа. Письма были очень смешные — что ваш сотрудник участвует в несистемной оппозиции. Каждый раз меня таскали на заседания епархиального совета. Правда, владыка занимал правильную позицию. Он спрашивал: а что, Валерий Владимирович занимается этой деятельностью в рабочее время? — Да нет, отвечали ему. — А что, участие в несистемной оппозиции — это преступление? — Нет. — Ну, тогда примем к сведению. И прятал письмо под сукно. Но каждый раз намекал: у вас «столько талантов», Валерий Владимирович, может, вам скучно у нас, вас стесняют рамки, может, вам куда-то уйти?

А еще я был блогером на сайте «Эха Москвы» и писал критические материалы о Церкви. И епископ, которому приносили распечатки моих публикаций, сказал: если вы это пишете как заместитель руководителя миссионерского отдела Тульской епархии, тогда согласовывайте это с начальством. А если вы пишете от себя, то не указывайте, что вы представляете миссионерский отдел. Логичная позиция, так мы и договорились. Но напряжение все равно нарастало, и недоброжелателей становилось все больше.

Позитивная миссия против православной контрразведки

Последней каплей было решение о пенсиях. Перед этим протоиерей Всеволод Чаплин, который тогда еще был спикером РПЦ, сказал, что любой простой священник, который заботится о своей пенсии и своей старости, —

профнепригоден. Меня это очень возмутило, и в блоге на «Эхе» я написал пост с вопросом: а епископы, которые только что на соборе приняли решение о своих пенсиях, — они профпригодны? Наш местный желтый сайт перепечатал эту публикацию, а как иллюстрацию они поставили фотографию нашего митрополита Алексия, как он ходит возле храма и кропит его святой водой. Видимо, это было последней каплей. Наверно, я мог позвонить епископу, что-то ему попробовать объяснить, попросить прощения...

Но последние два-три года я уже работал по инерции. Были у меня проекты, которые мне жалко было бросать: например, интерактивный кинопроект «Чижик-пыжик, где ты был» — профилактика детского пивного алкоголизма, для старшеклассников, проект «Как не попасть в секту», и вот ради этого я считал, что можно оставаться. Плюс я создал в миссионерском доме бесплатную правовую консультацию, куда каждую неделю приходили люди, у которых не было денег на адвоката. Там были три хороших правозащитника, которые давали дельные советы, иногда сопровождали людей в судах (это было для всех — к нам приходили цыгане, мусульмане).

Еще я был членом Российской ассоциации центров по изучению религий и сект, но чем дальше, тем больше мне это не нравилось. У нас было разделение — я занимался позитивной миссией, а мой коллега Алексей Ярасов — борьбой с сектами. Ему это очень нравилось, а меня пугало и пугает до сих пор: человек борется с людьми, без любви к ним, с неким азартом, это становится похожим на секретный отдел, контрразведку, а не собрание верующих. Я о своих сомнениях говорил на первой же конференции, куда Дворкин приезжал: я не представляю себе, чтобы Христос пришел к Понтию Пилату и пожаловался на какую-то иудейскую деструктивную секту. Почему же мы практикуем обращение в светские органы, чтобы они боролись с организациями, в которых, как мы думаем, неправильно исповедуют Христа или, как мы считаем, наносят урон человеку, семье, обществу. При этом у нас нет серьезных доказательств этого, кроме примеров из книги Дворкина — в основном из западной жизни. А никакой статистики преступлений, совершаемых членами организаций, которые Дворкин называет деструктивными, на почве религиозного фанатизма, по России — нет. А ведь есть и случаи преступлений на почве клинического воцерковления, и их много, и если их посчитать, то и РПЦ можно назвать тоталитарной сектой и преследовать ее. Это тоже одна из причин моего ухода из церкви.

Так что в 2013 году я ушел. Потом — 2014 год, война на Донбассе, война в Сирии — все это благословляла РПЦ. Не представляю, как бы я мог продолжать работать в церкви после этих событий.

Такая церковь меня не устраивает

Церковь — это собрание верующих, община, а не просто прийти, постоять в уголке, свечку купить, помолиться и уйти — это можно в любом молитвенном здании сделать, да и в лесу я могу помолиться. А если вся эта организационная структура существует только ради причастия... причастие можно совершать и на дому. Если церковь — это место только для причастия, то меня такая церковь не устраивает. Если церковь — не община, а место, где совершаются обряды и священнодействия — для меня это некий магизм. Я хочу найти в Церкви Христа в лице людей.

Я не только ушел из Церкви, у меня с 2013 года ментальный кризис. Тогда, в апреле, у меня умерла мама, я остался один. Как-то звонил отец Олег и спросил меня: ну а в Христа-то ты веруешь? Я долго думал, что ему ответить. И сказал так: хочу ответить предельно честно — не могу сказать ни «да», ни «нет».

Я пришел в церковь не просто так, у меня был психологический слом от расставания с близким человеком. Если бы у меня на тот момент был личный психиатр или личный психолог, я бы в церковь, возможно, не пришел. А в церкви мне помогли хорошие люди, молодой священник. Я мог встретить и других хороших людей, не из Церкви... Я не жалею, что я 17 лет пытался приводить людей к Богу. Мне не стыдно за то, что я разговаривал с подростками о вреде пьянства, за лекции о том, как не попасть в секту, радостно, что сотни людей получили помощь в нашей юридической консультации, об этом я не жалею...

Я крестился в возрасте Христа. Ушел в 50 лет. Лучшие годы жизни пришлось на этот период. И мне сейчас жалко ОДНОГО, что я не использовал это время для чего-то другого, для чего я, может быть, и родился, что не использовал способности, которые я получил — актерские или режиссерские. Я чувствую невероятную неудовлетворенность в творческом плане. Я еще в 2005 году занялся режиссурой, снял три документальных фильма, сейчас монтирую четвертый, стал членом киносюза России, в 2012 году стал номинантом на национальную кинопремию «Лавр». Но годы, годы...

Ксения Волянская

[«МЕНЯ ВЫДАЛИ ЗАМУЖ В 16 ЛЕТ»: ИСПОВЕДЬ БЫВШЕЙ МАТУШКИ](#)

В рамках нашего проекта «исповедь матушки» мы взяли неанонимное интервью у бывшей матушки — Алисы Макаровой. Она откровенно рассказала нам, как выйти замуж в 16 лет по благословению известного священника-писателя, как чуть не попасть в монастырь по благословению уральского «старца», как жить долго в православном браке, но без любви, и как потом освободиться и научиться любить...

Воцерковляющийся подросток

Когда мне было 12 лет, у меня родилась сестра, а через месяц мой папа попал в аварию. Месяца три был в больнице, потом на ИВЛ выписали домой, и вскоре он скончался. Понятно, что для мамы это было тяжело — новорожденный ребенок, я — подросток, муж в тяжелом состоянии, потом смерть мужа.

В детстве я послушно ходила в церковь с мамой за ручку, ставила свечи и писала записочки, потом, когда папа еще был жив, начали всей семьей причащаться, хотя настоящего воцерковления не было.

Года через два после смерти папы мама познакомилась со священником Александром Ториком (автор бестселлеров — «Флавиан», «Дімон» и других — прим. ред.). Я в то время занималась в школе-студии при ансамбле Игоря Моисеева и училась дома на экстернате. В этом же экстернате училась его дочка. Незадолго до этого Торик с семьей переехал в деревню Новосергиево под Москвой — тогда у многих была идея, что скоро апокалипсис, надо спастись, уезжать в деревню и жить своим хозяйством. И вот, пока мы с дочкой Торика писали какой-то экзамен, мама с ним разговорила, и он пригласил ее к себе приехать.

Примерно тогда же меня торкнуло воцерковиться, стала сама ходить в храм, юбки, платки носить, читать все. Когда окончила танцевальную студию, — а школу я окончила на два года раньше сверстников, — я поступила в Свято-Димитриевское училище сестер милосердия. Сдала все экзамены, прошла послушание, причем засунули в тяжелое отделение, неврологическое. Училище было для меня альтернативой монастыря, о котором я мечтала, и антураж соответствующий — косыночки, фартучки, службы, молитвы перед

едой. Училась я неплохо, но маме показалось, что состояние у меня не очень хорошее, я отдалилась, замкнулась в себе. И вместе с Торикум они решили меня засунуть в ПСТГУ.

Я послушно поступила на подготовительные курсы. Мне нравилось, я впитывала все как губка. И послушания были, и на клиросе пела, а параллельно преподавала танцы. Выпускные с курсов были одновременно вступительными в институт. Я прекрасно сдала экзамены, поступила на первый курс, на педагогическое отделение. Туда проще было поступить, хотя педагогом я быть не собиралась. Как я тогда видела свое будущее? Хотела в монастырь...

Как священник Александр Торик нашел мне женишка

Не знаю, воспитание ли этому виной или мои природные особенности, но я тогда не воспринимала мужчин. Влюбленности были, подростковые, а что-то серьезное — меня очень пугало. И чтобы этого избежать, я хотела уйти в монастырь.

И вот пока я училась на курсах, Торик неожиданно говорит маме, что у него есть для меня женишок. А было мне тогда 15 лет. Недавно я встречалась с его дочерью, мы не виделись 14 лет, весь вечер проболтали. Оказывается, в той деревне такая была тогда волна — всех женить, выдавать замуж, только об этом и говорили, только этим и занимались.

Сначала меня познакомили с братом моего будущего супруга. Он мне понравился, я даже влюбилась, потому что он был похож чем-то на моего папу. Он меня был старше на 8 лет и почти сразу сказал: «ты маленькая девочка, что мне с тобой делать?» А потом меня познакомили с его братом, который меня старше был уже на 14 лет и тогда учился в семинарии. У него было высшее образование, МАИ, была работа, машина, а потом он попал к Торику, и тот уговорил его поступить в семинарию. А там ближе к 4 курсу — либо женись, либо постригайся, и все начинают бегать и срочно искать невест.

Как-то я приехала к Торику. Стала говорить, что я не собираюсь замуж, тем более так рано. Ему удалось меня переубедить, что-то он говорил про то, что наивысшее счастье человека — в браке, если он не монах, а в монастырь еще успеешь. Может быть, сыграло роль то, что я недавно потеряла папу и мне не

хватало близкого старшего мужчины. И я согласилась. Как отнеслась мама? Она тоже слушала батюшку.

Торик нас обвенчал — без ЗАГСа, конечно. Расписались потом, когда мне исполнилось 18.

У нас был домострой в семье

Незадолго до моего замужества по совету Торика мама продала трешку на Академической, купила двушку на Севастопольской и дом в этом Новосергиево. И переехала туда, когда младшей сестре было годика три, а квартиру сдала. Мы с мужем поселились в квартире его бабушки в Москве.

Поначалу мы жили нормально. Я приходила из института, делала уроки, потом — стирка-уборка, встречала мужа из семинарии с ужином. Все было неплохо, кроме того, что как у мужчины и женщины у нас не складывалось, мне было больно, страшно... это был кошмар. Видимо, я была совсем еще к этому не готова.

У нас был домострой. Муж считал, что я его должна слушаться только потому, что он мужчина. Я поддерживала эту позицию, изо всех сил старалась соответствовать. Жила не свою жизнь, а играла навязанную мне роль.

Что такое любовь женщины к мужчине — я не знала. Конечно, была детская привязанность. Я переживала, когда он где-то задерживался, могла даже истерить, дверями хлопать.

Потом муж не сдал какой-то экзамен, его отчислили из семинарии, он стал пономарить в одном московском храме. В планах у него было рукополагаться. А в Москве с этим было сложнее, и у кого-то возникла идея поехать в Рязанскую область. Торик благословил. Связались с епископом, тогда это был Павел (*нынешний митрополит Минский — прим. ред.*), мы ездили к нему на собеседование. Он поступил разумно, не стал нас отправлять в деревню, где одни кирпичи остались от храма и полторы бабушки. Предложил служить в Рязани. Я тогда уже ушла из Свято-Тихоновского института и поступила опять в училище сестер милосердия, только не Дмитриевское, а Пантелеимоновское, на территории больницы РЖД.

Православные роды на дому

Первая беременность у меня закончилась печально — оказалась замершей. Я это тяжело переживала, видела на улице беременную женщину — и сразу в слезы. Я очень хотела ребенка, хотя до этого колебалась — хочу я или нет. Потом я опять забеременела и на этот раз ушла в декрет. Мы уехали в Рязань, жили на съемной квартире. Мужа рукоположили в дьякона, через месяц — в священника.

Прожили мы там лет десять. Родила одного ребенка, потом, с разницей в год и восемь месяцев — второго, и через два с половиной — третьего. После первого Торик сказал: долго со вторым не тяните. Первых двух детей, девочек, я рожала дома, но не в Рязани, а в Москве. Разумеется, с православной акушеркой — духовным чадом о. Артемия Владимирова. Православные же не только паспортов, ИНН боятся, но и роддомов, про которые я наслушалась страшных историй.

С первой дочкой все прошло благополучно, без всяких кошмаров, а со второй — чуть не померла, у меня было сильное кровотечение, давление 70 на 30. Кто-то считал, что я засыпаю, мама, которая была рядом, — что я умираю. Я только помню двух орущих детей — того, который родился, и старшей, которой был год и восемь. Скорую не вызывали. Муж над головой Евангелие читал, мама варила кофе в жуткой концентрации. Даже не помню, как мне в итоге остановили кровотечение. Дней через шесть уже уехали к себе в Рязань.

Восстанавливалась долго — страшно было на себя в зеркало смотреть, краше в гроб кладут. Новорожденный ребенок, старший ребенок, который еще от груди не отучен... У мужа был режим такой: неделя служб, неделя треб и неделя выходных. И эти две недели дома его почти не было, только днем мог иногда заехать между службами.

Мне не хватало любви

Пыталась в мужа влюбиться — не вышло. Мне было страшно, когда он проявлял ко мне внимание как к женщине. Это было каждый раз как на голгофу — все 10 лет. Я себя считала виноватой. Он тоже от этого страдал — я же не могла ему дать то, что ему требуется. Мы пытались с духовником об этом разговаривать. Мне он говорил: «ну, ты его где-то попридержи, где-то уступи», мужу говорил: «ну, вот она сейчас ребенка родит и нормальной

станет... сейчас второго родит и нормальной станет...» Родила третьего — и все равно — ничего.

Третьим у меня родился сын — весной, на Николая Угодника, когда в храме звонили колокола. Его я уже в роддоме родила, немного раньше времени.

В следующем, 2011 году муж стал как-то странно себя вести, чуть не дошло до развода. Я это воспринимала как катастрофу, это был для меня ужас. Муж ездил тогда к старцу Илию (Ноздрину), советовался с ним. Я звонила Торику, плакалась ему, он что-то советовал. Я говорила тогда: нельзя было меня так рано замуж выдавать. Но все свелось к тому, что мы сами виноваты, он даже трубку бросил.

В 2012 году муж поехал на Афон, а я осталась с тремя детьми, и у меня случился аппендицит. Долго тянула с больницей, не хотела детей оставлять. Перед операцией звонила, договаривалась со знакомыми, со свекровью, чтобы кто-то присмотрел за детьми.

А потом было осложнение, антибиотики, новая операция. Из-за этого пришлось прекратить кормить грудью сына. До этого я практически никуда без детей не ходила — поход в собес праздником был. И когда я стала немного свободнее в этом плане, то начала иногда ездить в Москву — к маме и сестре.

У меня появился старший друг — я хотела учиться играть на арфе или флейте и познакомилась на этой почве с известным музыкантом, Элизбаром. Он помог мне начать двигаться из этого болота. Муж говорил: вот, опять нашла себе гуру.

У меня были проблемы со сном, а когда я просыпалась, я не знала, зачем. Маме сказала: у меня крыша едет. У нее был знакомый психиатр. Она пообщалась со мной, скорее как психолог, прописала антидепрессанты. Маме я тоже понемногу стала рассказывать, что у нас там происходит. И она была за то, чтобы я уезжала в Москву и меняла свою жизнь.

А потом я влюбилась и стала учить язык нáви и ирландский

А еще, когда я стала ездить в Москву, я влюбилась. Человек был женатый, но с женой у него что-то тоже не очень складывалось... и мы взаимно влюбились. Сначала мы за ручку ходили, а потом он меня внезапно поцеловал — это, можно сказать, был первый поцелуй в моей жизни.

Наверно, тогда я поняла, что есть что-то другое, кроме того, что у меня в браке. И поняла, что я уже больше не хочу терпеть то, что я терпела. Мне было 25 лет, я прожила 10 лет в браке, но когда у меня при этом поцелуе что-то екнуло в животе, я маму спросила: что это такое?

Несмотря на то, что мы целовались, обнимались, я больше ничего не разрешила — а он и не настаивал, очень бережно ко мне относился и ничего против моей воли не делал. Это было прекрасное время в моей жизни, а потом оно ушло — без всяких трагедий, сошло на нет, хотя воспоминания остались самые светлые.

Когда появился компьютер, интернет, я немного начала общаться, нашла друзей, а то все сковородки, кастрюли и дети, у меня даже подруг не было. Сначала это были друзья по интересу к фильму «Аватар». Я даже учила язык нáви. Я понимала, что это ерунда, но мне надо было чем-то заняться, это была форма ухода от реальности. Потом на ютубе случайно наткнулась на ирландскую музыку, и во мне всколыхнулся детский интерес к Ирландии. Еще когда училась в танцевальной студии, мне попала в руки кассета с Ривердансом, я зафанатела, папа мне диски покупал. Потом, с моим воцерковлением, я решила, что все это мирское, лишнее и неправильное.

И вот я нашла преподавателя ирландского и начала заниматься по скайпу. Откуда у меня были на это деньги? В Москве был программа «Семейный детский сад», то есть я числилась воспитателем своих детей и получала небольшие деньги, правда, должна была отчитываться за продукты и покупки. Потом узнала, что в Ирландии бывают летние языковые курсы в области, которая называется гэлтахт, то есть где люди говорят по-ирландски, несмотря на то, что во всей стране говорят по-английски. И поскольку у меня некоторая денежка скопилась, я взяла и своевольно поехала на эти курсы.

Мужу, конечно, моя затея не понравилась, он считал, что надо подождать, пока подрастут дети и поехать всем вместе. А перед этим было еще много всяких эпизодов и, в конце концов, я просто сняла кольцо с пальца и сказала, что больше не хочу с ним жить. Я ему сказала: если я останусь, давай жить как брат с сестрой, потому что я не смогу тебе ничего другого дать. Он не захотел.

Забыла сказать, что, когда старшая девочка пошла в школу, а младшие дети в садик, я восстановилась в медколледже. Перевелась в рязанский. На лекции

в 7 утра летала как на свидание — такая счастливая была. В 2015 году я его окончила.

Развод и жизнь на две страны

С мужем мы сначала жили в разных комнатах, потом я сняла комнату в общежитии, и подала на развод, а когда окончила колледж — уехала в Москву. Я пыталась детей с собой забрать, но с этим были некоторые сложности — мама с сестрой жили в маленькой квартирке. Сначала я привезла с собой младшего. Потом младший уехал в Рязань, я забрала к себе среднюю дочку. Работала в Инвитро — два дня через два. Маме было сложно забирать внука из садика, на этой почве возникали конфликты. В конце концов, все дети уехали к папе, у которого более свободный график. Так и есть до сих пор — они живут с папой, а я сначала работала в Москве, потом стала жить на две страны — половину времени в году провожу в Ирландии — у меня здесь тоже работа (*интервью записывалось, когда Алиса была в Ирландии — прим. ред.*).

Конечно, по детям скучаю. Со старшей дочкой у нас непросто складывались отношения, она всегда была папина дочка, ей скоро 13, и сейчас мы стали даже ближе, переписываемся — хотя не как мама с дочкой, а как подружки.

Когда я бываю в России, приезжаю к детям в Рязань. Либо дети приезжают на каникулы в Москву и останавливаются у бабушки со стороны папы, и мы с ними видимся. Сюда он их категорически не отпускает, боится, что с ними может что-то случиться: гнилой запад, п*доры, детей воруют и проч.

Бывший муж сейчас под запретом. Поет в одном храме в Рязанской области и выполняет всякие поручения настоятеля — это, конечно, деньги небольшие, но есть еще московские детские пособия. Я иногда посылаю по мере возможности — доход у меня не регулярный. У него довольно быстро появилась женщина — я так понимаю, они и раньше были знакомы. Он до семинарии занимался бальными танцами, и в какой-то момент стал ходить в танцевальную студию, но скрывал это, считал, что священнику это не пристало. Там они и познакомились. Она очень хорошая, мы с ней дружим.

А у меня здесь, в Ирландии, есть человек, которого я люблю. И это взаимно.

Были периоды, когда кроме как к Богу, обратиться больше было не к кому, и тогда я поняла, что у меня рождается какая-то настоящая, не антуражная вера.

Схиигумен Сергей Романов: «Приходи ко мне»

Однажды я была в аэропорту, собиралась в Ирландию, зарегистрировалась на рейс, смотрю — стоит схимонах. Отлично, думаю, сейчас пойду благословлюсь. Слово за слово: кто такая, куда летишь, зачем? Вот, говорю, лечу в Ирландию, любимый человек у меня там. «Нет, — говорит, — не надо замуж выходить, ни с кем не спи, приходи ко мне». И позвал меня в свой монастырь под Среднеуральском. Это был Сергей Романов. А я вспомнила, что хотела в монастырь еще до замужества, и будучи замужем тоже порой хотела, и думаю: вот он, знак свыше! У меня и папа был Сергей. И старец этот такой благообразный, думала даже, вдруг мне Сергей Радонежский явился. Потом погуглила — есть такой, схиигумен Сергей Романов. Он такие еще странные слова сказал: приезжай ко мне, у меня все для тебя уже готово. Вспомнила, как мне Торик сказал — принесут тебе апостольник и скажут «вот тебе», и никуда уже не денешься. Все сошлось. И в монастырь этот женщины с детьми уходят, вот думаю, и детей заберу туда.

Через три месяца я вернулась из Ирландии, еще раз созвонилась с Романовым, он сказал опять, что все у него для меня готово. А я тогда как раз поссорилась со своим любимым, и подумала: ну вот, все сошлось. Как Господь сказал Аврааму: принеси Исаака во всежжение, так и я должна была оставить своего молодого человека и уйти в монастырь. И я поехала. Уже была готова, что меня с порога постригут. Но как-то не сложилось — вроде мест нет, с Украины беженцы понаехали. Я неделю прожила на послушаниях — то храмы мыла, то посуду, то псалтырь читала, ну и отправил он меня обратно. Говорит, молись, чтобы корпус построили и появились места. Да я и сама чувствовала, что место это не мое. Там такие странные вещи проповедовали: спать в платке, перед причастием зубы не чистить... Я поняла, что даже если постриг приму — все равно хочу в Ирландию. Наверно, Господь меня вывел оттуда.

Я независимая христианка

Как сейчас складываются мои отношения с РПЦ? Мне с детства всегда нравилась западная культура, но это же все было плохо и неправильно, это же еретики, поэтому я в своих привязанностях даже каялась на исповеди.

Наблюдая сейчас со стороны всю эту историю с Константинополем, я в РПЦ не хочу. Я поняла, что церковь — это не РПЦ, это Тело Христово. Это люди —

вне зависимости от того, католики они, протестанты или православные. Можно сказать, что я экуменист, или, как одна моя подруга говорит, независимая христианка.

Мне по культуре ближе все-таки католики, хотя я себя католичкой не считаю. Я христианка и мне этого достаточно. А ходить могу куда угодно — хоть к православным, хоть к протестантам, хоть к католикам — только не палиться. В Ирландии я стала ходить в католический храм — сначала просто посидеть послушать.

У католиков я уже причащалась — облатками. А тут прочитала, что можно и под двумя видами причащаться. Подошла к священнику, спросила, он сказал, что можно, и Папа так советует, но устоявшуюся традицию изменить сложно. Теперь причащаюсь под двумя видами. Я думаю, что к католикам меня Господь направил.

А мама хоть и была православной, но не на тему юбочек-платочков, она стремилась к Богу, Им жила, но в рамках православия. У нее была живая вера. Она говорила, что РПЦ — это не православие. Но некоторый прессинг моя сестра испытывала, мама воспитывала ее строго. Поэтому, когда этим летом наша мама погибла, несмотря на трагедию, сестра почувствовала себя свободней. Говорит, что находится в активном поиске — ищет Бога. Она ушла от строгого православия, у нее есть друзья, которые дома хлебопреломление совершают.

P.S. У меня нет никаких претензий — ни к Торику, ни к Сергию, вообще ни к кому. Все, что со мной было — даже то, что плохо и неправильно, от этого все равно была какая-то польза.

Интервью на разные темы

Ксения Волянская

[ЦЕРКОВЬ ДОЛЖНА ПРИВОДИТЬ КО ХРИСТУ, А НЕ К УКРАИНЕ, РОССИИ ИЛИ АМЕРИКЕ](#)
До эмиграции в США Ксения Кириллова работала в Екатеринбургской епархии, региональных и православных СМИ, сейчас (интервью записано в августе 2017 г.) она — автор нескольких служб Радио Свободы (русской, украинской и крымской). Мы познакомились, когда я работала на епархиальном радио, записали несколько передач. Недавно мы пообщались

по скайпу, и Ксения рассказала «Ахилле», каким ей видится православие в Америке, как относятся христиане к Трампу и что она думает о происходящем в РПЦ на родине. Но сначала — о ее первых шагах в Церкви.

Это было чудо, что я удержалась в Церкви

Можно сказать, что мне колоссально повезло, потому что у меня приход к вере произошел в каком-то смысле «от головы», уже в сознательном возрасте. В самом начале воцерковления (это был последний курс вуза, 2005–2006 гг.) я читала и митрополита Антония Сурожского, и книги Льюиса, вроде знаменитой «Просто христианство».

Наш Екатеринбург всегда был достаточно секулярным регионом, где, к счастью, долго не приживалось «государственническое» православие. Быть православным в тот период еще не считалось престижным. У городской администрации были конфликты с РПЦ, в городе всегда существовало сильное гражданское движение, тоже секулярное. В этом плане выбор веры был не данью моде, а именно сознательным выбором. Еще был жив патриарх Алексий, и потому не наблюдалось такого лоббирования церковных интересов. Зато существовала достаточно интересная и разнообразная церковная жизнь.

Однако мое воцерковление безоблачным не было, негативные явления были первым, что я увидела в церкви, именно это дало мне серьезную прививку в дальнейшем. Речь идет о сотрудничестве с сектоборцами Александра Дворкина. У нас в Екатеринбурге был их филиал в Миссионерском отделе епархии во главе с Владимиром Зайцевым.

Проблема манипуляции существует не только в религиозной сфере. Мне кажется, что проблема с «сектами» чем-то похожа на ситуацию с семьей. Совершенно нормально признавать право людей создавать семьи. Все мы понимаем, что люди часто бывают счастливы в семье, и институт семьи очень важен. Однако это совершенно не значит, что мы не должны помогать пострадавшим от семейного насилия. Так и здесь — наряду с тем, что есть люди, которых определенная организация спасла, например, от алкоголизма и беспорядочного образа жизни, есть и те, кому там плохо, и они хотят уйти — им нужно предлагать соответствующую психологическую помощь. А запреты нужны только в случае каких-то страшных организаций, типа Аум Синрикэ, которые приводят к убийствам или самоубийствам.

Мне попадались протестантские пасторы-мошенники — равно, как бывают и православные священники-мошенники. И у них были настоящие жертвы. Именно потому я и начала общаться с Дворкиным на раннем этапе — я видела, что проблема существует, и мне хотелось помочь тем, кто ее решает. Для меня тогда эта деятельность воспринималась так, как она на тот момент преподносилась Дворкиным — как правозащитная, что мы в первую очередь помогаем пострадавшим, которым не помогает никто.

Но проблема в том, что организация Дворкина сама, как свойственно «сектам», представляла собой большую разницу между тем, как это презентовалось вовне, и тем, что было внутри. Потом выяснялось, что Дворкин и его последователи объявляли практически все организации, которые не являются православными, тоталитарными сектами, утверждали, что люди в них поголовно страдают, а потому их надо запрещать, а руководство сажать. Конечно, в ряде случаев это просто не соответствовало действительности.

Я не слышала о помощи людям со стороны самого Дворкина, но я знаю, что некоторые центры в отдельных городах действительно консультировали тех, кто к ним обращался. Однако я довольно быстро поняла, что процент, который включает в себя реальную помощь пострадавшим людям и непредвзятое изучение вероучения той или иной религиозной организации, минимален. В остальном же Дворкин и его последователи допускали и клевету, и откровенно непрофессиональные оценки тех или иных организаций. Часто использовались клише, травля, иногда даже фабрикация каких-то документов для судов. Проще говоря, у них считалось, что цель оправдывает средства.

Эта идеология борьбы была первым, что я увидела в Церкви. Именно тогда я узнала явление, которое сегодня становится повсеместным в РПЦ, — подмену веры деструктивной идеологией. Это было чудо, что я удержалась в Церкви — благодаря Божьей помощи и каким-то знаниям о вере я смогла понять, что это ненастоящее христианство.

Я рассталась с Дворкиным и его последователями сразу же, как только поняла, что происходит в его организации. Мне был всего 21 год, когда я начала с ним общаться, и это общение заняло не больше полутора лет. Потом какое-то время я еще работала с пострадавшими, но, конечно, совсем не по дворкинским стандартам. Я старалась всегда максимально детально

разобраться в ситуации. В 23 года у меня уже было много друзей среди протестантов, особенно адвентистов и пятидесятников, и мы честно решали вместе с ними возникающие проблемы.

Помню, в 2009 году ко мне обратились пострадавшие из Новосибирска, жаловавшиеся на недопустимые вещи, творимые местным пастором. В таких случаях я могла напрямую позвонить, допустим, заместителю руководителя одного из пятидесятнических союзов Павлу Баку и спросить: «Павел Анатольевич, что у вас творится, люди жалуются». В ответ он сам попросил меня разобраться.

Я поехала в Новосибирск за свой счет, встретилась с пострадавшими, разбиралась в происходящем, и поняла, что все жалобы подтверждаются, о чем и сказала самому Павлу Баку с просьбой принять меры. Кстати, он всегда внимательно прислушивался к моим словам, потому что знал, что я работаю честно и не получаю денег ни от каких правозащитных структур или религиозных организаций, в принципе ни от кого. Я понимала, что в случае, если руководство союза не заступится за людей, они вправе обратиться в полицию. Но некоторые из моих друзей-пятидесятников из адекватных церквей, узнавая об этих проблемах, приходили в такое негодование, и так сочувствовали пострадавшим, что тоже помогали им. У меня до сих пор есть друзья-протестанты, некоторые из них уже живут в США, с которыми, как оказалось, мы помогали одним и тем же людям! Так что религиозный мир сложнее и разнообразнее, чем его пытаются представить разного рода «борцы».

После истории с Дворкиным, к счастью, я увидела, наверно, самое лучшее, что было в Церкви. На тот момент это лучшее в нашей Екатеринбургской епархии было определяющим, а сектоборчество — как раз маргинальным. Я говорю о молодежных клубах при храмах: все разные и каждый по-своему хорош, в них велась социальная, просветительская, образовательная деятельность. Я четыре года работала в Молодежном отделе епархии, который занимался в том числе и координацией работы этих клубов, и потому хорошо их знаю. Это было несколько лет замечательной жизни.

На тот момент в секулярном обществе Церковь была непопулярна, нужно было с нуля восстанавливать имидж, испорченный Миссионерским отделом Зайцева. Мы приходили в вузы и пытались объяснить, что теперь все будет по-другому, без скандалов, склок и сутяжничества. Нас принимали не

потому, что так было велено, а потому, что мы предложили отличную интеллектуальную игру и программу социализации детдомовских детей, в которой могли поучаствовать и студенты-добровольцы. Важно было преодолеть недоверие людей, явить личный пример. Тогда мы действительно чувствовали себя Церковью. Кроме этого, мы совместно с Катехизаторским отделом разработали прекрасную систему катехизации из 12 бесед.

Мы были против профанации таинства Крещения и постановки его на коммерческую основу. Если люди приходят креститься не по религиозным мотивам, а, допустим, потому, что они русские, то предложение бесед такой человек воспринимает как отказ в крещении. Проходить беседы он не готов, он уходит, но на самом деле, в этом нет ничего страшного. Мы считали бóльшей бедой, если человек, будучи крещеным, продолжает жить во грехе, тем самым нарушая им же самим данные обеты.

Однако у нашей образовательной системы открылась еще одна сторона. Получалось, что если человеку отказывают в крещении по мотиву национальной самоидентификации, он перестает считать себя православным. Это уменьшает количество номинальных верующих и потому мешает выстроить госидеологию на почве Православия. Некоторые открыто упрекали нас в этом, однако епархиальное руководство в лице владыки Викентия нас поддержало.

Когда пришел новый архиерей, митрополит Кирилл, то произошло разукрупнение епархий, и общая система катехизации не сохранилась, хотя отдельные инициативы, конечно, еще оставались. Я помню, как все, что мы создавали, стало рушиться...

Сейчас у нас создается поколение номинальных православных. Количество осознанных верующих сокращается, спрос на религиозное образование падает, а поддержка внутри церкви агрессивных и связанных с государством групп, которые раньше были маргинальными, растет. Это, к примеру, движения «православных чекистов» — борцы не только с «сектами», но и с ювенальной юстицией, ЛГБТ-движением, феминизмом, современным искусством и т. д. Среди них всегда были любители «стучать» в разные правоохранительные органы на всех, кто им не нравится. Еще лет десять назад некоторые милиционеры жаловались мне, что не знают, что делать с такими жалобами.

Было больно видеть, как все стало меняться, хотя в епархии оставались хорошие люди, и мы до сих пор поддерживаем прекрасные отношения. В принципе, у меня, как и у них, была возможность остаться. Однако мне казалось, что я уже «переросла» молодежную среду, и я уволилась. К тому же на тот момент я уже занималась проектами, которые казались для меня очень значимыми, и у меня банально не хватало времени совмещать одно с другим. В 2011 году я уже работала в региональном филиале «Новой газеты», к нам обращалось много людей, пострадавших от произвола и коррупции, параллельно я работала еще на двух сайтах.

Интересно, что я выпала тогда на какое-то время из жизни православной молодежной среды, и потом, когда решила заглянуть в один из клубов в 2013 году, незадолго до эмиграции, я увидела уже совершенно новых, незнакомых мне людей. И по их разговорам я поняла, что если я сейчас скажу, что работаю в «Новой газете» — поднимется огромный скандал. Новая молодежь искренне считала всю оппозиционную прессу врагами, хотя они сами не понимали, почему так считают.

Я видела, как на глазах менялись настроения в церковной среде. Помню, когда возник православный корпус движения «Наши» в 2006–2007 году, эта инициатива встретила резкое неприятие у нас в Екатеринбурге со стороны той же «молодежки» Вознесенской церкви. Все понимали тогда, что это подмена веры идеологией, и немногие из ребят участвовали в этом, а кто участвовал, вскоре вернулись обратно. Сейчас, думаю, реакция была бы иной.

Церковь не должна быть привилегированной

Я вижу, что в России лучшие люди общества отторгают Церковь — это больно видеть, но это происходит чаще всего по вине самой РПЦ, солидаризовавшейся с преступлениями властей и не способной дать им нравственную оценку. Да, на фоне этого я вижу настоящих христиан, которые, например, поддерживали Соколовского, выступали в его защиту в суде. Однако их меньшинство, они гонимы внутри самой Церкви, и я понимаю, что они, к сожалению, не смогут повлиять на отношение общества к Церкви. И ответом на это может стать новый 17-й год.

Я давно убедилась, что Церковь не должна быть привилегированной. Иначе она просто перестает быть Церковью. Извращение вероучения, называемое

сегодня «ересь русского мира», та жуткая идеология, которая сегодня преподносится под видом христианства — это гораздо бóльший удар по Церкви, чем любые внешние гонения. Это справедливо для любой страны. Конечно, я не желаю Церкви гонений, хотя Христос и завещал, что она должна быть гонима. Но легкое недоверие общества к Церкви, то самое отношение чуть ниже среднего, как было у нас в Екатеринбурге — без всяких нападков, но в условиях реальной конкуренции — идет ей только на пользу, как показала практика. Для меня это был «золотой век» в развитии нашей церковной жизни.

Сейчас я не вижу в официальной РПЦ сил, способных проявить такую волю, чтобы выйти из-под контроля у государства. Даже за рубежом она превращается лишь в проводник идеологии. К сожалению, потом РПЦ придется нести ответственность за те действия властей, которые она сегодня так активно поддерживает. Это справедливо всегда, для любой церкви, в любой стране. Рано или поздно правда побеждает, и тогда наступает расплата.

Про ура-патриотизм в РПЦЗ, геев-алтарников и литургическую дисциплину в ПЦА

В Америке я с 2014 года, и могу сказать, что если в России еще можно было найти единомышленников, то здесь разнообразия в среде русского православия намного меньше, особенно после слияния РПЦ с РПЦЗ. После слияния приходы РПЦЗ тоже превратились в инструмент МП, а настоятелями соборов оказываются чаще всего «благонадежные» люди (а кто же отпустит других на важный пост за рубежом?). Под эгидой некоторых из них возникают ура-патриотические организации, какие-то казачьи школы...

Найти «приличный» храм РПЦЗ можно, но сложно. Чаще всего это храмы священников из эмигрантской среды, которые давно, еще до слияния, служили в Зарубежной церкви.

А вообще Америка прекрасна тем, что здесь много разных патриархатов и юрисдикций. Есть достаточно независимая Православная Церковь Америки, получившая в свое время автокефалию. У них, к примеру, есть приходы, очень близкие к РПЦЗ, где службы идут на двух языках — на церковнославянском и на английском, при том, что основная часть на церковнославянском (как и в местной русской церкви). Но встречаются и

приходы настолько американизированные, что вся служба идет только на английском. Правда, такие приходы есть не во всех регионах.

Очень интересная церковь есть на Восточном побережье. Служба там полностью идет на английском, и там причащаются и даже алтарничают представители ЛГБТ. У меня самой есть хорошие друзья ЛГБТ, и я никогда не смела осуждать людей за их личную жизнь, однако всегда говорила (и не скрывала этого от своих друзей), что христианство считает это грехом. Но в данном приходе придерживаются совсем иного мнения на этот счет. С одной женщиной-богословом мы говорили об этом, она привела множество богословских доводов, что прямых указаний на греховность таких отношений нет.

Я не берусь комментировать богословскую сторону этого вопроса, потому что сама такими исследованиями не занималась, но я видела людей, которые 30 лет живут в гомосексуальном браке, хранят друг другу верность и при этом ведут чисто христианскую жизнь. Они исповедуются, причащаются, и самое главное — в них действительно чувствуется любовь, смирение, благодать, принятие другого человека, глубокая церковность. Хотела бы, чтобы таких людей было больше, чтобы они могли повлиять на своих собратьев в этом комьюнити, чтобы те не вели себя вызывающе или агрессивно. Совершенно не нужно скрывать свою ориентацию, но ведь это в любом случае не определяющая характеристика человека, точно так же, как вопрос замужества или наличия детей — при любой ориентации. Важно, какой ты человек, какой специалист, какие у тебя моральные принципы и навыки. Ведь в цивилизованном обществе человека воспринимают в первую очередь так, как он сам себя позиционирует.

Православная Церковь Америки более общинна, прихожане более образованы. При этом они очень литургически дисциплинированы. Тебя не допустят к причастию, если ты опоздал на литургию, даже если готовился и с вечера был на исповеди. Но при этом нет такой привязки к исповеди, как у нас — к примеру, ты можешь исповедоваться раз в месяц, и при этом причащаться каждую неделю.

Христианство — это умение отказаться от «своей» стороны

Здесь есть и Украинская каноническая церковь — это ответвление Константинопольского патриархата. В Украину эта церковь зайти пока не

может, и это, к сожалению, по большей части политический вопрос. Как я понимаю, Константинополь боится конфликта с МП, считая Украину канонической территорией Москвы (*напомним, что это интервью 2017 года, до всех событий с автокефалией — прим. ред.*). Возникает странная ситуация — существует каноническая и при этом не московская украинская ПЦ, она представлена за границей, но ее нет в самой Украине. Кстати, приходов Киевского патриархата здесь практически нет. Те, для кого важен национальный момент, ходят в УПЦ. Однако я сталкивалась с тем, что в некоторых местах эти приходы начинают приобретать весьма националистический характер.

Вообще самая идея национальной церкви, на мой взгляд, несколько противоречива. Христианство по своей природе — наднационально.

Поэтому я считаю, что мой выбор, совершенный в начале русско-украинского конфликта, был в том числе и христианским. Когда ты сталкиваешься с правдой, ты не можешь против нее идти, ради этой правды ты отказываешься от всего, что тебе было дорого, к чему ты привык, от любимого, от родного, от того, что ты нажил за всю жизнь, от возможности вернуться на родину, от всего на свете. При этом неважно, какое у тебя гражданство. Христианство — это как раз умение отказаться от «своей» стороны, если ее поведение противоречит правде и нравственным установкам.

Церковь не должна быть проводником идеологии другого государства — это просто нонсенс. Но если она будет проводником идеологии твоего государства — из этого может получиться та же самая РПЦ, только с другим знаком. Церковь должна приводить ко Христу, а не к Украине, России или Америке.

Трамп как личность намного опаснее Путина

Здесь существует феномен, очень похожий на то, что мы видим в России. То, что мы здесь называем трампизмом, имеет широкую религиозную поддержку, правда, не православных, а харизматических и пятидесятнических церквей. Тем не менее суть та же самая — подмена веры деструктивной идеологией. Если у человека нет внутри глубокого, осознанного христианства, неотделимого в первую очередь от его моральной основы, уже неважно, что ты делаешь — кадиллом машешь или

кричишь hallelujah. В том и ужас, что это может случиться не только с РПЦ, это может случиться с любой церковью, любой христианской деноминацией, в любой стране.

Трампизм дискредитирует христианство не меньше, чем путинизм. В результате в глазах многих людей христианство становится символом подлости, ненависти, лжи и мракобесия, потому что люди, называющие себя христианами, с его помощью оправдывают самое страшное — ложь, клевету, подлость, какие-то мафиозные сговоры с враждебным государством, коррупцию, оскорбления и травлю людей, пропаганду ненависти.

Безусловно, интеллигенция не поддерживает Трампа в принципе, независимо от религиозных взглядов. Интеллектуальная элита, российские диссиденты и легендарные советские диссиденты, живущие здесь, в ужасе от того, что сейчас происходит. Мы не могли представить, что это зло настигнет нас здесь.

Трампа не поддерживает большая часть украинской диаспоры, хотя украинцев с советским менталитетом он вполне устраивает. Но они, скорее всего, поддержали бы и Путина, если бы он был президентом Украины, а не России. В религиозном плане электорат Трампа — это в основном крайние харизматы, у которых все построено на эмоциях. Это напоминает обрядоверие в РПЦ, без глубокой христианской основы, и оно легко начинает служить оправданию самого страшного зла.

Трамп совершает вещи, совершенно неприемлемые в Америке. Фактически, он меняет эту страну до неузнаваемости, пытаясь превратить ее в пародию на современную Россию.

При этом трамписты полностью повторяют традиции российской пропаганды: вначале идет ложь, полное отрицание фактов в стиле «их там нет». На людей, разоблачающих правду, будь то журналисты, американские спецслужбы или сами свидетели выходок Трампа и его окружения, направляются потоки клеветы. Пропагандисты утверждают, что все они — «фейк ньюс», проплачены Соросом (сравним с российским — «проплачены ЦРУ»), демократы и либералы, и потому ненавидят Америку, даже то, что критики Трампа на самом деле — скрытые путинисты.

В ход идут теории заговора, конспирологические мифы о таинственном «Deep state» (по факту, та же конструкция, что и мифическое «Мировое

правительство» в российской пропаганде). Фактически, Трамп пытается уничтожить американские институты, и главная его цель сейчас — это пресса, суды и правоохранительная система. Вспомним, как в мае он уволил директора ФБР, который проводил расследование в отношении его связей с Россией. Потом, под весом доказательств, Трамп и его подельники вынуждены были признать, что выдвинутые против них обвинения были правдивы, однако это их не смущает, и никаких извинений за свои прежние утверждения они не приносят.

Эта пропаганда в корне разрушает американские ценности, и правда перестает иметь ценность как таковая, она теряется среди тысячи лживых версий и клеветы, и каждый уже верит в то, во что ему больше нравится.

Более того, чем страшнее выходки Трампа, то есть чем больше то зло, которое эти люди хотят оправдать, тем страшнее, беспочвеннее и нелепее становится клевета, которую они распространяют. Поэтому именно с христианской точки зрения трампизм страшен полной моральной деградацией как минимум части американского общества.

На Страшном Суде нас не будут спрашивать про политическую позицию, а будут смотреть на устроение сердца — не за кого мы были, а почему. Но когда ты сталкиваешься с тем, что человек узнает правду, и сознательно выбирает ложь по самым подлым мотивам — это действительно страшно.

В России я тоже часто видела людей, которые сознательно выбирают подлость. Бывает, ты споришь с человеком и видишь, что в какой-то момент он признает твою правду, осознает ее, а потом прямым текстом говорит: а мне все равно, пускай это подлость, но нам это выгодно геополитически. Выгодно убивать, клеветать, разрушать и гнобить. В этот момент и происходит нравственный выбор.

И если после осознания правды человек не раскаивается, а продолжает сеять ложь, он быстро начинает деградировать. То же самое я вижу в Америке в некоторых республиканских фанатиках, понимающих правду, но потом идущих вразрез с нею. В этот момент они, фактически, предают свою страну. Партийная верхушка делает это ради власти и денег (кстати, в кулуарах функционеры Республиканской партии сами весьма цинично признавались мне, как они ненавидят Трампа и его обезумевший электорат). А обыватели часто поддерживают его только ради своей ненависти к демократам, ради

удовольствия ежедневно гнобить тех, кого совершенно иррационально демонизировала республиканская пропаганда.

Если почитать то, что пишут эти люди, складывается ощущение, что президентом Америки является Обама или Клинтон, но никак не Трамп, выходки которого тем временем почти ежедневно позорят страну перед всем миром. Они действительно живут в какой-то альтернативной реальности. Эти люди выработали иммунитет к любым фактам, они готовы признавать нормальным даже совершенно недопустимые вещи. Они признают только один вариант реальности — тот, где во всем виноваты их противники, и не гнушаются никакой ложью, чтобы создать для себя такую реальность вопреки всему, что происходит на самом деле.

Для меня оказалось сюрпризом, что вербовка «на ненависть» для некоторых людей намного эффективнее, чем, допустим, вербовка за деньги. Радует только одно — по результатам опросов, Трампа поддерживает сейчас не более 36%, и это количество не растет, несмотря на беспрецедентную ложь, распространяемую его командой.

Трампа поддерживают прежде всего малообразованные люди. Они ничего не понимают в экономике, не видят естественных законов рынка, и падки на популизм. Они искренне считают трамповский необольшевизм воплощением капитализма (хотя как человек, борющийся с законами свободного рынка и развитием новых технологий, может вообще считаться капиталистом?).

Эти люди кричат, что они против социализма, и сами не знают, что понимают под этим словом. Более того, большинство из них живут на пособия и пенсии, выплачиваемые за счет наших налогов, и пользуются медстраховкой, введенной для них Обамой. Жители Калифорнии и других технологически развитых «донорских» штатов США давно говорят, что главным шагом по борьбе с «социализмом» должно стать перераспределение наших доходов — отправка их не на пенсии и пособия тем, кто нас ненавидит, а на выплату зарплат мексиканским рабочим, которые хотя бы не клеветают на тех, кто их кормит.

Нужно понять одну простую вещь — Трамп как личность намного опаснее Путина. То, что его правление пока не привело здесь к тем же последствиям, как действия Путина — это заслуга американской системы. Ему просто не

дают делать то, что ему хочется. Если бы такой Трамп пришел к власти в России, где нет никаких сдерживающих институтов, и где он смог бы воплотить в жизнь все свои угрозы — страшно представить, что случилось бы в такой стране. С другой стороны, если бы Путин стал президентом США — я допускаю, что ему бы здесь никто не дал развернуться, и он бы спокойно отсидел свой срок, войдя в историю как обычный, ничем не примечательный, но нормальный президент. Путин по своей сути — «серая мышь», довольно заурядный аппаратчик. Трамп — это разновидность того же самого зла, но он морально неустойчив, идет напролом, и потому, возможно, более опасен. Однако суть явления при разнице психотипов и «исполнения» — одна и та же.

У меня нет никаких политических предпочтений, и среди моих друзей немало честных, умных консерваторов, а большинство из них и вовсе не вовлечены в политику. Но здесь для меня в первую очередь нравственный вопрос: о допустимом и недопустимом, о масштабе зла, вреде ненависти и клеветы, лжи и коррупции. Да, честных политиков практически не бывает, но степень лжи и некомпетентности, демонстрируемая Трампом, ужасающая. Такие люди, придя к власти, могут изуродовать страну до неузнаваемости.

В итоге ситуация с Трампом стала для многих нравственной, а не политической. В эмигрантской среде тоже наблюдается раскол. Впервые за долгое время стали рваться отношения из-за формально «политического» вопроса. Такое наблюдалось в русскоязычной диаспоре в 2014 году. Тогда украинцы отделились от русской общины, а трампизм лишь усугубил разделение людей. И причина не только в том, что выходцы с постсоветского пространства «не толерантны». Корни проблемы глубже. Русско-украинская война — это реальные страдания, реальная боль, реальные смерти. Диктатура для нас — это тоже не просто слова, это личная боль и личные страдания.

Русские диссиденты уже были один раз жертвами пропаганды, травли и клеветы. Ложь, навешивание ярлыков, угрозы, хамство, клеймо «врагов народа», переворачивание реальности с ног на голову, оправдание зла, выставление черного белым — мы все это уже пережили в России. И мы знаем, к чему приводит эта ложь: к смертям, убийствам, войне, к изменению страны, которую мы любили, до неузнаваемости. У многих из нас, в том числе у меня, погибли близкие друзья. И потому видеть тот же кошмар в

Америке (без таких последствий, но такие же по сути явления) — для нас это личная боль, повторение уже пережитой травмы, которая здесь представлена в каком-то совершенно уродливом, карикатурном виде. Остается надеяться, что американская система окажется достаточно сильной, чтобы не дать трампизму разгуляться в полную силу.

Мне хочется верить, что любая правда ценна пред Богом, Христос, в которого мы верим, не может быть на стороне клеветы и ненависти.

Ксения Волянская

[НАШЕГО БАТЮШКУ ПЕРЕВОДЯТ! ЧТО ДЕЛАТЬ?](#)

Мы часто слышим истории разной степени драматичности о том, как священника, много лет трудившегося на приходе, создавшего общину, внезапно и без всяких объяснений переводят на другое место. Это может вызывать и у него самого, и у прихожан ощущение полного бесправия. А какую стратегию поведения в такой ситуации может посоветовать психолог: священнику, прихожанам и — даже — гипотетическому архиерею? Об этом мы беседуем с опытным психологом, много лет помогающим священнослужителям, Натальей Скуратовской.

Худший вариант — начать войну

Наталья Скуратовская:

— Понятно, что у всех шок. Этот шок надо пережить и по возможности слишком не драматизировать. Слава Богу, все живы-здоровы. Прихожане могут продолжать общаться со священником, он может оставаться их духовником, они могут ему чем-то помогать на новом приходе, если их связывают близкие давние отношения. Родство духовное и душевное не разрывается от того, что кого-то куда-то перевели. И с нашими кровными родственниками, близкими друзьями мы тоже не всегда живем под одной крышей, но от этого не становимся менее родными. Когда запретили о. Зинона (Теодора) и отправили его в дальний скит в Гверстонь, то там вскоре построили прекрасный храм, в котором служили приезжавшие к нему в гости священники. Приезжали и бывшие прихожане, помогали достроить храм, он оставался их духовником — это продолжалось, пока он не уехал за границу.

Сейчас средства коммуникации развились по сравнению с девяностыми, и изолировать священника от общины невозможно — что бы там священноначалие себе ни фантазировало.

Стоит здраво обдумать реальное положение, которое сложилось — и у священника на его новом месте, и у общины. Как изменились условия его служения, финансовое положение — редко переводят туда, где это положение улучшается, если речь идет не о «карьерном росте», а о внезапном, без предупреждения, переводе.

Пережив первый шок, надо направить свои силы на то, чтобы стабилизировать ситуацию. Община в таких случаях скорбит, и есть порыв идти добиваться правды, причем у людей бывают какие-то фантастические иллюзии по этому поводу: «Архиерей не знает, какой у нас батюшка хороший, а вот если мы скажем архиерею об этом, то он тут же раскается и заберет назад свое решение».

— *И что прихожане делают?*

— Добиваются встречи с архиереем, еще с кем-то из церковного начальства, начинают писать обращения и выкладывать их в интернете в открытом доступе, пытаются не пускать нового священника в храм. Если говорить о том, чего нельзя делать, то самый худший вариант, когда священник со своей общиной объединяется и начинает воевать. «Это наш храм, мы в него не пустим этого назначенца». А новый священник часто — подневольный человек, которым просто заткнули дыру. Бывает, конечно, что это чей-то ставленник, карьерист. В любом случае начать физическую войну — это худший вариант.

— *Часто такое бывает?*

— Я знаю несколько десятков таких случаев.

— *Чем они заканчиваются?*

— А заканчиваются они почти всегда одинаково — батюшка отправляется либо в запрет, либо в такое место, где община до него не доедет, в условный «магадан».

— *Если община все-таки хочет за своего настоятеля воевать — законными методами, то что делать? Или лучше сразу смириться и понять, что все бесполезно?*

— К сожалению, законных методов нет. Наше каноническое право так устроено, что любое решение архиерея, любой указ, подписанный им, кто бы на самом деле ни принимал это решение, считается по умолчанию обязательным к исполнению. Архиерей, конечно, может изменить свое решение, но он никогда не сделает это под давлением. Так устроена церковная иерархия — чем сильнее народ будет давить на архиерея, тем больше у него будет стимулов подавить восстание.

— А как же декларируемый принцип, что владыка — отец, а паства — дети, к нуждам и просьбам которых папочка вроде бы должен прислушиваться?

— Он не «папочка» абсолютно. В такие моменты священноначалие как раз любит напоминать другую метафору — про армию, что Церковь — как армия. Генералу виднее, куда послать командира, а вы, рядовые, сидите, где сказали. И никакие семейные метафоры в таких случаях обычно не используются.

Как это бывает — на конкретном примере

Совсем недавно я была на приходском собрании по аналогичному поводу. Община лишилась своего настоятеля, который привел большинство из них в церковь, они здесь воцерковлялись, многие приезжали издалека именно на этот приход. При этом священник не замыкал их на себе, просто он такой человек, которому могли доверять даже люди, обиженные церковью. И на этом собрании как раз происходило противостояние этих двух картин мира: прихожане говорили, что у них отца отняли, а благочинный, который присутствовал на собрании, больше говорил про армию.

— А в качестве кого вы присутствовали на этом собрании?

— В качестве друга прихода и психолога. Я поехала, чтобы поддержать, меня пригласили люди из активных прихожан и из оставшихся клириков. В каком-то смысле — в качестве модератора, чтобы помочь не скатиться к скандалу и вбросить что-то такое в обсуждение, что даст больше шансов построить нормальные отношения с новым настоятелем.

— Предполагалась какая-то умиротворяющая роль?

— И умиротворяющая, и сказать что-то такое, что пригодится потом в практическом плане. Например, я предложила — и это было принято

начальством, — чтобы новый настоятель раз в месяц устраивал неформальные встречи с приходом. У них изменилась богослужебная практика, вся система отношений, у людей был шок. Настоятель молодой и неопытный. Это первое его назначение настоятелем, он вообще себя в этом качестве не представляет. Он боится сделать что-то такое, что будет расценено как непривычное, не одобряемое священноначалием. А на этом приходе традиционно по благословению настоятеля проповедь на евангельское чтение мог произносить мирянин — катехизатор, миссионер, первый помощник настоятеля.

— *А ведь в этом нет ничего странного, и удивительно, что это кажется необычным.*

— Для меня это совершенно нормально, и я тоже радовалась, познакомившись с этим приходом. Не случайно я стала другом прихода. Сначала я попала к ним на фестиваль, потом они меня пригласили пообщаться с прихожанами, мы начинали с темы церковных манипуляций. Первая встреча была, когда они меня пригласили в Неделю Торжества православия, и мы с настоятелем так сформулировали тему беседы: «Искренность и манипуляция в Церкви. Как выжить в современной церкви и не повредиться рассудком».

В данном случае ситуация развивалась нетипично. Настоятель попросил не устраивать революций — потому что некоторые горячие головы хотели перекрывать шоссе — а это небольшой подмосковный город — чтобы вернуть настоятеля. Настоятель просил всех принять его перевод как волю Божию — и услали-то его не так далеко, за 35 км, ну деревня, ну вторым священником. Он пытался до них донести, что все живы-здоровы, не надо устраивать войну. А мне некоторым уже приватно пришлось говорить то, что отцу настоятелю было сказать неудобно: что их «революционная активность» может привести к его запрету. Люди жили немножко в «заповеднике»: любовь, семья, все братья и сестры во Христе, отцы. Пришлось им сказать «добро пожаловать в реальный мир», рассказать, как устроена система церковного управления. Чего на этом собрании объективно добились: во-первых, благочинный признал, что перевод настоятеля не означает разрыва духовных связей, что они могут ездить ему помогать, он может оставаться их духовником.

— *А что, он мог это запретить?*

— С точки зрения канонического права запретить он это не мог. Но в таких случаях бывает, что священника обвиняют в том, что он собрал вокруг себя секту, что он младостарец, ну и дальше на этом основании его можно отправить в запрет до покаяния, которое будет выражаться в том, что все его духовные чада рассеются. Таких случаев тоже бывало немало, поэтому тут важно было официальное поощрение того, чтобы не разрывать духовных связей, оставаться одной семьей. Помогать ему на новом месте служения, в то же время не обижать новенького.

— *Удалось на собрании как-то людей успокоить?*

— На собрании у людей была возможность выплеснуть совсем уж негативные эмоции в формате «не могу молчать», но удалось удержать эти эмоции в рамках цивилизованного обсуждения, у людей появилось пусть смутное, но понимание как жить дальше. Обдумывание и обсуждение потом продолжилось уже неформально, в соцсетях и частных беседах. Стало выкристаллизовываться какое-то будущее. В таких случаях переживания людей развиваются по тем же стадиям, как при любой утрате. Шок, потом признание факта, потом гнев, вина либо торг, в данном случае однозначно торг. Потом плохо-грустно, депрессия, потом принятие. Если говорить о нашем современном церковном контексте, то такие собрания полезны только для того, чтобы люди могли выплеснуть эмоции и попробовать договориться, а церковная кадровая политика определяется совсем другими соображениями.

— *На собрании был благочинный, насколько это необычно?*

— Уникальность ситуации заключалась в том, что это община устроила собрание и пригласила на него нового настоятеля и благочинного. Настоятель пытался говорить, что приходское собрание должно собираться по его благословию, а он не благословлял, на что ему было сказано, что это собрание членов прихода и друзей прихода, которые ждут разъяснений: «Вы можете прийти, но мы и без вас соберемся, если не придете». Такое же приглашение было отправлено и благочинному. Допускали вариант, что он не приедет, ситуация нетипичная. Это было под Вербное воскресенье, он пытался перенести собрание на дни после Пасхи. Но в результате благочинный приехал послужить всенощную в храм и потом как бы заодно пошел на приходское собрание.

— Он объяснил прихожанам причину перевода?

— Нет. Он намекал, что батюшка хороший священник, духовник, но не очень хороший администратор. Все, конечно, посмеялись вслух, потому что этот не очень хороший администратор принял приход, на котором было человек 50 и полуразрушенная церковь. За 14 лет там отреставрирована церковь, построен четырехэтажный приходской дом, чего там только нет — это и культурный центр, и гимназия, и гостиница, где могут переночевать приглашенные люди, то есть там крепкое хозяйство, несмотря на то, что сам батюшка бесребреник. В силу своей общительности и энергичности он привлек спонсоров, которым было просто интересно в этом участвовать, такой вот живой приход.

Кто-то на собрании высказал сомнения, что тот молодой священник, которого назначили — хороший хозяйственник и организатор.

Потом была озвучена версия, что это за то, что бывший настоятель отпел одного пожилого священника и не сообщил о его смерти в епархию. Якобы владыка Ювеналий обиделся, что не дали попрощаться, они были знакомы еще с семинарии вроде бы. Приход об этом священнике заботился, его навещали, поддерживали финансово, в то время как епархия о нем забыла. Я предполагаю, что владыка Ювеналий может быть и не в курсе, что есть такая версия. Благодичный, конечно, говорил: «я не знаю, чем руководствовался владыка, я не могу обсуждать его решения». На что прихожане сказали, что вообще-то за все эти 14 лет владыка ни разу не был в этом храме, значит, знает о ситуации с чьих-то слов. Это, конечно, понятно, Московская область — это 2000 священников, правящему архиерею жизни не хватит, чтобы посетить хотя бы по разу все приходы. Начали наседали на благодичного: «может вы до него донесете?» Людям свойственно верить в доброго царя-батюшку, который не знает, что творят злые бояре, а если ему рассказать, он поможет и спасет. Благодичный не взялся, конечно.

— Просто отказался передавать слова прихожан?

— Он сказал: «Я не думаю, что наш архиерей принимает необоснованные решения, руководствуясь недостоверной информацией, надо уважать церковную иерархию, надо уважать промысл Божий».

Бороться, унывать или найти что-то хорошее?

— *Как священнику справиться с чувством несправедливости происходящего?*

— Я знаю случаи, когда разрушали приходские дела, сиротский приют при приходе, например, мы это помним по историям о. Павла Адельгейма и о. Михаила Шполянского. Когда деятельность прихода связана с людьми, которые не могут за себя постоять — это трагично вдвойне. Когда обычный приход — да, это больно, обидно, потому что столько лет, сил, души вложено и в общину, и в храм, и есть ощущение, что все это отобрали и это ужасно несправедливо. Обычно я советую — в личном разговоре это звучит менее пафосно — вспомнить о том, что на земле мы пришельцы и странники. Ну да, отобрали большой хороший приход, отослали в деревню. Но в этом есть и хорошие стороны — наконец-то можно отдохнуть, собраться с мыслями, прийти в себя, остановиться, наладить свою внутреннюю жизнь, возможно, семейную. Не секрет, что у активных батюшек, которые всем уделяют внимание, в семье довольно часто сложно, потому что свои собственные дети папу могут и не видеть неделями, он уходит, когда они спят, приходит, когда уже спят.

Нет худа без добра — это первое, о чем стоит подумать. Сказать себе: «да, несправедливость, да, обида, я имею право это чувствовать, но давайте посмотрим, вместо того чтобы себя растравлять, что из этой ситуации можно выжать хорошего», и во-вторых — как компенсировать самые очевидные минусы.

— *Какие бывают типичные реакции российских священников, из тех вариантов, которые вы лично знаете?*

— Первый вариант я уже обозначила — восстать против несправедливости. Священники тоже порой бывают наивные, думают, что если весь приход станет за них горой, то архиерей убоится и передумает. Вариант — организовать чуть ли не вооруженное сопротивление, поднять общину, или ту часть ее, которая за батюшку, — и это часто приводит к расколу в общине.

Второй тип реакции — впасть в уныние. «Ну вот, я так и знал, что в этой церкви...» Соответственно — обесценивание церкви, церковности, иногда себя как пастыря, защитный цинизм.

Третий тип реакции — найти что-то хорошее. Так бывает, если у человека это уже не первая потеря в жизни, либо — легкий характер. «В деревню

отправляют? Отлично! Годами не успевал съездить на дачу, а тут на свежем воздухе, много свободного времени, буду ходить на речку рыбу ловить, наслаждаться простой сельской жизнью».

Еще важно понимать, что все перемены в нашей жизни не навсегда: был один период жизни, сейчас другой.

В конце концов, если условия совсем невыносимы — и в наше время священники к этому стали относиться легче, — есть вариант, что можно подумать: а так ли необходимо оставаться священником, ему самому. Это его свободное решение. Священники любят говорить, что они «крепостные» — да, с точки зрения церковного права это так, но с точки зрения человеческого достоинства — нет. И любой священник может сказать: нет, по таким правилам я жить не буду, об этом мы не договаривались.

— *А какая реакция в последние годы чаще всего встречается?*

— Первая реакция встречается реже. Благодаря интернету, о таких историях знают, знают о том, что такие действия в большинстве случаев бесполезны. Поэтому либо уныние, либо обесценивание, либо поиск чего-то хорошего, либо уход из церкви. Но тут много зависит и от ситуации, и от причины произошедшего, и от отношений на приходе — есть ли там община или это просто приход, где отношения хорошие, но не такие, чтобы за батюшкой в ссылку отправились.

Зависит и от мотивации самого священника. В наше время намного менее драматично воспринимается добровольное снятие священником сана, или когда священник без всяких формальностей перестает служить. Лет 15–20 назад это воспринималось как «ужас, ужас», сам священник воспринимал это так, что, мол, чуть ли не в ад себя приговорил. Но, по моим наблюдениям, последние лет восемь ситуация меняется, лет пять-шесть об этом открыто говорят и пишут, и ситуация начинает восприниматься как данность — не очень нормальная с точки зрения церковного права и жизни самого священника, но не дискредитирующая священника, который так поступил. Раньше священник боялся оказаться изгоем — хотя есть, конечно, ревнители православия, для которых и монах, ушедший из монастыря, уже не человек, их бог — это Типикон. Но в целом в современной среде отношение стало более терпимое, понимающее, даже поддерживающее.

— Иногда бывают ситуации, когда священник при несправедливом переводе обращается к общественности, или его прихожане пишут коллективные письма — есть ли случаи, когда это помогло?

— Да, есть, но это бывает тогда, когда виден явный архиерейский произвол, нарушающий каноническое право. Известен случай с отцом Игорем Прекупом, который защитил свою прихожанку и ее детей от мужа-педофила, тот был из влиятельной в административных и церковных кругах семьи. И дело кончилось запретом в служении отца Игоря, его самого обвинили, что он чуть ли не в каких-то отношениях с этой женщиной. Тогда православная общественность подключилась и помогла, было это лет 6–7 назад. Церковный суд восстановил отца Игоря, хотя и велели примириться с архиереем, и перевели на другой приход.

Но тут важно, чтобы это был архиерейский произвол, который можно доказать фактами, а не просто ощущениями. Также нужно, если общественность взялась, то чтобы она уже не отступала — месяцами, а то и годами. Можно биться, если рассчитывать на такую поддержку. Но, как правило, это относилось не к переводам, а к запретам.

Новому настоятелю: быть открытым и ничего не менять

— Что вы посоветуете тому новому священнику, которого перевели на место батюшки, к которому была привязана община?

— В большинстве случаев для нового священника это тоже очень жесткая ситуация, если это, конечно, не архиерейский любимчик, которому просто «освободили» приход — тогда у него не возникает особых вопросов, как себя вести, налаживание отношений с приходом не входит в круг его приоритетов.

Но если новый настоятель действительно хочет стать не просто настоятелем, но и пастырем, выстроить доверительные отношения, то это возможно. Для это надо с самого начала быть открытым. Первое, что стоит сделать — собрать людей, изложить свою позицию, поделиться своими чувствами: что для него это тоже было неожиданным, шоком, его тоже сорвали с прихода, где у него были свои чада, которые тоже грустят. Это же цепная реакция — укрепление вертикали, разрушение горизонтальных связей, менять настоятелей, благочинных — это кадровая политика церкви, которая является продолжением принципа «разделяй и властвуй».

Иногда спрашивают: а почему перевели? А нипочему — чтобы и священники воспринимали себя временщиками, не строили отношений с общиной, и чтобы община воспринимала их как чиновников, а не как отцов.

Новому настоятелю стоит устроить собрание — достаточно неформальное, выслушать то, что хотят сказать прихожане, быть готовым к тому, что они будут говорить, как это все ужасно, несправедливо, да «кто ты такой, кого нам навязали». Надо не обижаться, понимать, что у людей шоковая реакция, что они могут в такой ситуации наговорить лишнего. Надо рассказать о себе.

Очень важно, принципиально — ничего не менять на приходе хотя бы первые три-четыре месяца, ни в укладе приходской жизни, ни в назначениях. Стараться поладить с теми людьми, которые есть, поддерживать имеющиеся традиции. Это помогает плавно выстроить отношения.

Но обычно бывает наоборот: приходит новый настоятель, там какие-то волнения, сопротивления, он думает: зачем мне это все терпеть? Приводит своих людей, а прежних убирает. Но даже если есть желание привести свою проверенную команду, то надо приводить не вместо, а вместе.

— *Обычно архиереи, приходя в чужую епархию, приводят свою команду...*

— Да, а старую разгоняют. Я четверть века занималась консалтингом, поэтому могу сказать, что это ошибочное решение с точки зрения управления процессами, и тем более пагубно с точки зрения духовной жизни — когда разрушаются те связи, которые выстраивались годами. Да, люди могут по-другому рассуждать — но их же надо переубеждать.

Некоторым новоназначенным настоятелям я напоминала анекдот: цыган смотрит на десяток своих грязных детей, роющихся в канаве, и говорит: «Ну что, жена, этих отмоем или новых родим?»

Полезные советы гипотетическому архиерею

— *Мы понимаем, что архиереи нас вряд ли читают, и советы ваши вряд ли услышат, но допустим. Священника переводят из-за срочной необходимости, без этого нельзя, но при этом община бунтует, народ волнуется. Почему в таких ситуациях архиерей сам лично не приезжает на приход и не пытается поговорить с людьми?*

— Да, это было бы самое разумное решение, которое сняло бы половину вопросов, но, видимо, архиереи, во-первых, считают, что не княжеское это

дело (они же «князья церкви»), а во-вторых, зачем? — я же приказал, а они должны исполнять.

— *Когда разделяли епархии, нас убеждали, что это для того, чтобы епископ был ближе к народу. Вот, казалось бы, способ быть ближе к народу...*

— Положа руку на сердце — нас в этом и не убеждали, нас поставили перед фактом.

— *И все-таки, что можно посоветовать гипотетическому архиерею?*

— Ну, для начала подумать, действительно ли есть церковная необходимость этого перевода, нельзя ли решить проблему другим способом. С точки зрения канонов, которые никто не отменял, но которые вышли из употребления явочным порядком, — ни священника, ни епископа без нужды не должны переводить.

Архиерею стоит подумать, правда ли это решение, которое ему кажется эффективным с точки зрения процессов, будет эффективно с точки зрения человеческих отношений.

Знаю такие случаи, когда по-другому поступить нельзя, кроме как перевести священника ради острой нужды. Вот пример: провинциальная епархия, все удалены друг от друга, а вокруг реального младостарца формируется секта, учение внутри начинают уклоняться от православного, местами вполне заметно. Этого священника предупреждают раз, два, в конце концов его запрещают, но он остается в том же селе. Понятно, что кого попало в такой ситуации в этот приход не назначишь. Священник должен быть опытным пастырем и дипломатически тонким. Поэтому такого священника в епархии находят и переводят, и понятно, что на прежнем приходе его любили.

Тут и сам священник понимал ситуацию, это не была закрытая информация в епархии. С батюшкой прихожанам было жалко расставаться, но была даже некоторая гордость за него — что, мол, только он способен справиться с этой ситуацией.

Итак, если есть объективная необходимость именно этого священника перевести. Во-первых — полная информационная открытость. Это мой первый нереальный совет архиерею. Чем прозрачнее принимаемые решения, чем более они обоснованы объективно, чем меньше они зависят от

настроения епископа, тем проще о них рассказать людям — и люди поймут. Не просто указ о переводе, а подробное разъяснение. Возможно, какая-то благодарность священнику, награждение, чтобы показать, что это не репрессия. Мы предполагаем, что наш теоретический разумный архиерей переводит не потому, что ему просто хочется унижить кого-то из подведомственных ему клириков.

Надо донести до прихода, что ситуация вот такова, приходится на это пойти. Что епархия понимает, что на какой-то период жизнь священника осложнилась, что архиерей готов поддерживать.

Если ситуация такова, что приход ропщет и бунтует, то стоит разок съездить — люди это ценят. И съездить не для того, чтобы сказать: вы все свиньи непокорные, забыли, что главная добродетель у нас — послушание, как некоторые архиереи говорят. Нет — объяснить причины, выслушать вопросы, предложения, пусть и бредовые, объяснить, почему так не получится, как люди предлагают — не унижая их, а учитывая, что прихожане совершенно не обязаны разбираться в церковном управлении.

Второе: стараться поддерживать возможность общения общины со своим бывшим настоятелем. Но тут тонкий момент: чтобы это было не в ущерб авторитету нового настоятеля.

Нормальные люди в этой ситуации договорятся: прежний священник будет приезжать в гости и служить с новым настоятелем, новый батюшка будет ездить в гости на тот приход, возможны межприходские проекты.

Эта та ситуация, которую я упоминала: когда священника перевели вторым в село, а на его место назначили из другого села молодого, который настоятелем не был. И еще пару-тройку священников в благочинии подвинули.

Конкретно в этой общине, которая упоминалась, новый настоятель мог бы налаживать отношения не только с общиной, но и с прежним настоятелем, тем более, что там нет никакой враждебности, они знакомы, все всё понимают, это не та ситуация, когда кто-то кого-то подсел.

Совет архиерею: развивать братские отношения между клириками в своей епархии, чтобы перевод не становился трагедией, не воспринимался как санкция.

— Теоретический архиерей, которому мы даем советы, — это некий сферический конь в вакууме. А почему это так, почему практически нет таких архиереев?

— Некоторое количество таких архиереев есть, но они в большинстве своем в местах отдаленных и не особо богатых. На Дальнем Востоке парочка есть.

— Если вернуться к рядовому духовенству, то как принимать понижение в должности — из настоятеля в простого клирика?

— Перевод из настоятелей во вторые священники тоже должен восприниматься не как репрессия: быть настоятелем в нашей РПЦ — это огромное количество административных, строительных и других обязанностей, которые собственно с пастырством не связаны. Я знаю некоторых настоятелей, которые отслужили не один десяток лет, и которые говорят: уйти бы в простые попы! В деньгах, конечно, потерять не хочется, но сил уже нет, глаза не глядят на епархиальные отчеты, все это взаимодействие со спонсорами, с тем же архиереем — священники морально устают.

Ксения Волянская

КОГДА Я «ОТКРЫЛА ЛИЦО» — ЭТО БЫЛО ОСВОБОЖДЕНИЕ

Полина Родимкина узнала о том, что у нее ВИЧ-инфекция, в марте 2002 года, в апреле ее официально поставили на учет. Она была студенткой, училась на юридическом факультете, ей было 22 года. О диагнозе ей сказали в женской консультации: «У тебя СПИД, ты умрешь». Сказали, что жить осталось максимум три года. Она попробовала алкоголь в 12 лет, а в 14 уже были запои. Потом и легкие наркотики пошли в ход. Заразилась от своего друга, который употреблял инъекционные наркотики. Родным не говорила долго. Через полгода рассказала старшему брату и попросила отвезти на кладбище, чтобы показать место, где ее похоронить... А потом была беременность. Пить бросила. Ее уговаривали сделать аборт, даже не рассказав о химиопрофилактике, которую беременные должны получать бесплатно. Потом препараты все-таки были назначены, и Полина родила здоровую девочку.

Ей назначили терапию, вскоре Полина стала «равным консультантом» — это человек, живущий с ВИЧ, который может поделиться своим опытом принятия своего диагноза и жизни с ним. «У меня на тот момент был такой в душе мир, покой и принятие: есть ВИЧ-инфекция, и слава Богу. Я согласилась», — рассказывала Полина. Все это происходило в Челябинске, и там же она решилась на жизнь с «открытым лицом». Потом был переезд в Екатеринбург, работа в Центре СПИДа, организация своего реабилитационного центра. Сейчас Полина работает в социальной службе одного из храмов Екатеринбурга, ведет беседы с зависимыми и созависимыми в уголовной инспекции. Полтора года назад мы встретились с Полиной впервые, на Правмире вышло наше с ней интервью. Но многое тогда осталось «за кадром» этой публикации, и я попросила Полину вернуться к нашему разговору.

Православный папа и ребенок-алкоголик

Мой отец, дед были православными — это кубанская, казачья ветвь семьи, по папиной линии. У бабушки с дедушкой был красный угол в хате, намоленная икона, горела лампада. Когда в девяностые стало можно говорить о вере, отец привез с родины свой крестильный крест. Помню, что в детстве он меня всегда притягивал — когда отец его снимал иногда, он лежал в хрустальной вазочке.

Как только в нашем районе появился православный приход, отец стал туда ходить. Он хотел окрестить меня и брата — помню с детства эти разговоры, но мама не давала. Отец мой был такой весь непринятый, немножко изгой, в вечном протесте. Очень не любил советскую власть, говорил про них «коммуняки». Вера у меня — от папы, мама до сих пор и не крещена. Хотя Пасха у нас дома была важнее Нового года.

Когда я училась в школе, в нашем славном граде сталеваров, нам на уроке истории — это уже было начало девяностых — рассказывали о православии. И меня страшно поразило, что люди могли забить человеку гвозди в руки — до боли и мурашек по телу. И это было примерно в то же время, когда я впервые попробовала алкоголь — лет в 12. А в 14 у меня уже были запои.

В семье была система диктатуры. Я должна была дышать, как велено, говорить, как велено, прическу носить, какую велено. Меня от этого ломало, я от этого бежала в бутылку. И отец мой делал так же — хотя алкоголиком он

не был — это я понимаю сейчас, как реабилитолог. У меня как — мама хорошая, папа плохой. И только когда его не стало, я поняла, что и не знала его, а видела мамиными глазами.

Трудно признать, что твой ребенок употребляет. У меня дома до сих пор не произносится слово «ВИЧ». Не произносится слово «терапия», на которой я 10 лет уже, а с момента заражения на днях будет 17 лет. Это называется «отрицание».

Я рада, что мы уехали с дочерью в Екатеринбург. На родине было бы намного тяжелее сохранять трезвость. Моя родня не готова принять мою инаковость, поддержать. Со стороны родни я видела в свой адрес только осуждение. Все комплексы, которые у меня были, — все из детства, от родственников. Не тот рост, толстенькая, тупенькая. Ярлык «тупая» повесила мне в первом классе заслуженная учительница, знакомая моей бабушки. И я с этим жила. Меня научили прогибаться — я всем говорила «да» и только себе говорила «нет».

Всю жизнь меня скручивали в бараний рог, не давали быть самой собой. Я так устала соответствовать чьим-то ожиданиям. Так устала пытаться оправдать и никогда не оправдывать чужих надежд. И когда я «открыла лицо» — это было освобождение. Это было все равно что показать всем «fuck». Безусловно, был в этом момент «сделать назло». С другой стороны — для меня это была терапия, я избавлялась от ложного образа себя.

Я — не жертва

Это был 2010 год, я работала в кризисной квартире, был такой проект в Челябинске для женщин, оказавшихся в трудной ситуации, — муж побил, идти некуда. У меня же и такой опыт был, но это отдельная история. Приехал 31-й канал, попросили меня на камеру выпить таблетки. Показали только мои руки, как я достаю таблетки, и дали мой голос за кадром. Но там были имя и фамилия. Я не помню реакции родственников. Сейчас я с большей бережностью отношусь к маме, а тогда — мы несколько лет не общались, и мне было плевать на реакцию родни.

Это был первый шаг моего отхода от образа жертвы, который был в меня вложен. Я не жертва. Ну какая я нафиг жертва — молодая красивая умная женщина, ребенок здоровый?

Почему я открыто говорю о том, что я что-то употребляла? Это не потребность душевного стриптиза или «смотрите, какая я сильная». Это про то, как не быть жертвой. Жертва что должна делать — страдать. Ну вот и квасят, и колются. А я не хочу.

В Челябинске реакцией было только восхищение, уважение и благодарность — за все 8 лет. Было несколько моментов — когда люди не словами говорили, а глазами — это были люди из прежней жизни. С тех пор, как я сказала, что у меня ВИЧ — меня стало невозможно обидеть. И никто этого сделать не посмеет, равно как и мою дочь обидеть. Мы этого не боимся. А пока у меня не было этого принятия, пока я боялась — каждый мог плюнуть.

Сначала делай аборт, потом покрестишься

В храм я пришла после того, как сделала аборт. Я уже была трезвой на тот момент. Я понимала, что это вообще капец против Бога, что это преступление, хотя еще ни разу не православная была. Мне просто нравились купола, свечи, запах. И нравилось делать крестное знамение.

Так вот, я говорю своим на тот момент подругам — пойду покрещусь и сделаю аборт. Ты что, дура, говорят мне. Сначала иди делай аборт, потом покрестишься. Так я и сделала. Пошла в храм, куда ходил мой отец. Прошла огласительные беседы, ходила на них с дочкой. Ей тогда года четыре было. И в конце ноября — а летом был мой каминг-аут на телевидении — нас окрестили.

Я стала ходить на службы, меня тянуло. Но тамошнее духовенство меня совершенно не привлекало, вряд ли я могла кому-то из них довериться. Я все рассказала священнику, который теперь настоятель храма, в котором я работаю, — кто я, что я, сколько было абортов, насилия, воровства. Я видела, что он немного в шоке — внешней-то печати такого образа жизни у меня нет. На то, что у меня ВИЧ, батюшка спокойно отреагировал. Мы в очень добрых отношениях, можно сказать, дружеских.

Что касается прихожан — никакой брезгливости я не заметила, может, просто не видела. Меня стало напрягать внимание — это да. Особенно после того, как по городу чуть не год висели билборды с социальной рекламой и моим портретом. У каждого вдруг появилось, что мне сказать, стали подходить обниматься.

Думаю, что прежде всего сыграл роль авторитет настоятеля. Он с большим уважением относится ко всей моей деятельности, поддерживал меня, где мог. В течение нескольких лет я руководила реабилитационным центром «Шаги надежды», он мне помогал.

Мы пытались получить благословение владыки на то, чтобы центр назывался православным. Нас отправили к священнику, который считается гуру в реабилитации. Я, честно говоря, плохо понимаю, как священник может этим заниматься. Если он сам вырвался из плена зависимости — мне есть о чем с ним поговорить, а если он ходит, молится с теми, кто пережил или перекурил — ну здорово, что вы с нами молитесь, но все-таки надо понимать свое место, не стоит мне рассказывать, что вы круче, чем я. И вот этот гуру при встрече меня таким ледяным презрением окатил, с таким пренебрежением со мной разговаривал. И я думаю, тут причина проста — это презрение по гендерному признаку. И плюс мы для них конкуренты. Хотя что там наши 15 коек в сравнении с их мощной структурой, которая годами существует, — это какая-то неуверенность в себе, видимо. Мне странно — нам что, наркоманов с алкоголиками не хватит? И я для себя решила — к ним больше никогда. Работали мы еще год или полтора после этого, потом пришлось закрыться. И это тоже история отдельная.

«Эти с ВИЧ-то — они же голубые»: православные и ЛГБТ

Этой весной батюшка мне предложил сходить на собрание в епархиальную службу милосердия. И после собрания руководительница службы попросила меня остаться поговорить, потому что она впервые узнала, что я есть. И вот, когда она услышала от меня, что вообще моя основная задача — работа с ВИЧ-инфицированными, наркоманами и алкоголиками, она в лице переменялась и говорит: «Эти с ВИЧ-то — они же голубые». Буквально вчера мне один журналист говорил, что все изменилось и больше нет стигматизации ВИЧ-инфицированных. Да нифига ничего не изменилось! Это говорит руководитель службы милосердия и христианка!

А я, как пациент центра СПИД, считаю, что хорошо бы, если бы в каждом храме работал равный консультант. Я вот, например, предвзято отношусь к психологам и, наверно, не я одна, а в храм бы люди могли прийти. Но мне сказали, что служба милосердия занимается только стариками, сиротами и бездомными.

Еще случай, буквально на днях. Одна НКО выиграла грант, и проводит обучение для тех, кто занимается благотворительностью. Называется — «Школа развития НКО». Были там просто общественники, был ресурсный центр ЛГБТ, и православных много пришло. Как обычно, началось все со знакомства, все по очереди представлялись, сказали о себе ребята из ресурсного центра ЛГБТ. И один православный тут же начал их оскорблять. Его осадили. Я тоже заступилась, и добила их тем, что ВИЧ-инфицированная, думаю: «нас мало, но мы в тельняшках, мы вас сильнее». Нас, говорю, вичовых, в свое время так же притесняли.

Я за все натуральное, правда. Но кто дал право людей унижать? Где тут про любовь? На другой день я немного опоздала, и о том, что произошло, мне рассказали. Какой-то мужик из епархиальной структуры подходит к тренеру, — а тренер — нежная девочка, 38 размера, — и говорит, что они, православные, против присутствия этих ребят (а те, надо сказать, вели себя корректно, ничего не пропагандировали). Так эти православные стали угрожать, что напишут грантодателю, что, дескать, их грант используют на пропаганду гомосексуализма. Четверо из них демонстративно ушли. И я сказала тем из них, что остались: «Мне, глядя на вас, хочется покинуть эту церковь, которой я отдала 6 лет». Мне стремно с ними называться одним словом. Меня потом оборвали, а я хотела сказать, что грядет 1 декабря (Всемирный день борьбы со СПИДом) — для меня этот день о том, что нельзя унижать друг друга. Мы здесь собрались, творцы добра, и позволяем второй день вытирать ноги о тех, кто видит мир по-другому. И это им дал Бог. Мне так противно было от этого всего, я до сих пор не отошла, наверно.

Не хочу быть батюшкозависимой овцой

Если вы хотите привести людей к Богу и к миру — это одна песня. А вы ведете войну. Это агрессивное продавливание своего. Так не творится добро, не творится вера, так Бога не обретают, так Его начинают ненавидеть. Только дурак не очнется рано или поздно. А нормальный, думающий человек-то очнется, и тогда вся обида обратится на Бога, хотя у Него этого в планах не было.

Церковь — это здорово, но лучше всего было бы, если бы там просто молились тихонечко Богу, продавали бы свои свечечки, пусть даже безналогово, и принимали бы тех, кто приходит. Если бы это было все тихо и

скромно — был бы другой эффект. А когда Церковь начинает наступать на горло... где тут про любовь, про принятие, про прощение?

Меня держит в церкви священник, о котором я говорила, — не буду называть его имя, вдруг ему это повредит. Он прекрасный человек, и я ощущаю его поддержку. И думаю, что он исключение из правил.

Честно скажу, я и сейчас не особо вникаю — боюсь превратиться в фанатку. То православие, которое нам сейчас навязывают, оно не может сработать здесь и сейчас — другой век, другие люди.

Я вижу в прихожанах страшную «батюшкозависимость». Думаю: зачем я выздоравливала — чтобы одну зависимость поменять на другую? Я человек запойный, поэтому очень рискую. Почему много зеков приходит к вере? У них тоже психология «дайте мне».

Я убеждена, что до молитвы надо дорасти, особенно таким людям, как мы. Бог говорит: я вам предлагаю, а вы либо делаете, либо нет. Но Бог нам башку с мозгами выдал, если что. А если мне не позволено было иметь свое мнение, то кем я стану, когда попаду в религию? Фанатиком.

Когда зависимый человек приходит в церковь, он расшибает себе лоб, как тот дурак, и становится фанатиком. Я таких видела и среди протестантов — у них много бывших наркоманов и алкоголиков. Они пьяные Священным Писанием, молитвами. И нынешняя паства во многом — это не про Бога, а просто люди нашли чем заморочиться, чем занять свободное время и какие книжки читать.

Воротит от этих постных лиц, овцевого выражения глаз, блаженных улыбок, «с праздничком вас». Я не хочу такой быть. Я не готова стать одной из стада. Я слишком долго выстраивала свои границы. Я понимаю, что, если погружусь в православие, я буду просто продлять свое несчастье. Я снова загоню себя в рамки, кем-то продиктованные. Найду себе какого-нибудь бородатого чувака с хвостом, который будет не мыться, не бриться, и мы будем вместе ходить бить лбом полы? Нет, не хочу.

Для меня большое значение имеют слова: милосердие, забота о ближнем. Но глубоко погружаться в церковную жизнь я не хочу — я не надена на себя этот бесконечный платок, выражение лица постное. Для меня интимная жизнь — это не только делать детей, а получать удовольствие. Мне Бог дал тело, страсть. И я хочу прожить жизнь с радостью. И мне кажется, что когда я

к Нему приду, Он скажет мне: «Ну ты молодец! Ты все использовала, что Я тебе дал».

У меня всякие бывали ситуации со священством, иногда от их поведения глаза на лоб лезли. И сейчас я хожу на службу не к священникам. Я иду сказать Богу спасибо за прошедшую неделю. Стараюсь ни с кем не разговаривать. Хожу туда как на группу поддержки в АА (*Анонимные Алкоголики — прим. ред.*). Прихожу тютелька в тютельку и убегая сразу после окончания. Хожу не на каждую службу. Бывает, несколько пропускаю. Ну, неохота молиться. Я так говорю Богу: «Господи, Ты знаешь, что я Тебя люблю, и Ты знаешь, что я с Тобой. Ну не хочу я сегодня молиться, — и говорю Ему: — Будь со мной».

Вместо послесловия:

По поводу профилактики ВИЧ. Я тоже за верность, за то, чтобы один раз и на всю жизнь, я тоже за любовь, да еще желательно в Боге, но мы должны понимать, где мы сейчас находимся. Мы должны заниматься половым просвещением — не надо сразу так высоко, про молитву, духовность и прочее. Давайте научим людей хотя бы пользоваться презервативами. В конце концов, если вы говорите о профилактике аборт, так чтобы их было меньше — надо пользоваться презервативами. Надо их раздавать. Я дочери говорю — не спи со своим другом до свадьбы, давай честь по чести. Но если дело дошло до этого — пользуйтесь презервативом.

Ксения Волянская

[300 ШЕКЕЛЕЙ ЗА ЧУДО](#)

На днях (интервью записано в апреле 2018 г.) после долгого перерыва увиделась со своим однокурсником Славкой, который приехал в Екатеринбург навестить родных из Питера, где живет уже много лет. В смысле воцерковления мы шли с ним практически параллельными курсами. Помню, Слава приезжал лет 25 назад, мы сидели на лавочке в сквере, я была с коляской, в которой спал мой первенец. Славик недавно покрестился и был ревностным неофитом, а я только думала о крещении сначала дитяти, а потом и собственном. Читала Евангелие и «Розу мира», переписывала от руки молитвы. Тогда я была вегетарианкой, и Слава объяснял мне, что православие не имеет никакого отношения к

веганству, а один святой старец даже самолично резал и свеживал свиней. Почему-то это единственное, что врезалось в память из нашего, наверняка, очень духовного разговора.

Много с тех пор воды утекло. Мой приятель работал в церковной прессе на заре ее появления, учился в семинарии, бросил семинарию, занимался бизнесом, вернулся в семинарию заочно, трудился на ниве православного образования. А я воспитывала детей и работала на православном радио, откуда ушла совсем недавно, или меня ушли, сказать сложно. Но это уже другая история.

В первые же минуты разговор свернул на религиозную тему и выяснилось, что оба мы давно не постоянные прихожане.

— Вот скажи мне, — спросил Слава, — это Церковь изменилась или мы?

— Мы точно изменились, но и она изменилась, — говорю я.

Мы гуляли часа два, и за это время почти не успели поговорить ни о чем житейском, даже о детях — кроме того, что после нашего православного воспитания и его, и мои дети стали атеистами. Разговаривали только про нас и Церковь.

Слава вспомнил, как когда-то приезжал к нашему епископу Мелхиседеку, и тот принимал его в какой-то избушке в Березовском и сам наливал чай. Сейчас такого простого в общении владыку вообразить сложно.

А потом Слава сказал фразу, которую я последние годы видела написанной и слышала сказанной очень многими людьми, пришедшими к вере в девяностые:

— Никогда не думал, что доживу до времени, когда мне стыдно будет говорить, что я православный...

Сложно сказать, как уходит вера в то, что без Церкви тебе конец. Вроде бы и есть какие-то события, которые запустили процесс, но определенно назвать причину, как так получилось, что вот ты внутри, а теперь снаружи, очень трудно. Но иногда даже пытаешься сделать что-нибудь, чтобы оживить свои чувства, но терпишь неудачу. На эту тему Слава рассказал забавную историю.

— Я в прошлом году был в Израиле, но ездил без всяких религиозных целей, просто отдохнуть, потому что там уже тепло было. В это время там была Пасха, и я подумал: это же must have – пробраться в этот храм на схождение огня, всякое такое. К этому времени вера уже была пошатнувшаяся, и я подумал, а вдруг там что-то такое со мной произойдет... ну, ты понимаешь.

И я позвонил знакомому, чтобы попасть в нашу русскую делегацию и с ней туда войти. Думал еще купить у армян пропуск, в инете было много о том, что в их церковном представительстве можно нелегально купить. Но мне дали «хвост», каких-то женщин в платочках, и сказали, что с ними я войду. Мы прошли через Дамасские ворота в Иерусалим — это мусульманская часть города. Если бы я вошел через еврейскую — я бы вообще не пробрался до храма: их полиция очень злая. Довольно скоро я понял, что с этими бабками я никуда не попаду — их не пустят, у них не было пропусков. Они пробовали протиснуться, но делали это всей группой, и мусульмане грубо посылали их обратно домой.

Через какое-то время ко мне подошел худой мусульманин с немного бандитским лицом, который пообещал помочь за 200 евро пробраться в храм. Я предложил ему 200 шекелей. «300», — сказал мусульманин. Триста шекелей это примерно пять тысяч рублей, ну и я решил, что хожу же я в театр за пять тысяч рублей, почему же я не пойду в храм Гроба Господня. Мусульманин стал собирать еще мужчин, чтобы провести всю компанию вместе и заработать за одну ходку больше. Наверное, поэтому я засомневался и поотстал от него.

Я сел в кафе и разговорился еще с одним мусульманином, он мне рассказал про город, про то, как они здесь живут, про евреев, про то, как он ненавидит евреев, что евреи отняли у них их дома и землю и убили за эту землю миллионы человек. Говорил он это спокойно и даже буднично, буднично говорил и о том, что евреев поддерживает США, Европа и Россия, и что эти страны будут наказаны за это. Осталось от этой беседы ощущение, которое не прошло и по сей день, что Иерусалим — город скрытой ненависти.

Потом я спросил про этого парня, который мне предлагал за 200 евро провести в храм. Да, ответил мой собеседник, я его отлично знаю, он обычно здесь торгует наркотиками, но сегодня его день, он может хорошо подзаработать. В этот день многие зарабатывают на храме, а власти ничего не хотят с этим делать — всем выгодно, досадовал он. Ты, говорит, главное

деньги ему отдай прямо в храме, не раньше. Потому что он может тебя попросить на одном из кордонов подождать 5 минут и не вернуться.

Я поймал мусульманина-наркоторговца и сказал, что деньги отдам в храме, и мы двинулись в путь. Было восемь застав, и мы прошли их все, на каждой он говорил: это мой друг, мы идем ко мне домой, это мой гость. И на каждом пункте он просил: ну, отдай мне деньги прямо сейчас. Я отвечал: нет, поверь мне, отдам, но только в храме. У женщин в платочках, с которыми я пришел, как я понял окончательно, шансов не было. Ни один мусульманин не взял бы женщину в белом платочке под руку и не повел, говоря, что это его подруга. На каждом пункте пропуска были такие застрявшие православные барышни. И когда я возвращался, многие из них по-прежнему были зажаты мусульманской полицией под палящим солнцем.

Он довел меня до храма, мы шли минут 20, на некоторых кордонах нас расспрашивали подробно, куда мы идем. Мы были у храма, думаю, около 11 дня. Двор еще не был заполнен, всех пускали напрямки. Я отдал парню 300 шекелей скрытно, покупая пуки свечей. Вокруг была уже еврейская полиция, и он сильно боялся.

И вот я в храме. С какими-то греками пробрался в зал VIP-делегаций. Надо сказать, что все эти ВИПы сидят прямо напротив кувуклии по центру, вокруг нее потом крестный ход водит греческий патриарх. Там очень тесно: они как сельди в бочке. Поэтому я залез на балкон, на котором почти никого не было, можно было хоть спать на расположенных там каменных скамьях. И с этого балкона, как с балкона театра, смотрел я на входящие делегации. Били посохами, били в бубны, кричали и радовались. Армяне, греки, копты и прочие. Было любопытно, это был настоящий спектакль. И я не разу не пожалел о потраченных деньгах.

Потом ждали и ждали. Я сидел, закинув ногу на ногу на одной из этих каменных скамей. Это на втором этаже, рядом со скалой Гроба Господня. Какая-то гречанка под села рядом и покосилась на меня. Так здесь нельзя сидеть, объяснила она мне по-гречески и жестами, чтоб я понял. Я знал, что нельзя. Общий стаж в алтаре у меня около 10 лет. И надо сказать, что в приделе, где тусуются пономари, я так сиживал довольно часто, болтая о том о сем. Но в тот момент я удивился, что и греки такие же, как русские. Я считал телесную обрядовость грехом лишь нашей церкви. Мне пришла любопытная мысль, что, по сути, этот запрет не просто странный — он являет собой

православный нонсенс. По идее, ногу на ногу сидеть более прилично и благочестиво, чем расставив ноги враскорячку.

Я встал и подошел к окошку, из которого был виден двор храма. Было около часа дня. Еврейская полиция стала собирать православных как в накопитель. Солнцепек был страшный, +30, и в церкви было место, но они не пускали, не знаю, почему, мне кажется, им это нравилось. Потом, когда люди выбегали с огнем, они смеялись над ними, было в выражении их лиц что-то издевательски-ироничное.

Около двух часов дня ко мне подошла православная бабúшка и сказала: вы не волнуйтесь, сейчас, через 15 минут, огонь сойдет, он всегда в 2.15-2.30 сходит. Кажется, я ухмыльнулся.

Но он-таки сошел в 2.17 и... это было немного обыденно, и не быложданного чуда. Но любопытно и весело от возбуждения толпы все же было. Я зажег свою свечку и попробовал умываться... Моя жгла. Это и все предыдущее заставило меня потом слегка поизучать вопрос. Как армяне думают о схождении, как копты, как израильтяне? Про евреев – все понятно. А вот армяне заявляют, что огонь в кувуклии не гасят, там горят лампы, и обыск греческого патриарха — лишь часть благочестивого спектакля в память о чуде сошествия огня, которое было два или три раза с момента постройки храма. Русским почему-то нужно, говорил тот армянин, чтобы это было каждый год.

Я вспомнил слова мусульманина в кафе, который ругал иерусалимские власти за то, что они не прекратят этот бизнес, наркоторговца, которому сегодня выгоднее водить русских парней через заставы, чем промышлять своим черным делом, и слова патриарха Кирилла, еще когда он был митрополитом. Он как-то говорил, что надо осторожно относиться к схождению огня и не строить свою веру на нем.

Знает, подумал я.